

Р63.3/2/71
4-19
22247-2

9995

+

ЧАПАЕВИЦЫ
О ЧАПАЕВЕ

8274

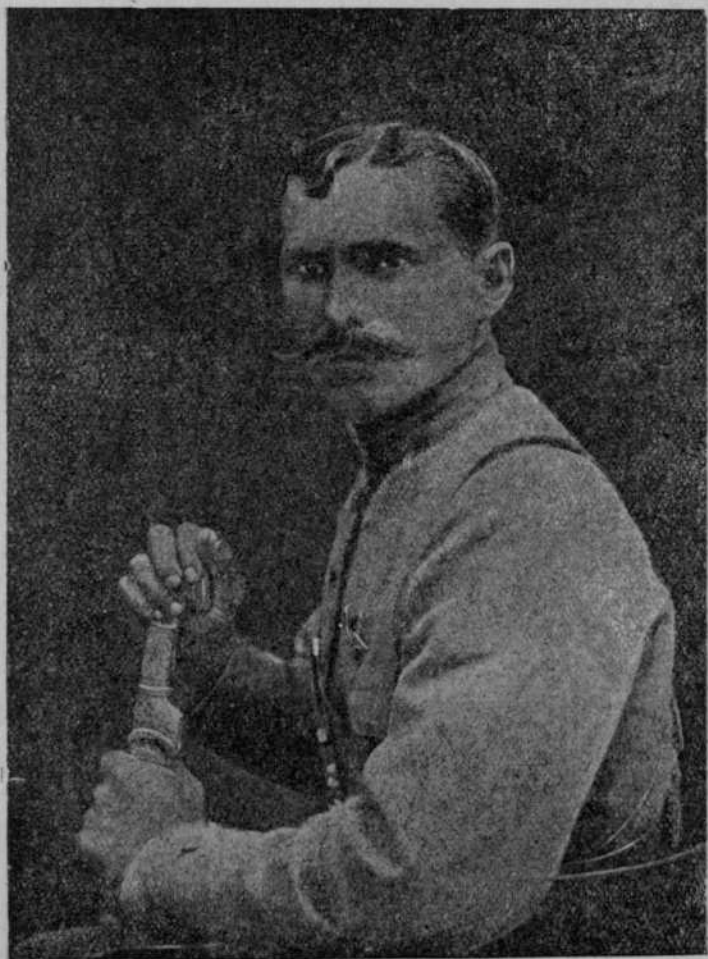
ПРОВЕРЕНО
1959

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	6 снизу	забытых	забитых
109	11 "	М. Ф. Фрунзе	М. В. Фрунзе
110	10 сверху	М. Ф. Фрунзе	М. В. Фрунзе
114	14 .	и 1-я (3)	и 1-я (73)
120	5 .	М. Ф. Фрунзе	М. В. Фрунзе
125	4 "	г. Лбищенск.	г. Лбищенск".
126	12 снизу	от оз. Челькар	от оз. Чалхар
134	9 сверху	и надводных	и надворных

В. И. ЧАПАЕВ

к.

63.3(2)71 -

к

~~0095~~

4-19

ЧАПАЕВЦЫ О ЧАПАЕВЕ

ПРОВЕРЕН *07*

САРАТОВСКОЕ
КРАЕВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 3 6

63.3(2)412.8.

209

С. П. ПЕТРОВ
И. П. ПЕТРОВ

1028

22247-кр

Российская Федерация
Библиотека
им. М. Горького

Д. ФУРМАНОВ

ЧАПАЕВ

Д.М. ФУРМАНОВ

По весне, в 19-м году, из Иваново-Вознесенска на фронт уезжал рабочий отряд, созданный Фрунзе. Сам Фрунзе в те дни уже командовал 4-й армией и находился не то в Самаре, не то в Уральске. Отряду приказано было ехать в Самару. Собрались. Прогремели на станции прощальные песни, стихли прощальные, напутственные речи, многотысячная рабочая толпа проводила на фронт своих братьев, отцов, дочерей, сыновей...

Две недели были в пути — по станциям и полустанкам, по захолустным селам, деревням, — собирали митинги, успокаивали взволнованное крестьянство горячими, бодрими речами...

А в вагонах учились — читали, беседовали, спорили: готовились к фронтовой работе, памятуя наказ своего учителя Фрунзе: „Нам от красного солдата не только нужен штык, а еще и свежая голова, умное слово, высокая сознательность, умение побеждать темноту, невежество и заблуждение, с которыми так часто мы встретимся на фронте...“

После долгих мытарств, бесконечного стояния на забытых путях, брани с беспечными железнодорожниками — добрались до Самары. Фрунзе здесь не было, — он только недавно уехал в Уральск, где собирались ударить по казацкому фронту. В Самаре он оставил записку на имя одного из отрядников — Федора Клычкова и в этой записке указывал, что отряду следует

остаться на месте, а Клычков с тремя товарищами должен немедленно ехать в Уральск. Эти три товарища — Терентий Бочкин, Павлуша Лопарь и Андреев. Живо собрались, побросали на санки легкие мешочки с походным багажом, через два-три часа уж мчались по снежной степи.

Здесь впервые от крестьян, от ямщиков, красноармейцев услышали они рассказы про степного орла, про Чапаева. Говорили, что не было боя, в котором хоть раз бы отступил он перед казачьими полками. Говорили, что отряды чапаевские никогда не знали поражения, что казаки в панике скачут прочь, лишь слышат имя грозного командира....

Он, Чапаев, ураганом носится по степям, появляется внезапно там, где его не ждали — за многие десятки, даже за сотни километров. От него никак и никогда не уберешься, он налетает неожиданно и мечет, рвет, сокрушает налево, направо... Бойцы чапаевские — молодец к молодцу, трусов нет ни одного, а кого приметили, что позорит славный отряд, — стреляют, как негодную собачонку...

Чапаев всегда впереди, он сам водит в бой, не боится ни пуль, ни снарядов. Чапаев — и добрый друг, и заботливый отец своим верным бойцам, но и гроза-командир, которому бойся попасть под горячую руку, — не уцелеет голова...

Так по степи говорили про Чапаева. Было ясно, что это — народный герой, славу которого уже подхватила народная молва, окружила эту славу былями-небылицами, разукрасила ее фантастическим вымыслом и носит, и нянчит, и любит эту славу своего героя, не дает и не даст никогда ей померкнуть; с любовью и восхищением, с гордостью будет от одного поколения к другому передавать любимое, такое прекрасное и близкое имя:

— Чапаев!

Наши товарищи слушали и сами дивились тому, какой это необыкновенный, почти легендарный герой — командир Чапаев!

И каждому хотелось не только слышать, но и увидеть его, поговорить, узнать поближе, а лучше того — разделить бы с ним боевую долю, записаться в отряд, участвовать в этих бесконечных походах-боях. Федор Клычков с Андреевым сидели глубоко в ямщицких санях,

укутанные вонючими бараньими тулупами, но мало-помалу разговорились с Гришей—возницей, а когда узнали, что сам он из Чапаевского отряда,—откинули высокие, глухие ворота, вытянулись шеями, жадно слушали рассказы Гриши.

— Я и ногу с ним повредил, с Чапаевым, — рассказывал Гриша, — когда все лето по степям из конца в конец гоняли... Они за нами охотят, а мы норовим, как бы их, значит, обмануть, казару-то... Чеха — этот дурак, а вот казару не обманешь, сам здесь вырос — чего от него путного ждать?

Гриша, откинув ворот, боком сидел на облучке, и было хорошо видно его загорелое, багровое лицо, — такое мужественное, открытое, простое...

Особенно характерно и крепко ложилась его верхняя губа, когда после волнующих слов он опускал ее, притискивая и покрывая нижнюю. Расплюснутый, широкий нос, серые глаза, низкий лоб с широкими маслянистыми морщинами — ну, лицо, как лицо, — ничего примечательного; а в то же время сила в нем чувствовалась самая коренная, самая настоящая. Грише было всего 22 года, а по лицу глядя, вы дали бы ему и 35; труды батрацкой жизни и страдания с оторванной ногой положили свои неизгладимые печати...

— Ну, и что он — молодой? — продолжал Клычков ранее начатый разговор.

— Совсем молодой, ну, тридцать, што ли...

— Казак?

— Нет, не казак... Тут от Пугачева - то будет деревня Вязовка — в ней, надо быть, и жил. А другие говорят — в Балакове жил, только приехал будто сюда, и кто их разберет...

— Как из себя-то? — допытывался жадно Клычков, — и видно было, что от разговора ему заняло дух, что боится слово пропустить, а то, что слышит, врезает в памяти, хочет полно и точно упомянуть.

— Да ведь что же: одним словом, герой, — как бы про себя рассуждал Гриша. — Сидишь, положим, на возу, а ребята увидят: „Чапаев идет, Чапаев идет...“ Так уж на дне - то его десять раз видишь, а все охота посмотреть — такой он человек. И поползешь с возу - то, смотришь — будто на чудо какое, а он это усы туда да сюда поправляет — любил усы-то, все расчесывался...

— Сидишь, — говорит?

— Сижу, мол, товарищ Чапаев.

— Ну, сиди, — и пройдет. Больше и слов от него никаких не надо, а сказал — и будто радость тебе делается какая, — вот што значит настоящий он человек.

— Ну, и герой... действительно герой? — щупал Федор.

— Так кто про это говорит, — мотнул головой Гриша. Он у нас как ведь спешил, к примеру, на Иващенко-ский - то завод, как ему охота была рабочих спасти — не удалось, не подоспел ко времю...

— Не успел? — встрепенулся Андреев.

— Не успел, — со вздохом повторил Гриша. — И не успел малость самую, а што крови рабочей за это там было — ох-ох-ох!

Гриша мотнул рукой и опустил голову.

— По - разному говорят, — продолжал он, встряхивая ворот, — только уж самое малое будет, коли две тысячи считать: так их между корпусами рядами-то и нагрудили, весь двор завален был, и женщины там, и ребятишки — всех, без разбору...

Известно, сволочь... без жалости...

Он скрежетнул зубами и нервно дернул за холодные, обиндевелые вожжи.

— Видел? — допытывал Федор.

— Как не видать... Даже и говорить бы не надобно... что же тут: кровь да мясо в грязной земле... Без разбору, подлецы, без всякого разбору...

— Ну, а он-то как — Чапаев?

— Чего же ему оставалось. Во гнев вошел, глаза заблестели, а шапку с размаху о камень как ахнет:

— Много будет, говорит, крови за эту кровь пролито, не оставим, никогда не забудем, возьмем свое!

И взял! Ой, как взял! — возбужденной скороговоркой выдохнул Гриша. — Будто очумелый кидался и пленных брать не приказал: всех, говорит, кончать, детей собачьих, чтобы не было им повадно рабочую кровь с землей месить¹.

¹ В этом повествовании Гриши, как узналось потом, была порядочная доля фантазии. а некоторые говорят, что в эти дни Чапаев со своим отрядом был далеко от Иващенко-ского завода. Но уж такова судьба легендарных героев — их всегда пристегивают к самым красочным, ярким эпизодам.

— А что у него за народ был, Гриша, — спросил Клычков, — красноармейцы-то его откуда, где брались?

— Так, здешние, кому ж итти: наш брат пошел, батрачье, да победнее который... Бурлаки были — эти даже पहले нас очутились...!

— Что же, полк у него что ли был?

— А был и полк, когда в Пугачах стоял, да все лотом отрядом больше звали, он и сам полком-то не любил прозывать: отряд, говорит, да отряд, это ближе нашему брату...

— А убитые, раненые у вас — их-то куда девали?

— Девали... — раздумчиво протянул Гриша, собираясь с мыслями.

— То не успеешь подобрать — ну, этих казара докалывала, не оставляла никогда, а кого заберешь, — по деревням совали, тут у нас народ везде есть; бывали и здесь, в Таволожке, да где не было — везде было...

— А лечили как?

— Тут и лечили, только лекарств не было никаких; чем бабушка вздумает, тем и помогает... Коли ежели другой в город попадет — этому сюда-туда, а здесь, по деревням-то, — эге, как залечивали! Ну, и где же ей, бабе темной, ногу закрыть, коли от ноги этой одни только жилочки болтаются, да кости крошеные, как погремушки хрустят... какой тут баба лекарь?

— А были такие? — наивно, с дрожью в голосе спросил Федор.

— Отчего же не быть: на то война!

— Правильно, — брякнул Андреев, сидевший молча со склоненной головой, — верно говоришь, — повторил он с силой.

— Ну, известно, — махнул тот весело рукой, — всего было...

— А питались, Гриша, как — по деревням же? — винтил деугомонный Федор.

— По деревням, — осанисто ответил парень, видимо, очень довольный, что так им интересуются. — С собой возили мало — и где его возить, куда его девать было? Тут все по деревням: они придут — они берут, мы идем — опять охулки на руку не положим... Деревне, брат, кругом пятнадцать выходило, куда ни поверни...

— Да, тяжело было, — вздохнул и Клычков.

— Всем тяжело было, а нам рази легко? — подхватил Гришуха, словно боясь, что его поймут неправильно.

— Конечно, нелегко, — торопливо согласился Федор.

— То-то и оно, — успокоился Гриша, — было всяко. Мало ли што, — отказывались там другой раз хлеба дать, овса ли лошадям, да и лошадей-то сменить, если уже своих немоготу заморим, — надо было... Раз надо, значит давай, разговор короткий... И, думаю я, одинако тут было — што у нас, што у них... Чего выхваляться, будто очень все красиво обходилось — и некрасиво было. Ты целые сутки не жрамши, да и с походу, а тут куска хлеба не дают, — где же она, красота-то, уляжется? Перво-наперво, словом, дай, мол, жрать хотим! А он тебе кукиш покажет. Тут под арест кого, а толстопузому и по морде заедешь — где там рассусоливать...

— Били? — затаив дыханье, прищурил глаза Клычков.

— Били, — ответил твердо и просто Гриша, — все били — на то война.

— Молодец, Гришуха, — весело сорвался Андреев, — право, молодец! — Андреев любил эту чистую, незаманную, грубоватую правду.

— А меня не били? — обернулся Гриша, — тоже били; да сам и Чапаев единожды хрястнул — что будешь делать?

— Как, Чапаев, за что? — встrepенулся Федор, услышав (в который раз!) это магическое, удивительное имя.

— А видишь ли, на карауле я стоял, — докладывал Гриша, — что вот за Пугачами, совсем близко, станция тут небольшая есть, — забыл, как звать. Стою, братец, стою, а надоело... Што ты, мать твою так, думаю, за паршивое дело — на карауле-то стоять, тоска заела, одним словом. А у самого вокзала, значит, березки стоят, и воронья, галок этих видимо-невидимо: га-га-га.. га-га-га... Ишь, раскричались, пахну вот — не больно, думаю, гакать станете... Спервоначалу-то подумал только, а потом и в самом деле: кто, мол, тут увидит, мало ли народу стреляют по разным надобностям? Прицелился в кучу-то: бах... бах... бах! Да весь пяток и выпалил друг за другом... Которых убил — попадали, за сучочки крылашками-то, помню, все задевали да трепыхались перед смертью, а что их было — тучами так и поднялись, поднялись да и загалдели благим матом; летят, ой.

орут, летят ой, орут... Кто его знал, что он у коменданта сидит, Чапаев-то; выходит — гроза грозой:

— Ты стрелял?

— Нет,—говорю,—не стрелял.

— А кто же галок-то поднял?

— Знать сами улетели,—говорю.

— А ну, покажи.—И хватъ за винтовку! За винтовку хватъ, а она пустая.

— Што?—говорит.—А патроны где возьмешь, сукин сын? Казаков чем будешь бить? Галка тебе страшнее казака? У... чорт!—да как двинет прикладом-то в бок... Молчу—чего ему сказать? Спыхватился, да поздно, а надо бы по-иному мне: когда норовил это за винтовку, а мне бы отдернуть: не подходи, мол, застрелю—на карауле нельзя винтовку щупать! Он бы туда-сюда, а не давать, да штык ему еще в живот нацелить, то есть, для сноровки-то... Любил... все бы разом простил!

— Любил?—переспросил, любопытствуя, Федор.

— И как любил: чем его крепче огорошишь, тем ласковее. Навсегда уважал твердого человека, что бы он ему ни сделал: „Молодец, говорит, коли дух имеешь смелый“! Ну, да где же все-то перескажешь? А вот она и Вантеевка, — обрадовался Гриша, пересел, как подбаивает вознице, ударил вожжами, причмокнул, присвистнул и так беспокоился уж вплоть до самого села. Только раз обернулся:

— На совет подвозить-то?

— Да, да — к совету, Гриша...

Въехали в Ивантеевку — большое просторное село, с широкими, укутанными, серебряными улицами... Малую деревеньку зима обращает в берлогу: засыплет, закроет, заметет, а большому селу зимой только и покрасоваться!

Гриша поддал ходу и гнал для форсу, что было мочи. В одну избушку пальцем ткнул, обернулся быстро, чмокнул аппетитно губами, щелкнул по шее, ухмыльнулся веселыми, масляными глазами: надо было, видимо, понимать, что тут работают самогонку...

Подкатили к совету, выползли из саней, хромали робко на занемелые ноги, сбросили оснеженные, заиндевелые тулупы, зацепили подмышку корзинки и узелки...

Вошли в совет.

И в совете мужики говорили про Чапаева. И по всему пути говорили про него. Слава красного командира носилась над степью, врезалась в самую гущу крестьянской массы, обворожила ее, разбередила, увлекла своей красотой. Вокруг любимого имени сплеталась тонким узором сказочная быль, творилась красочная живая легенда...

Докатились к Уральску и попали в новую, невиданную доселе, обстановку: с позиции приходили усталые полки, а им на смену уходили новые... День и ночь тянулись грузно навьюченные караваны верблюдов, громыхали по улицам тяжелые орудия или проходили в разные стороны в одиночку и группами бойцы, скакали ретивые кавалеристы, провозили медленно, тихо раненых к лазаретам, везли снаряды, продовольствие, а кругом день и ночь — пальба, пальба и пальба... Эту безудержную, бессмысленную, „вольную“ пальбу еще долго потом не удавалось прекратить в Уральске...

Товарищи наши все вчетвером поселились в гостинице, повидались и с Фрунзе, узнали от него, что скоро получат назначение. А пока что занялись партийной работой при местном комитете: организовывали, заседали, совещались, выступали на собраниях. Фрунзе уехал в Самару, а через несколько дней, по телеграмме уж, отправляли по бригадам Терентия Бочкина и Павлушу Лопаря. Простились, пожали друг другу руки:

— Увидимся ли? Прощай...

Остались Андреев с Клычковым вдвоем. Но не надолго. Снова пришла телеграмма: „Андрееву оставаться в Уральске. в дивизии, а Федору Клычкову ехать в Александров-Гай руководить политической работой в отдельной бригаде — этой бригадой будет командовать... Чапаев!“

Как прочитал Федор это последнее слово, так и обмер. Крепко забилось сердце, затуманились, перепутались мысли, и восторг, и изумление, и какая-то дикая, безумная радость распирали грудь. Много раз читал, перечитывал, не верил глазам, потом читали с Андреевым вместе.

„Да, сомнений нет никаких—выпала доля работать с Чапаевым“. Вихрем кружились мысли, не давали покоя.

„...С тем самым Чапаевым... с тем самым, чья слава гремит-перекатывается по Уральским степям... Чье имя

знают и седые старики и малые дети... Ах, какое же это изумительное счастье выпало мне на долю!..“

В телеграмме ничего не значилось, где Чапаев— видимо, в Александровом-Гаю его все-таки не было.

„Но, все равно, все равно, — торопился Федор.. — Я не могу, не хочу я ждать больше ни единого часа...“ — И, закрутив свой тощий походный мешочек, — он вскоре сел в кибитку, прощаясь с Андреевым:

— Ну, Федя, лицом в грязь не ударь—поддержи губернию...

— Прощай..., Андреев, прощай, дружина, не подкачаем... Я тебе напишу... Прощай...

Зазвенели бубенчики, фыркнули кони, свистнул ямщик привычным, пронзительным свистом, и вот она снова белая, ровная, снежная красавица—уральская степь! И снова ночевал Федор по мужицким халупам, курил сушеные гнилушки, растабаривал на разные темы, обсасывал грязные косички тяжелых вонючих тулупов. Приехал в Алгай—так называли сокращенно Александров-Гай. Чапаева нет. Он скоро должен приехать. Подступил вплотную к политическому отделу, горячо взялся за новую интересную работу. Полетели митинги, собрания в ячейке, совещания с комиссарами. Так промчалось несколько дней.

— Как-то рано утром, часов в 5-6, Федору постучали в дверь. Отворил—стоит незнакомый человек.

— Здравствуйте, я—Чапаев!

Пропали остатки дремоты, словно кто ударил, и мигом отрезвел от сна. Федор быстро взглянул ему в лицо, протянул руку как-то слишком торопливо, изо всех сил стараясь держать себя спокойнее.

— Кличков... Давно приехали?

— Только со станции... Там мои ребята... Я лошадей послал.

Федор быстро-быстро обшаривал его пронизывающим взглядом—хотелось скорей рассмотреть, увидеть в нем и все понять—как темной ночью на фронте шарит прожектор, хищно заглядывая в каждую скважину, в каждую щель... Перед ним стоял обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками; жидкие темнорусые волосы косичками прилипали ко лбу; короткий, нервный

топкий нос, тонкие брови в цепочку, тонкие губы, блестящие чистые зубы, бритый начисто подбородок, пышные фельдфебельские усы... Глаза светлосиние, почти зеленые—быстрые, умные, немигающие. Лицо матовое, свежее, чистое—без прыщиков, без морщинок. Одет в защитного цвета френч, в синие брюки, на ногах оленьи сапоги. Шапку с красным околышем держит в руке, на плечах ремни, сбоку револьвер. Серебряную шашку с зеленой поддевкой—как вошел—бросил на сундук... Стоит улыбается... Левым мизинцем разглаживает мягкие, шуршащие, прекрасные усы... С дороги как будто не грех бы и чаю напиться, а он и чай пить не стал, отказался, разговаривал стоя, вестового отослал к командиру бригады, чтобы тот пришел скорее в штаб, куда придет сейчас же и он, Чапаев.

Скоро шумной ватагой ввалились приехавшие с ним ребята; закидали все углы вещами: на столы, на стулья, на подоконники набросали шапки, перчатки, ремни, разложили револьверы, некоторые сняли бутылочные белые бомбы и небрежно сунули их тут же среди шапок и рукавиц. Загорелые, суровые, мужественные лица; грубые, густые голоса; угловатые, неотесанные движения и речь, скроенная нескладно, случайно, зато сильно и убедительно. У иных манера говорить была настолько странная, что можно было думать, будто они все время бранятся: отрывисто и резко о чем-то спрашивают, так же резко и будто зло отвечают; вещи летят швырком... От разговоров и споров загудел весь дом; приехавшие живо и всюду „распространились“, а через две минуты Федор видел, как один из гостей развалился у него на неубранной еще постели, вздернул ноги вверх по стене, закурил и пепел стряхивал сбоку, нацеливаясь непременно попасть на чемоданчик, стоящий возле постели...

Другой привалился к „туалетному“ слабенькому столу, и тот хрустнул, надломился, покачнулся набок. Кто-то рукояткой револьвера выдавил стекло; кто-то овчинным грязным вонючим тулупом накрыл лежавший на столе хлеб, и когда его стали потом есть—воняло омерзительно. Вместе с этой ватагой словно еще задолго до нее, ворвался в комнаты крепкий, здоровенный, шумливый разговор. Он не умолкал ни на минуту, но и не разрастался: гудел-гудел все с той же силой, как

В. И. ЧАПАЕВ

22247-кр

вначале,—то была нормальная, обычная речь этих свежих степных людей. Попробовали бы разобрать, кто у них тут начальник, кто подчиненный: никаких признаков, даже намеков нет; обращение одинаково стильное, манеры одинаково самобытные, речь одинаково примитивная, насыщенная ядерной степной простотой. Одна семья! Но нет никакой видимой привязанности одного к другому или предупредительности, никаких взаимных забот, хотя бы в самомельчайших случаях: нет ничего. А в то же время видите и чувствуете, что это одна и крепко свитая пачка людей, только перевита она другими узами, только отчеканилась она в своеобразную форму: их свила, спаяла кочевая, боевая, полная опасностей жизнь; их сблизило мужество, личная отвага, презрение лишений и опасностей, верная, неизменная солидарность, взаимная выручка—вся многотрудная и красочная жизнь, проведенная вместе, плечом к плечу, в строю, в бою.

Чапаев выделялся. У него уже было нечто от культуры, он не выглядел столь примитивным, не держался столь элементарно: у него работали и задерживающие центры.

Отношение к нему было тоже несколько особенное,—знаете, как иногда вот по стеклу ползет муха: все ползает, все ползает смело, наскокивает на других таких же мух, перепрыгивает, перелезает, или столкнутся и обе разлетаются в стороны, а потом вдруг наскочит на осу и в испуге — чирк: улетела! Так и чапаевцы — пока общаются между собой — полная непринужденность: могут и сказать что угодно, и бросить друг в друга шапкой, плеснуть из стакана. Но лишь встретился на пути Чапаев — этих вольностей с ним уж нет: не из боязни, не от сознания неравенства, а из особенного уважения! „Хоть и наш, дескать, он, а совершенно особенный и со всеми равнять его не годится“...

Это чувствовалось ежесекундно, как бы вольно они при Чапаеве ни держались. Как бы ни шумели, ни ругались, лишь соприкоснутся — картина меняется быстро, естественно и произвольно...

— Петька, в комендантскую! — скомандовал Чапаев одному из присутствующих — маленькому, худенькому, черномазому, числившемуся при нем „для особенных поручений“.

— Я через два часа еду, лошади чтобы готовы. Верховых вперед отошлешь. Нам с Поповым санки — живо! Ты, Попов, со мной, — обратился он к коренастому, желтолицему соседу, лет 35, немножко сутулому, со смеющимися серыми глазами, хриплым голосом, мягкими, почти женскими, движениями.

— Больше никого, комиссар вот еще поедет, да конных дать троих! Остальные за нами на Таловку, лошадей не гнать напрасно, быть к вечеру.

Петька, как только выслушал — шапку в руки и галопом в комендантскую. Попов что-то буркнул под нос, давая знать, что слышал сказанное.

— Слушай, — оглянулся Чапаев кругом — ах, да, услад его... Ну, ты, Кочнев, сбегай посмотри в штабе, если собрались — скажешь... — Кочнев вышел. Он почему-то показался Федору гимнастом: такой быстрый, легкий, гибкий, жилистый. Коротенькая телогрейка, коротенькие рукава, крошечная шапочка на затылке, на ногах штилеты, до колен обмотки. Годов ему меньше 30, а лоб весь в морщинах. Глаза хитрые, светлосерые, нос широкий и влажный — он им шмыгает и как-то все набок искривляет. Зубы белые, здоровеннейшие, когда смеется — хищно оскаливает, будто собираясь укусить.

Был тут Чеков — бросался в глаза широкими рыжими бровями, пышными рыжими усами, огромной пастью, выпяченными скулами, отвислою нижней губой, четырехугольным подбородком, парюю глаз-углей, крутой, широкой, могучей грудью; годов ему было 42—43.

Возился с чайниками, доставал и резал хлеб, неумолчно острил, смеялся, всех задевал, всем отвечал — Илья Теткин, заслуженный красногвардеец, маляр по профессии, добродушный, звонкий, всеми любимый, охотник до песни, до игры, до забавы... Годами чуть постарше Петьки, — 26—28.

Рядом стоит и ждет невозмутимо, терпеливо, спокойно хлеба от Теткина — Вихорь, лихой кавалерист, опытный командир конных разведчиков, на левой руке без мизинца — это обстоятельство — мишень для острот:

— Вихорь, ткни его мизинцем...

— А мизинчик покажешь — папироску дам...

— Девятипалая брында...

Вихоря трудно возмутить: от природы таков, всегда таков, и в бою² таков — много молча может сделать человек!³

Больше всех толкался, больше всех бранился и шумел Шмарин, в дубленой поддевке, в валенках (все зяблет, большой), с хриплым, как у Попова, голосом, черноглазый, черноволосый, смелый, изо всех самый старший: под пятьдесят.

Кучер Аверька, парнишка — тут же со всеми, оперся на кнут, зорко доглядывает, как идут хлопоты насчет чаю и закусок. Лицо багровое, нос, как луковица, глаза всегда осовелые, губы обветренные, в трещинах, на шее намотан платок — с ним и спит.

Из вестовых постоянный и любимый — Лексей, давний знакомый Чапаева, дотошный, ловкий, изворотливый парень; когда что надо достать, посылается Лексей. Все добудет, приготовит, принесет: перекусить ли, чеку на повозку, ремешок ли какой к седлу, лекарства домашнего раздобыть — никого не посылают, кроме Лексея...

Что за народ подобрался — как только лицо, так и тип, хоть пиши с него. У каждого свое. Нет двоих, у которых было бы одно: у каждого яркое, строго четкое слово. А все вместе — нераздельное, перевитое и свитое целое — одна семья!

Вошел Кочнев:

— Командир бригады в штабе, можно итти...

Произошло некоторое шевеление — любопытство осветило не одну пару устремленных на Чапаева глаз.

— Идем, — и Чапаев мотнул головой Попову, ткнул пальцем Шмарину и Вихорю. Зазвенели шпорами, застучали подбитыми в подковы каблуками, вышли — Федор вместе с ними. С командиром бригады Чапаев поздоровался наскоро, отрывисто, глядя в сторону, а тот галантно изогнулся, пришпорил, потом подвытянулся, чуть ли не отрапортовал... О Чапаеве много слышал, только больше всего со скверной, хулиганской стороны, в лучшем случае со стороны комической...

Изо всех дверей выглядывали любопытные, — так в купеческом где-нибудь доме выглядывают изо всех щелей „домашние“, когда случится приехать знатному гостю. Видно было, что насыщался о Чапаеве не один

только командир бригады. В помещении штаба чисто не по-обыкновенному: все сидят и все стоит на своих местах, приготовились чин-чином, не хотели ударить в грязь лицом, а может опасались: горяч Чапаев-то, кто знает, как взглянет... Когда вошли в кабинет комбрига, тот сейчас же разостлал по столу отлично расчерченный план завтрашнего наступления. Чапаев взял в руки, посмотрел молча на чертеж, положил снова на стол. Подвинул табуретку, сел. За ним присели некоторые из пришедших.

— Циркуль...

Ему дали плохонький, заржавленный циркуль.

Раскрыл, подергал-подергал, — не нравится.

— Вихорь, поди-ка у Аверьки из сумки достань...

Через две минуты Вихорь воротился с циркулем, и Чапаев стал вымеривать по чертежу. Сначала мерил только по одному чертежу, — все стояли в глубоком молчании и сосредоточенно наблюдали за каждым его движением.

Потом карту достал из кармана, по ней стал измеривать, справлялся о расстояниях, о трудностях пути, о воде, об обозах, об утренней тьме, о киргизах, о реке, о буранах...

Тишина. Только редко-редко вставит комбриг нужное слово, отвечает ему на вопросы...

Видно, как перед взором Чапаева разворачиваются по чертежу снежные долины, сожженные поселки, двигающиеся в сумраке цепями и колоннами войска, ползущие обозы, в ушах свистит-гудит холодный утренний ветер, перед глазами мелькают бугры, колодцы, замерзшие речонки, поломанные мостики, чахлые кустарники: он мысленно шел в наступление... Когда окончил вымеривать, указал комбригу, где и какие ошибки: то переход велик, то привал неудачен, то рано выйдут, то поздно придут — и все соображения подтверждал отметками, которые делал, пока измерял...

Петька высунул в дверь свою крошечную, птичью головку, мизинцем поманил Попова и сунул ему записку. Там значилось: „лошады и вся готовыя дылежи василей иванычу“...

Петька знал, что в некоторые места и при некоторой обстановке, несмотря на свои „особенные поручения“,

вваливаться ему нельзя, и тут он действовал постоянно подобными записками. Записка подоспела во-время: все было сказано, отмечено, подписано,—сейчас же приказ полетит по полкам. Формалистика с приемом дел отняла немного времени...

— Я командовать приехал, — заявил Чапаев, — а не с бумажонками возиться, для них писаря есть!

— Василь Ваныч, — шепнул ему Попов, — я вижу ты кончил... Все готово, ехать можно.

— Готово? Едем, — поднялся Чапаев быстро со стула. Все расступились, и он вышел первый, — так же, как первым и вошел сюда...

На воле, у крыльца собралась толпа красноармейцев, — услышали, что приехал Чапаев. Многие вместе с ним воевали еще в 18-м году, многие знали лично, а слышали, конечно, все до единого. Вытянутые шеи, сверкающие восторгом и изумлением глаза, заискивающие улыбки, расплывшиеся до ушей...

— Да здравствует Чапаев! — гаркнул кто-то, лишь только сошел он с лестницы.

— Ура.. а...а!.. Ура...а...а!..

Со всех сторон сбегались красноармейцы, подходили жители, толпа росла.

— Товарищи! — обратился Чапаев.

Вмиг все смолкло.

— Мне некогда сейчас, еду на позицию. Завтра там увидимся. Мы приготовили казакам хорошую закуску, завтра угостим — авось подавятся... Поговорим потом — ну, прощайте!...

Опять „ура... ура“. Чапаев уселся в санки, за ним примостился Попов. Трое конных ждали тут же. Федору подвели оседланного шустрого вороного жеребца.

— Айда! — крикнул Чапаев. Кони рванулись. Толпа расступилась, зашумела еще громче, — так шпалерами и ехали до самой окраины Александрова-Гая.

Степная снежная дорога скучна и однообразна. В прошедшие теплые дни бугорки оплешивели было до самой земли, а теперь и их занесло, приморозило. Кони идут легко и быстро. Чапаев с Поповым сидят почти что спинами друг к другу, можно подумать, что переругались: обдумывают предстоящее дело, готовятся к завтрашнему дню.

В трех-четырех шагах за повозкой поспевают всадники, ни ближе, ни дальше, все время на одном расстоянии, как прикованные...

Заморозился Чапаев сидеть без движения, остановил повозку, посадил на свое место одного из всадников, а сам поехал верхом. Подскакал к Федору, и они разговорились...

Чапаев стал рассказывать о трудностях борьбы с казаками, о слабой помощи центра, о недостатке патронов, снарядов, о генеральском засильи в штабах, о своей ненависти, о презрении к этим „вредным“ организациям, где только „шпана одна собралась, чтобы мешать нашему брату воевать, как следует“...

Федор его разубеждал, опровергал, доказывал, как штабы необходимы и полезны, как и там „настоящие наши товарищи“ ведут борьбу с предательством и саботажем... Но переубедить Чапаева было невозможно — он крепко, упорно стоял на своем.

— Без генералов не обойдемся, — пояснял ему Клычков.

— Обойдемся...

— Нет, не обойдемся... Удалью одной большого дела не сделаешь, знания нужны, а где они у нас? Кто их, знания-то, кроме генералов даст? Они же этому учились — они и нас должны этому учить... Будет время — свои у нас учителя будут, но пока нет их, а раз нет, у других учиться надо...

— Чему они научат, чему? — горячо возразил Чапаев, — вы думаете скажут, что делать надо? Поди-ка, сказали!... Был я и сам в академии у них, два месяца болтался, а потом плюнул, да опять сюда — нечего делать там нашему брату... Один, Печкин, профессор есть гладкий, как колено, на экзамене:

— Знаешь, — говорит, — Рейн-реку? А я всю германскую воевал, как мне не знать-то? Только подумал — да, што, мол, я ему отвечать-то стану:

— Нет, дескать, не знаю. А сам-то ты, говорю, знаешь Солянку-реку?

Он вытаращил глаза, не ждал этого, да:

— Нет, говорю, не знаю, а что?

— Значит, и спрашивать нечего. А я на этой Солянке поранен был, пять раз ее взад и вперед переходил...

Што мне твой-то Рейн—на кой он чорт, а на Солянке я тут должен каждую кочку знать, потому што с казаками мы тут воюем...

Федор рассмеялся, посмотрел на Чапаева, подумал: „Это у народного-то героя, у Чапаева, какие же младенческие мысли? Знать, всякому свое: кому нужна наука, а кому не дается она... Два месяца побыл в Академии, а ничего не нашел там хорошего, ничего не понял. А и человек ты умный, Василий Иванович, только сыр, знать, больно, обсушиться надо...“

— Мало побывали в Академии-то, — сказал Федор, — в два месяца ничего не усвоишь... Трудно это...

— Хоть бы и совсем там не бывать, — махнул рукой Чапаев. — Меня учить нечему, я и сам все это знаю...

— Нет, оно как же не учиться, — возразил Федор, — учиться всегда есть чему.

— Да, есть, только не там, — подхватил возбужденный Чапаев. — Я знаю, что есть... И буду учиться, я скажу вам... Так оно выходит — почти ведь неграмотный вовсе, то есть, я-то... Только четыре года назад и писать-то научился, а мне уже 35 годов. Всю жизнь, можно сказать, в темноте ходил... Ну, да что — другой раз поговорим, — надо быть, Таловку видно.

И он дал шпоры. Федор последовал его примеру. Нагнали Попова. Через десять минут въезжали в Казачью Таловку...

Уже опустились сумерки. В халупе, где остановились, было совсем темно. Достали откуда-то огарок восковой церковной свечки, приладили его на чайное блюдо, сгрудились вокруг стола, разложили карту, начали рассматривать и обдумывать подробности утреннего наступления. Чапаев сидел посредине лавки. Обе руки положены на стол — в одной циркуль, в другой карандаш. Командиры полков, батальонные, ротные и просто рядовые бойцы примкнули кольцом, — то облокотились, то склонились, перегнулись над столом и все всматривались пристально, как водил Чапаев карандашом, как шагал по журавлиному, маленьким белым циркулем.

Тут, собственно говоря, никакого совещания и не было, — Чапаев взялся только ознакомить, рассказать, предупредить... Наступали с трех сторон на станицу

Сломихинскую. Полками. Надо было соблюсти большую осторожность, развить большую быстроту, стремительность наступления. Чапаев давал советы. Стоявшие слушали, иные что-то записывали, отмечали себе в книжечках, на лоскутках бумаги...

А потом, как кончили, зашумела вольная беседа... Всемогуший Петька устроил чаепитие, и уж тут поднялось настоящее веселье...

— А надо песню — объявил Чапаев. Заулыбались, встрепенулись все, заерзали на местах.

И Чапаев запел. Голос был у него металлический, дребезжащий и сразу как-будто неприятный. Но потом, как прислушаться, — привлекала искренняя задушевность и увлечение, с которыми он пел любимые песни. Любимых было немного, всего четыре или пять. Их знали до последнего слова все его товарищи, видно, что часто певали.

Чапаев мог забирать ноты невероятной высоты, и в такие минуты всегда становилось страшно, что обрвется, но никогда ни разу с ним этого не случилось, только если уж очень перекричит — охрипнет и дня четыре ходит мрачный и недовольный: без пенья он всегда был мрачен и не мог, не скучая, прожить одного дня. Какая бы ни была обстановка, как бы он ни измучился в походе, в бою, в работе — непременно выкроит хоть десяток минут, чтобы попеть.

Другого такого любителя песен, пожалуй, и не подыскать; ему песни, видимо, были как хлеб, как воздух — необходимы органически.

И ребята его, видно больше по привычке и за компанию, никогда не отставали от Чапаева.

Ты, моряк, красив собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

Песенка шла до конца в этом же роде — довольно пустая, совершенно бессодержательная. И любил ее Чапаев больше всего за припев — он так согласовался с его собственной кочевой, беспокойной жизнью:

По морям, по волнам —
Нынче здесь, а завтра там...
Эх, — по морям-морям-морям,
Нынче здесь, а завтра там...

Этот припев, подхватывавшийся хором, действительно выходил замечательно сильно, бодро и увлекательно. Потом про „Стеньку“ пели, про Чуркина-атамана и наконец:

Сидит за решеткой, в темнице сырой
Вскормленный на воле орел молодой...

Пропели, пробалагурили до полуночи. Потом пригнулись кто где мог, уснули. Наступление было рассчитано таким образом, чтобы под Сломихинской очутиться—чуть станет светать.

И было еще совсем темно, когда поседлали коней и из Таловки поехали на другой такой же крошечный и разрушенный поселок, на Порт-Артур. В сумрачном небе сверкнули первые блески шрапнели. Удар за ударом, удар за ударом—все крепче, все громче, все злей били орудия. Начинаясь бой. Въехали во вторую цепь, на поводу вели коней. Чапаев говорил с командиром полка:

— Посылал?

— Посылал, да не воротился, — отвечал командир полка.

— А еще послать! — отрубил Чапаев.

— И еще посылал, одинаково...

— Опять послать, — настаивал Чапаев.

Командир полка на минуту замолчал, поняв, что это — „еще послать!“ может повторяться без конца.

— Оттуда были? — резко спросил Чапаев.

— И оттуда нет...

— Давно?

— Больше часу...

Чапаев нахмурил брови, но ничего не сказал и разговора дальше не поддерживал. Речь шла о связи: с одним полком связь была отличная, с другим ничего не получалось. Потом выяснилось, что полк этот опоздал из-за того, что красноармейцы почему-то усомнились в своем командире, бывшем офицере царской армии, почему-то вдруг предположили, что он их ведет на измену, под расстрел. И сразу не пошли, надолго задержались, только после соединились с другими частями. Подходили к Сломихинской, до нее оставалось 1½—2 километра. Здесь гладкая, широкая равнина, сюда из станицы бить особенно удобно и легко, а казаки все молчат... Почему? Это зловещее молчание страшнее орудийного грома.

Уж не готовится ли западня? Не ушли ли казаки из станицы, не готовят ли удар с другого конца? Первая цепь шла тихим, ровным шагом — идет — идет и остановится, снова пройдет несколько шагов и снова остановится. От зловещего молчания было всем не по себе.

И вот, когда до окраины, до серых высоких мельниц, осталось 800 метров, — станица заговорила. Ударили орудия, четкой дробью забарабанили тревожные пулеметы. Цепь запала: теперь она торопилась перебежками — вскочит, промчится несколько шагов и падает на землю; просверливают наспех бойцы крошечные ямки в промерзлом снегу, быстро высовывают головы, словно кучка снега, что насыпана перед ямкой, спасет от мелкой пули. Так, шаг за шагом, одна перебежка за другой — все ближе, ближе, ближе к мельницам...

То здесь, то там, раскинувшись по снежной простыне, отстают бойцы: одни еще в судорогах корчатся, стонут, просят о помощи, а другие недвижимо, застыли в лужах сочной, свежей крови...

Цепь их не видит, цепь их не слышит, — она все скачет вперед, вся напряженная, вся устремленная, и смотрит только туда, на станицу, откуда огонь и скрежет, и гром, и свист, и вой, откуда смерть.

Возбужденный, с горящим взглядом носится Чапаев из конца в конец. Отсылает гонцов то к пулеметам, то к снарядам, то к командиру полка, то снова скачет сам, и видят бойцы, как мелькает его худенькая фигура, плотно впаянная в седло. Вот подлетел кавалерист, что-то быстро-быстро сказал.

— Где? На левом фланге?

— На левом.

— Много?

— Так точно ..

— Пулеметы на месте?

— Все в порядке... послали за подмогой.

И он скачет туда, на левый фланг, которому грозит опасность. Казаки несутся лавой. Уж близко видно скачущих коней... Подлетел к командиру батальона:

— Ни с места! Всем в цепи... Огонь залпами — понял?

— Так точно...

И он пронесся по рядам припавших к земле бойцов:

— Не робей, не робей, ребята!.. Не вставать... Подпустить — и огонь по команде. Всем на месте... Огонь по команде!!

Крепкое, твердое слово так нужно бойцам в эти последние роковые мгновенья. Они спокойны. Они знают, слышат, видят, что Чапаев с ними. И верят, что не будет беды.

Как только лава домчалась на выстрел — ударил залп, за ним другой.. Нервная, торопливая пулеметная дрожь.

— Тра-та-та... Тра-та-та... — играли пулеметы.

— Ах...х...Ах...х Ах...х... — вторили четкие, дружные залпы.

Лава сбилась, перепуталась, на мгновенье замерла...

— Ах... х... Ах... х... Ах... х... — били залпы один за другим.

Лава не движется... Кони мордами повернули вспять — казаки мчатся обратно, а им вдогонку:

— Тра-та-та... Ах... х... Ах... х...

— Тра-та-та... Ах... х... Ах... х...

Отбита атака. Уж бойцы поднимают головы, у иных на лицах, все еще напряженно-тревожная, чуть играет торжествующая улыбка...

Цепи под самой станицей... Все чаще, быстрее перебежки... Пулеметный казацкий огонь шарахает злобным визгом по редкой цепи. И лишь она вскочит, помчится, — с новой силой отрывисто лают казацкие залпы, покрытые мелкой, волнующей рябью смертоносной пулеметной игры... Уже бойцы забежали за первые мельницы, кучками спрятались — где за буграми, где у забора — все дальше, все глубже — и вдруг взорвалось громовым ударом:

— Ура!..

Цепь передернулась, вздрогнула, винтовки схвачены наперевес, порывистой скачкой неслась в последнюю атаку...

Больше не слышно казацких пулеметов: изрублены на месте вражьи пулеметчики... По станице несутся краснормейцы... Где-то далеко-далеко мелькают последние всадники. Красная армия вступила в станицу Сломинскую...

Далеко, к „Чижинским разливам“ угнали перепуганных казаков. Станица преобразилась. В доме богатея Карпова

основался штаб бригады. Там, где было станичное правление, разместился быстро сколоченный ревком — над крылечком привесили красный флаг. Работа кипела. В штабе, как в таборе: шум, гром, суетливая беготня, отчаянная брань, вопросы, приказания — и все наспех, с криком, бегом...

Были случаи, — красноармейцы шуровали по халупам.

Приходили плачущие женщины, просили о помощи, жаловались!..

Дошли эти вести и до Чапаева, — закипев негодованием, загорелся, забунтовал, кому-то приказывал:

— Ловить подлецов! Стрелять на месте! Што это — банда или Красная армия? Што мы — грабить ворвались или на помощь пришли?.. Ловить, стрелять на месте!

Через два часа приказал на площади собраться всем красноармейцам, объявил:

— Сказать, што с а м говорить буду! — Ровно через два часа собрались. Сердит и суров заскочил на бочку Чапаев. И с первого слова — прямо к делу:

— Я приказываю вам больше никогда не грабить, грабят только подлецы — поняли? Што вы — бороться или воровать пришли сюда? Не потерплю я того, што происходит, я буду расстреливать каждого, кто будет наперед замечен в грабеже; сам же первый — э т о й вот и расстреляю... — Он энергически потряс в воздухе правой рукой.

— А я попадусь — стреляй и меня — не жалея Чапаева. Я вам командир, но командир только в строю. На воле я вам товарищ. Приходи ко мне в полночь и за полночь; надо, так разбуди, я навсегда с тобой, я поговорю, скажу, што надо... Обедаю — садись со мной обедать, чай пью — и чай пить садись, вот я какой командир..

Эта примитивная, почти ребяческая речь была совсем не смешна, наоборот — и нужна и полезна здесь, в мало развитой, сырой массе бойцов, эта речь, такая искренняя и горячая, — она заставляла дрожать и звала и зажигала, взволновала глубоко красноармейскую массу. Чапаев отлично знал, с кем имеет дело и как надо говорить с бойцами по-настоящему...

Передохнул минутку и пронзительным металлическим голосом говорил — приказывал:

— Кто вам позволил брать чужое? Што, я беру? Нет, не беру и не возьму... А я, что вы — одно и то же! Я к этой жизни привык, товарищи. „Академиев“ я не проходил, я их не закончил, а все-таки вот сформировал 14 полков и во всех них был командиром. И там везде у меня был порядок, там грабежу не было, да не было и того, чтобы из церкви вытаскивали рясу поповскую... Што ты — поп? Оденешь, что ли, сукин сын. На што украл?

Чапаев грозно обернулся в одну, в другую сторону, даже перегнулся назад, посмотрел проницательно и быстро, как будто хотел узнать среди многотысячной серой массы того злодея, о котором теперь говорил.

— Поп, известное дело, врет, — отвесил Чапаев крепкую мысль. — Он и живет обманом, а то и какой же поп из него образуется? Не трожь, говорит, скромного, а сам будет гуся в масле жрать, только кости потрескивают... Чужого, говорит, не тронь, а сам ворует — этим попы и опостытели нам. Это верно, а все-таки веру чужую не трожь, она не мешает тебе, — верно ли говорю, товарищи?

Место было выигрышное. Чапаев это знал и потому именно в этом месте поставил свой вопрос. Красноармейцы-крестьяне, подогретые его горячими словами, словно давая исход задушевному долговому молчанию, сочувственно закричали, что было мочи. Только этого и ждал Чапаев: симпатии слушателей были теперь всецело на его стороне, дальше речь как ни построй, — успех обеспечен.

— Ты вот тащишь из чуждого дома, а оно без того все твое. Раз окончится война, — куда же оно все пойдет, как не тебе? Все тебе! Отняли у буржуя сто коров, — сотне крестьян отдадим по корове... Отняли одежду, — и одежду разделим поровну, — верно ли говорю?

— Верно... верно... — гремело-катилось в ответ. Кругом оживленные лица, разгоревшиеся, пламенеющие восторгом глаза.

Красноармейцы быстро, обрывками слов, кивками головы, короткими взглядами выражают друг другу свое сочувствие, свое согласие, свое довольство!.. Чапаев держал в руках коллективную душу огромной массы и заставлял ее мыслить и чувствовать так, как мыслил и чувствовал сам.

— Не тащи, — выкрикнул он, жестикулируя левой рукой, и вдруг приостановился: не находил нужного слова. — Да... не тащи... говорю, а собери в кучу и отдай своему командиру, все отдай, что у буржуя взял. Командир продаст, а деньги положит в полковую кассу... Ранят тебя, — вот, получи из этой кассы сотню рублей... Убили тебя, — раз тебе на всю семью по сотне, — што, каково? Верно говорю, али нет?

Тут уже случилось нечто непредставляемое, — восторг перешел в бешенство, крики перешли в исступленный, безумно-восторженный вой...

— Все штобы было отдано, — заканчивал Чапаев, когда волнение улеглось, — до последней нитки отдать, што взято, — там разберем кому отдать, у кого што оставить, вам же на помощь... Поняли? Чапаев шутить не любит: пока будут слушать, — и я товарищ, а нет дисциплины, — на меня не обижайтесь.

Он закончил свою речь под отчаянные рукоплескания, под долго несмолкавшее „ура“.

На бочку, с которой только что спрыгнул Чапаев, влетел красноармеец, мигом распахнул шинель, задрал гимнастерку и быстрым движением расстегнул стягивавший штаны массивный серебряный казацкий пояс:

— Вот он, товарищи, — кричал красноармеец, потрясая поясом над головой — семь месяцев ношу... В бою достался... сам убил, сам с убитого снял, а отдаю: не надо... На што он мне? Пущай на помощь идет, на общую...

— Да здравствует наш геройский командир, товарищ Чапаев!!!

Толпа задрожала от приветственных восторгов.

После Чапаева взял слово Федор Клычков. И взял он свое слово единственно для того, чтобы разъяснить, сколько можно, опасные, неверные мысли Чапаева и о полковой кассе, и о дележке, вроде той, что „сотню коров — сотне крестьян отдадим...“

Но, видя, какое глубоко неотразимое впечатление произвела чапаевская речь, Федор был особенно осторожен и подпускал фразы, вроде того, что:

— Хорошую и верную мысль т. Чапаева о дележке коров наши враги истолковали бы, конечно, так, будто мы берем, тащим и делим кому что и как думается...

Но не так думаем мы с т. Чапаевым, да и сами вы, конечно, думаете не так... — и он осторожно, но верно сваливал с ног ту „деležку“, которую, пожалуй, Чапаев и предлагал...

Митинг закончился с большим воодушевлением. Растащившие всякое барахло красноармейцы живо снесли его по своим командирам, а уже оттуда, после проверки, выдавали его пострадавшим жителям...

Станица успокоилась, настроение поднялось, станичники заботливо, участливо помогали во всем красноармейцам, ухаживали, как за дорогими гостями.

Ни грабежей, ни бесчинства, ни насилий больше не было.

Спустились сумерки. Истомленные походом и трудностями дня, спали бойцы, спали командиры... Заснул и Федор. Чапаев скоро разбудил его подписать какой-то приказ. Проснулся, подписал, опять заснул. И опять разбудил его Чапаев. Так всю ночь, до утра, без сна просидел этот удивительный человек. Проснется Федор и видит, как сидит Чапаев один, при свете дрянной лампы, сидит, склонившись над картой, с неизменным циркулем в руке: померит-померит, запишет, опять смерит и снова запишет... Словно и не было минувшего похода с боевыми трудностями, боевыми переживаниями, с атакой на пулеметчиков у окраины станицы...

В Сломихинской пробыли четыре дня. Фрунзе по прямому проводу сообщил, что бригаду перебрасывает на другой фронт — на Колчака под Бузулук. Для переговоров Клычкова и Чапаева он вызвал к себе в Самару. Живо погрузились, простились с товарищами, звякнули кони бубенцами — покатали на Самару... Весь долгий путь — по селам, по станицам, куда бы ни приехали, Чапаева везде встречали, как признанного героя, дорожили каждым его словом, во всем старались потратить — угодить... А он эти заботы принимал, как должное, — не кичился, не задирался, иного отношения к себе, видимо, и не ожидал, обращался с крестьянами просто, задушевно.

Долго, много беседовал в пути Чапаев с Федором. Рассказывал Чапаев и про свое прошлое — как в детстве пас свиней, как плотничал, даже где-то торговал у купцов, а потом с шарманкой ходил по волжским

городам... Потом забрили—и до самой революции оставался он под ружьем, был и ранен, был и награжден неоднократно... Приехали в Самару. Недолго поговорили с Фрунзе, все было ясно с первого слова: Колчак напирает грозно на Волгу, и здесь, под Бузулуком, надо встретить его достойным образом. Чапаева Фрунзе поставил во главе дивизии, Клычкова оставил с ним комиссаром.

Открывалась новая полоса боевых испытаний.

Двигался Колчак широчайшим фронтом: на Пермь, на Казань, на Самару—по этим трем направлениям шло до полутораста тысяч белой армии. Силы были почти равные—мы выставили армию чуть меньше колчаковской.

Через Пермь на Вятку метил Колчак соединиться с англичанами, через Самару — с Деникиным; в этом замкнутом роковом кольце он и торопился похоронить советскую Россию. Первые ощутительные удары он получил на путях к Самаре: здесь вырвана была у него инициатива, здесь были частью расколочены его дивизии корпуса, здесь положено было начало деморализации его войск. Ни офицерские батальоны, ни дрессировка солдат, ни техника — ничто после первых ударов не могло приостановить стихийного отката его войск до Уфы, за Уфу, в Сибирь, до окончательной гибели...

Железнодорожные станции и полустанки в те дни похожи были на бутылки с муравьями: все ползут, спешат, сталкивают один другого, срываются, поднимаются и снова спешат, спешат, спешат...

Приходили поезда — с них соскакивали, как сумасшедшие, целые толпы красноармейцев, мчались в разные стороны, гурьбой сбивались у маленьких кирпичных сараюшек, выстраивали очереди, звенели чайниками, торопились, бранились, негодовали, топтались на месте, ожидая кипятку; другая половина ударялась врассыпную по станции и окрестному поселку, закупала спички, папиросы, воблу—что попадало под руку, выпивала у торговки молоко, закупала хлебища, хлебы, хлебцы и хлебишки... Никогда не убывающей и отчаянно протестующей толпой хороводились у коменданта, проклинали порядки и непорядки на чем свет стоит, костили трижды несчастного коменданта, просили невыполнимого, клялись несуществующим, ожидали несбыточного: то требовали немедленно „бригаду“, машиниста ли, паровоза ли

новый, теплушки другие, или обменять теплушки на классные...

Когда в комендантской сообщали, что „нет... нельзя... не будет...“ — к буре протестов и оскорблений присоединяли угрозы, клялись отомстить самолично или наслать какого-нибудь своего грозу-командира...

Вдруг звонок.

— Который?

— Третий ..

И целая ватага протестантов, как оголтелая, срывается от комендантской решетки и мчится куда-то по путям, сбивая встречных, вызывая то изумление, то проклятия и угрозы.

Три звонка. Свисток. Эшелон трогается, — и вот еще долго-долго ему вдогонку мчатся партиями и в одиночку оставшиеся красноармейцы, повисая на подножках, хватываясь за лесенки и приступки, взбираясь на крыши; или, измучившись, махнув рукой, присядут на рельсы, усталые, и будут здесь болтаться до нового попутного состава—может, день, а может быть, два—кто знает сколько: одного состава не заметил, другой не взял, третий ушел перед носом...

В теплушках тьма: ни свечки, ни лампы, ни фонарика. На голых досках, замызганных лаптями, грязными сапогами, сальными котелками, политых щами и чаем, заплеванных, забросанных махорочными цыгарками, — лежат красноармейцы. Долги ночи. Долго лежат во тьме, в холоде, чуть накрывшись дрянной дырявой шинелишкой, ткнув в изголовье брезентовую сумку; на станциях долго таскают взад и вперед, переставляют, передают, с кем-то соединяют, от кого-то отцепляют, немилосердно бьют буферами, до содрогания мозгов; кричат и бранятся в темноте какие-то люди с крошечными ручными фонариками. Где-нибудь на далеких задних путях поставят „отстояться“, а там сгрудились такие же составы, и в них также битком набиты красноармейцы; выглядывают из верхних крошечных оконцев, соскакивают, вылезают, залезают, карабкаются вверх; движение около „замороженного“ эшелона всегда идет круглые сутки; одни торопятся „по делам“, другие просто побегать—согреться, третьи высматривают, где плохо спрятаны шпалы, дрова, ящики — все, чем можно

топить; иные „так себе“ болтаются совершенно безмятежно целую ночь около станции и ищут—не будет ли каких приключений?

После многих дней пути, после долгих мытарств, изнурительных стоянок, скандалов, может быть, драк и даже перестрелки — приехали!

В широко распахнутые двери теплушек живо выбрасываются вещи; накидают их высокую груды, двоих со штыками оставят сторожить, остальные — в подмогу; там сводят по подмосткам коней, опутывают, увязывают, сгоняют табуном, окружают, сторожат, не разбежались бы...

Медленно скатывают орудия, повозки с разным имуществом, автомобили, все, что имеется.

— Готово!

Опорожненный состав, как сирота, смотрит пустыми, теперь еще более холодными теплушками. Гвалт, перебранка, путаница, неразбериха, случайная разрозненная команда, которую никто еще не слушает. А вот настоящая:

— В поход!

И начинается беганье—заботливое, торопливое. Разыскиваются роты, взводы, отделения... Наконец, все построено. Тронулись. И заколыхались рядами—широкими, стройными; застучали-загремели повозки, заржали, зафыркали отстоявшиеся кони, залязгало оружие, то здесь, то там срывается случайный выстрел...

Первые километры — ровными рядами, первые километры — бодро и четко со звонкими, сильными песнями, а дальше... дальше отсталых, перемученных, больных — посадят на повозки; перепутаются ряды, и не слышно больше песен: теперь только бы на отдых поскорее... Вот он и отдых — привал: одни через минуты будут молодецки храпеть в мертвом сне, другие, неугомонные, и теперь останутся песни петь, гармошку слушать, плясать плясовую: вприсядку, с гиканьем, „под орех“...

С привала до привала, с привала до привала — и в окопы.

Начинается боевая жизнь...

Бригаду, что пришла из-под Сломихинской, получил Попов; новую бригаду, созданную в Самаре, вручили Шмарину — после того как из нее к белым перебежал офицер-командир. В эту бригаду попал и Иваново-вознесенский полк, развернутый из отряда последнего.

Третьей бригадой, переброшенной из-под Уральска, командовал молодой талантливый Елань¹ — сподвижник Чапаева еще по 1918 году. Еланьевская бригада сосредоточилась в нескольких десятках километров от Бузулука — в Сорочинской.

Все тревожней, все напряженней, все грозней обстановка на фронте. Передовые колчаковские разьезды уже показывались в 50 километрах от Бузулука. Бугуруслан был у белых в руках. Нависли черные тучи. Самара была под ударом. Чапаевская дивизия получила серьезную, ответственную задачу: в самом центре, в кругу других дивизий, броситься на колчаковские полки, остановить их дальнейшее движение, вырвать инициативу из рук победоносного врага, остановить, расстроить и бить-бить удар за ударом, отбросив прочь, угоняя вспять.

Чапаев с Федором ночи и дни проводили в штадиве, готовились к трудному делу. И вот наступил решительный день, незабываемое 28 апреля... В этот день по всему фронту открылось наступление Красной армии...

И в первые же дни еланьевская бригада одержала блестящие победы. Когда Чапаев получил об этом извещение — сразу просиял, немедленно послал Еланю дружески-приветственную телеграмму...

А потом и сам, вместе с Федором, поскакал к нему в бригаду...

Надо теперь же сказать, что Чапаев во время похода никак не мог оставаться в штабе дивизии — не сиделось, не хватало терпения дожидаться вестей, он торопился успеть повсюду самолично, все увидеть собственными глазами, все понять и узнать на месте. Много-много, если он в неделю пробудет в штадиве один-два дня. А все остальное время то и знай скачет по бригадам, по полкам. Командиры и сами любили эти чапаевские визиты, ждали их с нетерпением. Бывало, приедет к Шмарину, а Попов узнает, что он тут, поблизости, и сейчас же вызывает по проводу:

— Выезжай немедленно, есть очень срочное дело...

Чапаев скачет. А приехав, узнает, что „срочного“ дела, собственно, и нет никакого, только Попову захотелось повидаться, посоветоваться, потолковать...

¹ По более поздним изданиям — Кутяков.

Кутяков, Фурманов, Чапаев.

Рассказывали, что в 1918 году Чапаев сам водил в бой свои отряды, сам ходил постоянно в атаку, был всегда впереди других. Теперь его роль сводилась к другому, в атаку он больше не ходил, в боях непосредственно участвовал только случайно, — теперь он, как вихрь, носился из конца в конец, давал толчки, советовал, указывал, помогал, вливал повсюду горячую веру в успех, заражал энтузиазмом, подымал до невероятной высоты дух и бойцов и командиров, был поистине пламенной душой своей дивизии, тем живым центром, где все собиралось, сосредоточивалось, откуда ожидали и совета, и помощи, и бодрого, свежего слова...

Отняли Бугуруслан. Неудержимо мчались вперед красные полки. Настроение высокое. Каждый день приносит новые вести о новых победах...

Чапаевская дивизия так быстро шла вперед, что другие за ней не успевали. По разным причинам, важным и неважным, оставались далеко позади. Испытанные в походах бойцы изумляли своей выносливостью, готовностью в любой час, в любой обстановке и любом состоянии принять удар. Были случаи, когда после многоверстного похода они валились с ног от усталости, и вдруг завязывался бой. Усталости как не бывало: выдерживают натиск, сами ведут наступление, идут в атаку, преследуют... Но бывало и так, что ежедневные бои и переходы замаривали до окончательного изнеможения; когда на первом же привале бросались пластом

и спали, как мертвые, часто без должной охраны, разом засыпали все, — и командиры, и бойцы, и караулы...

По горам, по узким тропкам, бродом переходя встречные реки, — мосты неприятель взрывал, отступая, — и в дождь, и в грязь, по утренней росе и в вечерних туманах, день сытые, два — голодные, раздетые и обутые скверно, с натертыми ногами, с болезнями, часто раненые, не оставляя строя, шли победоносно они от селенья к селенью — неудержимые, непобедимые, терпеливые ко всему, гордые и твердые в сопротивлении, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании...

Сражались героями, умирали, как красные рыцари, попадали в плен и мучениками гибли под пыткой и истязаниями...

С такой надежной силой нельзя было не побеждать, — надо было только уметь ею управлять. Чапаев этим даром управления обладал в высокой степени: именно управления такую массой, в такой момент, в таком ее состоянии, как тогда. Масса была героическая, но сырая; момент был драматический, и в пылу битв многое сходило с рук, прощалось, оправдывалось исключительностью обстановки. Та масса была как наэкзальтированная, ее состояние не передать в словах...

Чапаев был плотью от плоти этой самой массы. И Чапаевы были только в те дни — в другие дни Чапаевых не бывает и не может быть: его родила та масса, в тот момент, в том своем состоянии. Потому он и мог так хорошо управлять „своею“ славной дивизией.

В нем собрались и отразились как в зеркале основные свойства полупартизанских войск той поры: с беспредельной удалью, решительностью и выносливостью, с неизбежной жестокостью и суровыми нравами... Сам Чапаев жил полной жизнью только в горячке непрерывных боев. Чуть затишье, — и он томится, нервничает, скучает, полон тяжелых мыслей. А из конца в конец по фронту метаться — это его любимое дело. И его близкие друзья и рядовые бойцы чапаевцы считали за великую честь работать, бороться с ним плечо к плечу.

За Бугурусланом проскочили и на Белебей. Самый город брать было поручено другой дивизии, — чапаевские

полки должны были двигаться выше. Но уже такова слабость всех командиров — ткнуться в пункты все покрупнее и доказать непременно свое активное участие в овладении этими пунктами. Правофланговая бригада Чапаевской дивизии подошла к городу как раз в тот момент, когда там сражалась красная кавдивизия. В схватке приняли участие — вместе ворвались в город. Был шум, были протесты, было много споров о том, кто город взял фактически, кто вошел первым, кто проявил находчивость, героизм, талантливость и т. д., и т. д.

Спорам этим нет конца, раз две воинские части одновременно заняли один и тот же пункт. Сам Чапаев в спорах участия не принимал; эту заботу поручил он Попову, и тот усердно изодрался в отчаянной грызне.

В Белебее задержались — представилась возможность Чапаеву заняться в штабе, а Федору — в политическом отделе. Штаб Чапаев подкручивал безжалостно, а впрочем больше бранился и „разносил“, чем занимался действительной организацией... Не любил он штаба до глубины души, не любил и свой дивизионный. Он свободно и радостно вздохнул лишь в тот час, когда полки помчались дальше на Чишму... Под Чишмою новые бои — упорные, кровопролитные, но уже видно, что обессилен враг, что истекает кровью, что этими контратаками, как предсмертными судорогами, лишь указывает на свой неизбежный и близкий конец... За Чишмой — на Уфу... Вот она, желанная цель, вот этот город, о котором так жарко мечтали еще там... под Бузулуком, когда нас били, когда мы были все еще слабы, когда далеко-далеко в тылу у Колчака была эта самая Уфа...

Неприятель ушел за реку, за Белую. Взорвал все переправы, оцетинился на высоком уфимском берегу жерлами орудий, пулеметными глотками, штыками дивизий и корпусов. Силы там сосредоточились большие: с Уфимским районом Колчак расставаться не хотел, и с выигрышных высот правого берега Белой он безраздельно командовал над подступившими с разных сторон красными дивизиями...

Уфу предполагалось брать в обхват: дивизиям правого фланга дана была задача выйти в неприятельский тыл, к заводу Архангельскому. Но затруднительность движения не позволила переправить на Белую еще ни одного бойца,

когда другие части уже вплотную подступили к берегу. Против Уфы выросла Чапаевская дивизия: она своим правым флангом, бригадою Попова, застыла над огромным мостом, идущим высоко над рекой прямо в город; левый же фланг отскочил до Красного Яра, небольшого селеньица, километров на 25 вниз по Белой, — сюда подошли бригады Шмарина и Еланя.

Когда у Красного Яра переправятся части и пойдут на город, поповская бригада должна будет поддержать их, переправившись у моста. Он был еще цел — огромный чугунный мост, но никто не верил, что неприятель оставит его нетронутым; предполагали, что мост непременно должен быть минирован и поэтому переправляться через него не следует. Идущий с высокой насыпи по мосту железнодорожный путь был местами разобран, а посредине втиснулось несколько вагонов, груженных щебнем и разным мусором. Переправляться было здесь пока совершенно не на чем — это уж впоследствии раздобыли откуда-то бойцы несколько лодок, приволокли бревна и доски и увязали их в жиденькие подвижные плоты. Главный удар намечался все-таки со стороны Красного Яра. Вынеслась на берег кавалерия Вихоря. Недалеко от Красного Яра по Белой преспокойно тянулся буксир и два небольших пароходика. Публика была на них самая разнообразная, а больше всего, конечно, военных, из них десятка три офицеров. Непонятна, удивительна была эта беспечность — словно и не думали люди о возможности налета с берега, или же и вовсе не знали того, что так близко красные полки.

Кавалеристы рты разинули, когда увидели на палубе „господ“ в погонах. Офицеры сразу тоже не разобрались — за своих верно, приняли.

— Стой! — прокомандовали с берега.

— Зачем вставать? — крикнули и оттуда.

— Останови пароходы, огонь откроем!.. Причаливай к берегу! — кричали кавалеристы. Но там поняли, в чем дело, попытались ускорить ход, думали прокатить к болотам, куда по берегу кавалерии не дойти. Лишь это заметили кавалеристы, грозно заревели:

— Останови! останови!

Пароходы продолжали итти. С палубы раздались первые выстрелы. Кавалерия отвечала. Завязался неравный

бой. Подскочили с пулеметом, зататакали. На пароходах взвыли, стремглав слетели вниз, прятались, где могли. Пароходы причаливали. Офицеры не хотели сдаваться живыми, почти все перестрелялись, бросались в волны. Эти пароходики были сущим кладом: они сыграли колоссальную роль в деле переправы через Белую красных полков и сразу облегчили то затруднительное положение, с которым столкнулось красное командование. Пароходики припрятали, не давали неприятелю узнать, что в руки попала такая драгоценность. Скоро подошла и пехота. Решено было ночью, во тьме, полк за полком, переправить бригады через реку. Уже с вечера у Красного Яра царило необычайное оживление. Но и тишина была для таких случаев необычайная: люди шныряли, как тени, сгруппировывались, таяли и пропадали, собирались снова и снова таяли — это готовился к переправе Иваново-вознесенский полк. На пароходики набивали народу столько, что дальше некуда: одних отвозили, приезжали за другими, снова отвозили и снова возвращались. Так во тьме, в тишине, перебросили весь полк. Уж давно миновала полночь. Близился рассвет. В это время батареи из Красного Яра открыли огонь. Били по ближайшим неприятельским окопам, замыкавшим ту петлю, что в этом месте делает река. Ударило разом несколько десятков орудий... Под таким огнем невысказанно было оставаться в окопах, неприятель дрогнул, стал в беспорядке перебегать на следующие линии. Как только об этом донесли разведчики, артиллерия стала смолкать, а подошедшие иваново-вознесенцы пошли в наступление и погнались погнались, вплоть до поселка Новые Турбаслы...

Неприятель в панике отступил, не будучи в состоянии укрепиться где-нибудь по пути, — так на плечах бегущих и заскочили в Турбаслы иваново-вознесенцы. Здесь остановились, надо было ждать, пока переправится хоть какая-нибудь подмога, зарываться вперед одному полку было крайне опасно. Закрепились в поселке. А пугачевцы тем временем уж наступали по берегу к Александровке. Грузились разинцы и дамашкинцы, они должны были немедленно идти в подмогу ушедшим полкам. Переправились в четыре броневика, но три из них разом перекувыркнулись и застряли на шоссе; их потом поднимали кавалеристы и поставили на ноги, пустив

в дело. Тем временем неприятель, отброшенный кверху, оправился и повел наступление на Иваново-вознесенский полк. Было уже 7—8 утра. Пока стояли в Турбаслах и отстреливались от демонстративных атак, пока гнали сюда, за поселок, неприятеля, — ивановцы расстреляли все патроны и теперь оставались почти с пустыми руками, без надежды на скорый подвоз, помня приказ Еланя, командовавшего здесь всею заречной группой:

„Не отступать! Помнить, что в резерве только штык!“

Да у них, у ткачей, кроме штыка теперь ничего не оставалось. И вот, когда вместо демонстративных атак неприятель повел настоящее широкое наступление, — дрогнули цепи, не выдержали бойцы, попятиться... Командир с комиссаром полка скачут по флангам, кричат, чтобы остановились отступающие, быстро — быстро объясняют, что бежать все равно некуда: позади — река, перевозить нельзя, что надо встать, закрепиться, надо принять атаку. И дрогнувшие было бойцы задержались, перестали отступать. В это время к цепям подскочило несколько всадников, они поспрыгивали на землю: это — Фрунзе, все время бывший на том берегу, при переправе; с ним рядом начальник политотдела армии Тронин, несколько близких людей. Он с винтовкой забежал вперед:

— Ура, ура... товарищи... вперед!!!

Все те, кто был близко, его узнали. С быстротой молнии весть промчалась по цепям. Бойцов охватил энтузиазм, они с бешенством рванули вперед. Момент был исключительный. Редко — редко стреляли. Патронов было мало. Неслись со штыками на лавины наступающего неприятеля. И так велика сила героического подъема, что дрогнули теперь цепи врага, повернулись, побежали... Елань своих ординарцев послал быть неотлучными около Фрунзе, наказал:

— Если убьют, — во что бы то ни стало вынести из боя и сюда — на переправу, к пароходу!

На повозках уже гнали от берега патроны — их подносили ползком, как только цепи полегли за Турбаслами. Когда помчались в атаку, прямо в грудь пуля сбила Тронина: его подхватили и под руки отвели с поля боя. Теперь на том месте, где была крошечная ранка, горит у него орден Красного знамени.

Перелом был совершён, положение восстановлено...

Чапаев тем временем был неотлучно на переправе, каждые десять—пять минут он сносился телефоном то с Еланем, то с командирами полков. Связь организована была на славу, — без такой связи операция проходила бы менее успешно.

Чапаев все время и всегда точно знал обстановку, складывавшуюся за рекой. И когда там начинали волноваться из-за недостатка снарядов или патронов, — Чапаев уже знал эту нужду и первым же пароходом отсылал необходимое. Неизменно справлялся о настроении полков, об активности неприятеля, силе его сопротивления, примерном количестве артиллерии, о том, много ли офицеров, что за состав войска вообще, — все его занимало, все он взвешивал, все учитывал. Он нити движения ежеминутно держал в своих руках, и короткие советы его по телефону, распоряжения его, что посылал с гонцами, — все это показывало, как он отчетливо представлял себе обстановку в каждый отдельный момент. Смутили его на время неприятельские аэропланы, но и тут не растерянность, а злоба охватила: у своих летчиков не было бензина, они не могли подняться навстречу неприятельским. Громы-молнии помочь здесь не могли, — так свои аппараты и остались бездействовать. Пришлось всю работу на берегу проводить под разрывами аэропланов бомб, под пулеметным обстрелом с аэропланов. Но делать было нечего... Только сосредоточили оружейный огонь, заставили неприятельских летчиков подняться выше, но улететь они не улетели, продолжали палить, метали бомбы...

Пугачевский полк продолжал идти по берегу. Скоро стали подходить разинцы и батальоны Дамашкинского полка, — они выравнивались вдоль шоссе. В полдень был отдан приказ об общем дальнейшем наступлении: пугачевцы должны были двигаться дальше по берегу, разинцы и батальоны Дамашкинского — в центре, а с крайнего левого фланга — иваново-вознесенцы; они уже заняли к тому времени Старые Турбаслы и стали там на передышку. Как раз в это время показались колонны неприятельских полков; они с севера нависали ударом, мимо полка ткачей, в центре группы, готовой к наступлению.

— Это, может быть, стада? — предполагали иные.

— Какие стада, когда штыки сверкают... — замечали им.

Видно ли было сверкание штыков, сказать нельзя, но уж ни у кого не было сомнений, что идут неприятельские полки, что от этого боя зависеть будет очень многое. Фрунзе хотел участвовать и в этой схватке, но Елань упросил, чтобы он ехал к переправе и ускорил переброску полков другой дивизии. Согласились, что это будет лучше, и Фрунзе поскакал к переправе. Скоро под ним убило лошадь и самого жестоко контузило разорвавшимся поблизости снарядом. Но и будучи контужен, он не оставил там работу, на берегу, — подгонял, помогал советом, переправил туда части артиллерии. Прежде всех подвел к Иваново-вознесенскому полку батарею Хребтов. Он встал позади цепей и в первом же натиске неприятельском, когда застыли цепи в состоянии дикого, окостенелого ожидания, — открыл огонь. И бойцы, слышав свою батарею, вздрогнули весело, пошли вперед.

Наступление развить не удалось: на разинцев и дамашкинские батальоны навалилась грудью вся та огромная масса, что двигалась с севера. Слишком неравные были силы, слишком трудно было сдержать и перебороть этот натиск. Разинцы дрогнули, отступили. В одном батальоне произошло замешательство, — там было мало старых бойцов, а больше свежей, непривыкшей молодежи, — этот батальон сорвался с места и помчался к берегу, а за ним кинулись отдельные бойцы других батальонов. Остальные медленно отступали, отбиваясь от наседавшего неприятеля. Иваново-вознесенцы задержались под Турбаслами. Теперь часть неприятельских сил оборотилась на них. Елань подскакал к Хребтову.

— Разинцы, Хребтов, отступают, надо помогать! Поверни орудия, бей правее, по тем частям, что преследуют отступающих!..

И Хребтов повел обстрел. Верный глаз, смекалка и мастерство испытанного, закаленного артиллериста сделали чудо: снаряд за снарядом, снаряд за снарядом — и в самую гущу, в самое сердце неприятельских колонн. Там растерялись, остановили преследование, задержались на месте, понемногу стали отступать, а огонь все крепчал, снаряды все чаще, все так же верно ложились и косили неприятельские ряды. Наступление было

остановлено. Разинцы встrepенулись, ободрились... В это время Чапаеву на том берегу помогал при переправе геройский, всеми любимый командир — Михайлов. Когда он увидел, что к берегу сбежалась масса красноармейцев, понял, что дело неладно, побежал к Чапаеву, хотел доложить, но тот все уже знал, — только-что по телефону обо всем переговорил с Еланем. Лишь заикнулся Михайлов рассказать ему, что видел, а Чапаев уже приказывает:

— Михайлов, слушай! Только сейчас погрузили мы батальон еще... Туда нужны силы... Этого мало... Надо отогнать этих с берега — понял? От них — одна гибель! Поезжай, возьми их обратно за собой, — понял?

— Так точно! — и Михайлов уже на том берегу. Разговор у него короткий, да и нет времени разговаривать: иных бегущих плеткой, иных револьвером задержал, остановил, крикнул:

— Не смей бежать! Куда бежите! Остановись! Одно спасенье — итти вперед! За мной, чтобы ни слова! Кто попытается бежать — пулю в голову! Сосед — так его и стреляй... За мной, товарищи, вперед!!!

Эти простые и так нужные в эту минуту слова разогнали панику, бежавшие остановились, перестали метаться по берегу, сгрудились, смотрели на Михайлова — и недоуменно, и робко, и с надеждой: „А не ты ли, и вправду, спасешь нас, грозный командир?“

Да он их спас: в эти мгновенья иначе как плетью и пулей действовать было нельзя. Он взял их, повел с собою. Построил как надо, толпу снова превратил в организованное войско.

И теперь, когда подходил с ними навстречу отступавшим двум разинским батальонам и дамашкинцам, те вздрогнули радостью, закричали:

— Пополнение идет! пополнение!

В такие минуты ошибку рассеять было бы преступлением: их так и уверили, что тут пришло, действительно, пополнение...

Батальоны живо повернулись, сами пошли в наступление. Но победы здесь не было. Только-только удалось неприятеля отогнать, и когда отогнали, — главные силы его загнали на Иваново-вознесенский полк: он очутился под тяжким ударом, он выдержал,

одну за другою четыре атаки нескольких неприятельских полков. Здесь героизм и стойкость были проявлены необычайные. Выстояли, выдержали, не отступили, пока не подошли на помощь свои полки, облегчили многотрудное положение...

Ушедших по берегу пугачевцев, чтобы не дать им оторваться, надо было оттянуть обратно. Когда приказание было отдано и они стали отходить, молчавший и, видимо, завлекавший их неприятель открыл одну за другою ряд настойчивых атак. Пугачевцы отступали с потерями — схватывались, отбивались, но в контратаку не ходили, — торопились скорее успеть на линию своих полков. И когда все части снова были оттянуты к шоссе, сюда пришло известие о том, что Чапаев ранен в голову, что Еланю поручается командование дивизией. Черная весть облетела живо полки, нагнав на всех тяжелое уныние. Вот и не видели бойцы здесь, в бою, Чапаева, а знали, что тут он, где-то рядом, что все эти атаки, наступления и отходы, что все это не мимо него совершается. И как бы трудно ни было положение, — верили они, что выход будет, что трудное положение минует, что такие командиры, как Чапаев и Елань, не заведут на гибель. Узнав про чапаевское ранение, все как-то сделались тише и грустнее, — так бывает в доме, где лежит тяжело больной, уважаемый, горячо любимый человек. Пуля ударила Чапаева в голову — видно, летела с высоты, шальная. Пробила череп, но застряла в кости. Ее вынимали, — и шесть раз срывалась. Сидел. Молчал. Без звука переносил мученье. Забинтовали, увезли Чапаева в Авдонь — местечко верстах в 20 от Уфы.

А наступление развивалось уже без него, без Чапаева. В ранних сумерках снова пошли цепями, снова воздух дрожал от орудийного грома, и неприятель не выдержал могучего натиска, быстро уходил за Уфу... Поповская бригада, стоявшая у моста, никак не могла переправиться через Белую: неприятель бил и день и ночь, а перед уходом взорвал и чугунного гиганта — мост через реку. Но теперь уж было ясно, что он бежит, теперь ожидать дальше нельзя, а кроме того от Елани пришли вести, что упорство полков неприятельских сломлено, они уходят...

Командиры 25-й стр. дивизии после взятия Уфы во главе с В. И. Чапаевым, Фурмановым и Ив. Кутяковым.

Тогда появились откуда-то лодки, вытащили из травы и спустили на воду маленькие связанные плоты, побросали бревна, оседлали их и поплыли... Неприятель открыл частую беспорядочную пальбу. Видно было, как он обеспокоен, а, может быть, и в панике. Артиллерия усилила огонь, била по прибрежным неприятельским окопам.

По-одному, по-двое, маленькими группками все плыли да плыли под огнем красноармейцы, доплывали, выскакивали, тут же в песке нарывали поспешно бугорки земли, ложились, прятали за них головы, стреляли сами... Прижигало крепко полуденное солнце. Смертная жара. Пот ручьями. Жажда. И все ширится, сгущается, растет красная цепь. Все настойчивей ее огонь и все слабей, беспомощней сопротивление.

Враг деморализован.

— Ура!.. ура!..

Поднялись и побежали.

Первую линию окопов освободили, выбили одних, захватили других, снова залегли...

И тут же с ними лежали пленные — обезоруженные, растерявшиеся, полные смертельного испуга... Так

перебежка за перебежкой, все дальше от берега, все глубже в город...

С разных концов входили в улицы красные войска. Всюду огромные толпы рабочих — неистовыми криками выражают они свою бурную радость: тут и восторги, приветствия доблестным полкам, и смех, и радостные, неудержимые слезы...

Подбегают к красноармейцам, хватают их за гимнастерки, — чужих, но таких дорогих и близких, — похлопывают дружески, крепкожимают руки... Картины непередаваемой силы!

Освободили пленников из тюрьмы, — этих немногих счастливых не успели расстрелять перед уходом белые жандармы. Быстро заняли все учреждения, выставили повсюду охрану, караулы, разогнали во все концы кавалерийские разъезды... Город сразу встряхнулся и зажил новой жизнью...

За Уфу погнались Колчака другие дивизии, а Чапаевскую остановили здесь на передышку. Но уже скоро примчал телеграф и новый приказ:

— Итти на выручку Уральска! — Долги ли сборы: полки готовы сняться с места в любую минуту. И вот они снова — теплушки, эшелоны, брань и перестрелка в пути, погрузки, разгрузки, ржание застоявшихся коней, веселые песни бойцов...

И снова в степях. Уральск обложен казачьим кольцом. Он долго геройски выдерживал натиск свирепевшего в неудачах врага, но изнемогал от недостатка снарядов, патронов, был измучен, истерзан до последней степени. Как вихрь неслась по степям Чапаевская дивизия. Он, сам Чапаев, как и прежде, метался из бригады в бригаду, от полка к полку. Но боев больших не было, — казаки не отваживались стать на пути, только налетали в обозы, тревожили со всех сторон, щипали мелкими стычками. В станицах и селах встречали красных солдат, как освободителей, выходили навстречу жители, приветствовали, помогали, как умели и чем могли, делились недостатками..

Чапаеву прием оказывали чрезвычайный, он был поистине „героем дня“.

— Хоть одно словечко скажи, — просили его мужики, — будут еще казаки итти, или ты, голубчик, прогнал их вовсе?

Чапаев усмешливо покручивал ус и отвечал — добродушный, веселый, довольный:

— Собирайтесь вместе с нами, тогда не придут... А бабам юбки нюхать станете, — кто же вас охранять станет?

— А как же мы?

— Да так же вот, как и мы, — отвечал Чапаев, указывая на всех, кто его окружал. И он начинал пояснять крестьянам, чем сильна Красная армия, как нужна она советской России, что к ней должно быть за отношение у трудовой крестьянской массы. Коряво, нескладно говорил, зато укладывал плотно и в голову и в сердце крестьянские свои горячие, простые, верные слова.

Так пришли под Уральск. Казаки не приняли решительного боя, — ускакали. А навстречу освободителям с музыкой, с криками, с песнями примчались торжествующие товарищи. Дивизия входила в город. А там, по улицам — не пройти: они запружены рабочими и бойцами. Высыпало и все население.

— Слава герою! Слава Чапаеву! Да здравствуют полки Чапаевской дивизии! Да здравствует красный вождь Чапаев!!!

Торжества длились несколько дней — торжества под разрывы шрапнели! Один снаряд угодил в театральную крышу в то время, как шел спектакль. Но подобные случаи нисколько не нарушали общего настроения. Казаки ушли за реку, их надо было немедленно гнать еще дальше, чтобы собраться с силами, чтобы снять угрозу с города, чтобы отдалить от них этот притягивающий магнит — Уральск!

Чапаеву лучшей наградой были бы новые успехи на фронте, и потому, лишь миновали первые восторги встречи, он уже неизменно летал от полка к полку, следил за тем, как строились переправы. Нервничал, ругался, грозил всякими страхами, а одного инженера-саботажника, путавшегося невероятно долго с постройкой моста, — даже поколотил и пристрелил бы, если бы на ту пору не удержал его Клычков, стоявший рядом. Станные бывали иной раз у Чапаева случаи: проявлялось в нем иной раз какое-то мрачное, тупое самодурство, обнажалась почти детская наивность, граничащая с непониманием самых простых вещей.

В этот вот приезд в Уральск, может быть через неделю или полторы, как-то днем вбегают к Федору ветеринарный врач с комиссаром, — оба дрожат, у врача на глазах — слезы, трясутся, торопятся — ну, ничего не понять.

— В чем дело?

— Чапаев ругает... кричит... застрелить...

— Кого ругает? Кого хотел застрелить?

— Нас... нас обоих... или в тюрьму, говорит... Или расстреляю...

— За что же?

Федор усадил их, успокоил и выслушал странную, почти невероятную историю.

К Чапаеву из деревни приехал знакомый мужичок, известный „коновал“, промышлявший ветеринарным делом лет 8—10. Человек, видимо, тертый и безусловно в своем деле сведущий. И вот сегодня Чапаев вызывает дивизионного ветеринарного врача с комиссаром, усаживает их за стол. Тут же и мужичок. Чапаев „приказывает“ врачу в своем присутствии экзаменовать „коновала“ и выдать ему удостоверение в том, что он, мужичок, тоже, дескать, может быть „ветеринарным доктором“. А чтобы бумага была, крепче — пусть и комиссар подпишется. Экзаменовать строго, но чтобы саботажу никакого. „Знаем, — говорит, — мы вас, сукиных детей, — ни одному мужику на доктора выйти не даете“.

— Мы ему говорим, что так и так, мол, экзаменовать не можем и документа выдать не имеем права.. А он как вскочит, как застучит кулаком по столу: „Молчать, — говорит. — Немедленно экзаменовать при мне же... А то в тюрьму, сволочей!.. Расстреляю!..“ Тогда вот комиссар на вас указал: „Пойдем, — говорит, — спросим, как самый экзамен вести... посоветуемся..“ Услыхал про вас — ничего. Пять минут сроку дал, ждет... Как же мы теперь пойдем к нему, — застрелит?

И оба они вопрошающе, умоляюще смотрели на Клычкова. Он оставил их у себя, никуда ходить не разрешил, знал, что Чапаев явится сам. И, действительно, через 10 минут вбегает Чапаев — грозный, злой, с горящими глазами, прямо к Федору:

— Ты чего?

— А ты чего? — усмехнулся тот его грозному тону.

— И ты с ними? — прогремел Чапаев.

— В чем? — опять усмехнулся Федор.

— Все вы сволочи... Интеллигенты... У меня сейчас же экзаменовать! — обратился он к дрожавшей „ветеринарии“. — Сейчас же марш на экзамен!

Федор увидел, что дело принимает нешуточный оборот и решил победить Чапаева своим обычным оружием: спокойствием.

Когда тот кричал и потрясал кулаками у Федора под носом, угрожал и ему то расстрелом, то избиением, Клычков урезонивал его доводами и старался показать, какую чушь они совершат, выдав подобное свидетельство. Но убеждения на этот раз действовали как-то особенно туго, и Клычкову пришлось пойти на „компромисс“.

— Вот, что — посоветовал он Чапаеву, — этого вопроса нам здесь не разрешить: давай ка пошлем телеграмму Фрунзе, спросим его: как быть? Что ответит, то и будем делать, — идет что ли?

Имя Фрунзе всегда действовало на Чапаева охлаждающе. Притих он и на этот раз, перестал скандалить; согласился молча.

Коммиссара с врачом отпустили, телеграмму написали и подписали, но посылать Федор воздержался... Через пять минут дружески пили чай, и тут, в спокойной беседе, Клычкову, наконец, удалось убедить Чапаева в необходимости сжечь телеграмму, чтобы не надеть смеху... Тот молчал, видно было, что и сам начинал понимать всю несурязицу. Телеграмму не послали. Подобных курьезов у Чапаева было сколько угодно. Сказывали, что в начале 1919 года, а может, и в конце 1918 года, он прислал командующему армией телеграмму: „Вышли мне 300 пар штанов и триста портянок. Срочно. Если не пришлешь — я приеду и расстреляю тебя, негодяй!“

Другой раз он плеткой отколотил одно довольно „высокопоставленное“ лицо, бил и приговаривал:

— Не трусь, не трусь, подлец... Не... трусь...

По телеграфу, по прямому проводу „матом“ крыл почем зря, а на ходатайствах или запросах такие трехэтажные „резюлюции“ накладывал, что только ахнешь...

— Что ответишь на запрос из штаба, т. Чапаев? — спрашивается у него какой-нибудь „для особенных поручений“.

— А пошли его...

— Так и писать?

— Так и пиши... Да крепче, а мне подписаться дай. То-то фигура колоритная!

Уж такой оригинал, такой самородок — другого такого словно и не сыскать нигде!

А в то же время — бессребренник, кристальнейшей души человек, и честен, и чист, и прост, и благороден!

Дивизия Чапаевская шла на Лбищенск. От Уральска до Лбищенска больше сотни верст. Степи и степи кругом. Здесь казаки у себя „дома“, и встречают они всюду поддержку, сочувствие, всяческую помощь. Красные полки встречаются враждебно: где остается частичка населения по станицам, там слова хорошего не услышишь, не то что помощь увидеть. А в большинстве эти казацкие станицы к приходу красных частей уж начисто пусты, разве только где-где попадетсЯ забытая дряхлейшая старушонка. Отступавшие казаки перепугали население „головорезами-большевиками“, и станицы подымали на повозках весь свой домашний скарб, оставляли только хлеб по амбарам, да и тот чаще жгли или с песком мешали, с грязью превращали в гаденькую жижицу.

Колодцы почти сплошь были отравлены, многие засыпаны до половины то землей, то дохлой скотиной, — красноармейцам приходилось отрывать, отжимать эту мерзкую вонючую каштановую жижицу и тем утолять нестерпимую жажду. Все, что надо и можно было уродовать, — уродовали до уничтожения, до неузнаваемости. Необходимые стройки поломали, разрушили, сожгли, — получалось такое впечатление, будто казаки уходят невозвратно, так они рьяно губили свое же собственное добро. Отступали они здесь, за Лбищенском, с непрерывным боем, дрались ожесточенно, сопротивлялись упорно, настойчиво и искусно.

Штаб дивизии Чапаевской стоял в Уральске — отсюда Федор с Чапаевым то и дело, почти ежедневно, на своем любимом „Фордике“ гоняли по бригадам. А как-то верст за 70 поехали верхами, но в пути застигла ночь, ливень

степной расхлестался, — и они ночевали под стогом, пробуждав во тьме безрезультатно долгие часы, ежеминутно ожидая казачьего налета. Только на утро разобрались и доскакали в еланьевскую бригаду, а отсюда нужда угнала и до Шмарина, — везде и всегда находилось свое и тоже срочное дело!

Шмарин угостил даже... спектаклем: под открытым небом, на лугу, недалеко от линии передовых окопов. Оригинальная была картина: зрители расположились в „порядке“ — посредине лежали на животах, дальше сидели, за ними стояли на коленях, потом стояли в рост, за стоявшими — по телегам разместились, а всех замыкали кавалеристы на конях, — и так размещалось на совершенно ровном месте несколько сот человек: все видели, все слышали...

Труппой заправляла Зоя Павловна, общая любимица, которую с нетерпением ждали всегда по полкам. Крепко любили бойцы свою незамысловатую труппу!

Поездка эта была последняя, которую Федор с Чапаевым совершили вместе. Скоро Клычкова отозвали на другую работу, а комиссаром дивизии вместо него прислали Павла Степановича Батурина.

Простился Федор с друзьями, уехал, а Чапаев продолжал метаться из конца в конец по дивизии, теперь уже с новым своим комиссаром, с Батуриным.

Штаб дивизии перебросили в Абищенск. Бригады ушли далеко вперед, за сотню верст, под Сахарную. Чем дальше, глубже степь, тем труднее дорога, — надо было торопиться с развязкой, надо было сокрушить скорее неприятельскую живую силу.

Но и казаки понимали хорошо, что дальнейшее отступление — это путь к могиле. Они задумали дьявольский план: крупным отрядом пробраться по Кушумской долине в глубокий тыл, наскочить на штаб в Абищенске, захватить его и уничтожить, а тем самым обессилить и ушедшие далеко вперед красные бригады. На операцию свою возлагали они большие надежды и потому во главе отряда поставили опытных командиров. Над Абищенском собирались черные тучи, а он и не знал, что так близка эта последняя, ужасная катастрофа...

Сегодня Чапаев мрачнее обыкновенного: рано утром умчался на автомобиле, но пробыл на фронте недолго,

в полдень воротился в Абищенск. Потолковал с Ночковым — начальником штаба, поговорил с Батуриным, раньше времени лег отдыхать...

Уж полночь давно осталась позади, чуть дрожали предрассветные сумерки, но спит еще станица спокойным сном.

Передовые казацкие разъезды тихо подступили к окoliце, сняли часовых. За ними подъезжали, смыкались, грудились и, уже когда довольно накопились, двинулись грозною черною массою... Прозвучали первые тревожные выстрелы дозорных... Поздно была обнаружена опасность: казаки уже рассеялись по улицам станицы. Поднялась беспорядочная, слепая пальба — никто не знал, в кого и куда надо стрелять.

Красноармейцы повскакали и в одном белье метались в разные стороны; видна была полная неорганизованность, полная неподготовленность. Отдельные кучки сбивались сами по себе, и те, что успели захватить винтовки, задерживались на каждом мало-мальски удобном клочке, где можно было спрятаться, открывали огонь вдоль по улицам, а потом снимались и бежали дальше к реке: общее направление всех отступавших было на берег Урала. Казаки гонялись на окраине за бегущими красноармейцами, рубили, захватывали, куда-то уводили — здесь не было почти никакого сопротивления. Но проникнуть в центр станицы не могли. В одном месте несколько десятков человек сгрудились вокруг Чапаева и скоро залегли цепью. Сам Чапаев выскочил тоже в белье — с ним была винтовка, в левой руке держал револьвер. Уже совсем поредели сумерки, можно было все рассмотреть без труда.

Прошли в ожидании две-три томительных минуты... Цепь увидела, как неслась на нее казацкая лава. Дали залп, другой, третий... Затрещал подтащенный пулемет, — лава отхлынула. На соседней улице, где остановился политический отдел, возле Батурина тоже сомкнулась группа человек в 80: тут были, с Суворовым во главе, почти все работники политотдела, сам Батурин, Крайнюков — его помощник, Ночков — начальник штадива... Увидев, что казацкие атаки становятся все чаще и настойчивей, Батурин сам повел в атаку свой крошечный отряд. Этот удар был так неожидан, что ехавшие впереди

на повозках казацкие пулеметчики повскакали и кинулись бежать, оставив Батурию два пулемета... Пулеметы повернуты были немедленно против врага.

В это время тяжело в ногу ранен был Ночков; его оттащили немного в сторону, но не знали, куда деть, оставили. Он дополз до халупы, протащился и спрятался там под лавку. Батуринская группа держалась дольше всех, но, не имея связи ни в одну сторону, она до последнего момента верила, что является только горсточкой, а главный бой главными силами идет где-то по соседству, верно, около Чапаева. Так и погибла с этой верой.. Связи не было, и потому успех одной группы совершенно парализовался соседними неудачами: никто не знал, что делается рядом, что надо делать самому.

Увидев, что лобовыми атаками скоро успехов не добьешься, казаки частью спешивались и задворками, через сады, стали проникать в тыл обороняющимся группам.

Когда поднялась в тылу перестрелка, а тут, с фронта, снова и снова выносились казацкие лавы, группа батуринская не выдержала, начала отступать, рассеялась; помчались бойцы в одиночку прятаться, кто куда успеет...

Но не уцелел, конечно, ни один: жители выдавали поголовно, спаслись только убежавшие к Уралу, сохранившиеся при переправе. Батурия вбежал в халупу и спрятался где-то под печью, но хозяйка выдала его немедленно, рассказывала, что „это, надо-быть, сам комиссар есть“... Помнила, знать, окаянная, по собранию, где Павел Степанович держал к станичникам речь. Разъяренные, расвирепевшие казаки, узнав, что в руки попал „сам комиссар“, даже и не подумали что-либо узнать от него, допрашивать и пытать, — они горели звериной охотой поскорее учинить над ним кровавую расправу: выволокли на волю, каждому хотелось первому всадить ему в грудь холодное лезвие; потрясали над головой оружием, скрещивались, звенели шашками, с остервенелыми лицами ждали, когда его бросят на землю... И как только бросили — в горло, в живот, в лицо воткнулись шашки и штыки... Началась вакханалия. Но и этого было мало: ухватили за ноги, ударили,

размахнувшись, с такой силой, что разлетелась черепная коробка, выскочили мозги. Потом рвали, драли, кололи и резали его одежду, пинали этот сгусток мяса и крови, и каждый метил пнуть непременно в лицо. Тут же, поблизости, стояло несколько пленных красноармейцев,—они с ужасом смотрели, во что превращен был славный комиссар Павел Степанович Батурин. Несчастные! Они почти все до одного, уже через несколько минут, сами погибли под казачьими шашками...

А Чапаев—где он?

В окопах долго удержаться не удалось,—и сюда проникли по берегу казаки. Надо было отступать к обрыву. Здесь обрыв высоко над волнами, и на горку итти все равно, что быть мишенью. Но деваться некуда, по обеим сторонам, на побережье, уже поставлены казачьи пулеметы: они бьют по реке и хоронят пловцов, которые думали скрыться на Бухарскую сторону за Уралом.

Чапаеву пробило руку, он вздумал утереть лицо и оставил кровавые полосы на щеке и на лбу... Петька был все время подле:

— Василий Иванович, дайте голову завяжу, — крикнул он Чапаеву.

— Ничего... голова здоровая...

— Кровь на лбу бежит, — задыхающимся голосом старался его уверить Петька.

— Ну, полно — все равно...

Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды, мало кто успевал спастись через бурный Урал.

Но Чапаева решили спасти.

— Спускай его на воду — крикнул Петька.

И все поняли, кого его надо спускать: четверо, ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному срыву. Вот кинулись, поплыли: троих убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. Плыли двое, уже были у самого берега, и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову.

Когда спутник, уползший в осоку, оглянулся — позади не было никого: Чапаев утонул в волнах Урала. А Петька остался на берегу до конца, и когда винтовка стала

Слева направо сидят: Плясунков, Г. Горбачев и Суров
в Лбищенске после гибели Чапаева.

не нужна, выстрелил шесть нагановских патронов по наступавшей казацкой цепи, а седьмую—в сердце. И казаки остервенело издевались над трупом этого маленького рядового, но такого славного, благородного воина. С большим трудом опознали потом товарищи эту раздавленную в песке кровавую массу человеческого тела.

Месяца через два после этой трагической кончины Революционный военный совет республики отдал приказ о том, что за славные дела награждается орденом Красного знамени славный воин Петр Исаев.

Опоздала почетная награда, на два месяца не захватила своего героя. Вместе со всеми, до самого берега отступал с Исаевым рядом и Чеков. Его убили на песке, к воде спуститься не успел, пуля пробила ему голову.

Теперь сопротивления уже не оказывали нигде: казаки гонялись за убежавшими, нагоняли их, ловили и зарубали на месте. Если захватывали группу,—командовали:

— Жиды, комиссары и коммунисты, — выходи!..

И те выступали вперед, не желая подводить под расстрел красноармейцев, — только не всегда их этим спасали.

Выходили перед рядами своих товарищей, такие гордые и прекрасные в своем молчаливом мужестве, с дрожащими губами, с горевшими гневными глазами и, посылая проклятия казацкой нагайке, умирали под ударами шашек, под оружейными пулями.

Других уводили в поле, под пулеметы — там, за станицей, есть три огромные кирпичные ямы: они были доверху завалены трупами расстрелянных.

Бригады стояли у Сахарной и выше по станицам, когда помчалась страшная весть: уничтожен штаб, политический отдел, все дивизионное командование, разрушена связь, отнят отдел снабжения — нет и не будет снарядов, патронов, одежды, обуви, хлеба...

Очутиться в таком положении — ужасно. Красноармейцы измучены боями, изнурены голодухой, безбожно, целыми ротами, гибнут в тифу...

Отрезанные, окруженные казаками, потерявшие управление — что станут делать?

Елань взял на себя командование дивизией, — никто его не назначал, не утверждал, — сам взял, ждать было некогда...

И повел... Обрато на Ура́льск. Казаки остервенело кидались на отступавших, но разбивались лавами о стальные полки...

Быстро шли — и ночи и дни...

Проходили и Лбищенск, застывали над братскими могилами, пели похоронные песни, клялись бороться, клялись победить, поминали тех, кто с беззаветным мужеством отдавал свои жизни на берегах и в волнах беспокойного Урала...

Сокращение сделано самим автором незадолго до его смерти и прислано в Куйбышевский испарт. Издано в 1924 г. в Ленинграде.

И. С. КУТЯКОВ

ПУТЬ ЧАПАЕВА

И. С. КУТЯКОВ

ДЕТСТВО ЧАПАЕВА

Тяжелое детство выпало на долю Василия Ивановича Чапаева. В боевые годы гражданской войны, разъезжая на тройке донских лошадей по заволжским степям, чтобы лично разъяснить бойцам своих непобедимых полков боевую задачу и проверить выполнение приказов, прославленный комдив Чапаев часто с горечью вспо-

минал о своей безрадостной молодости.

— Детство мое было мрачным, тяжелым, — рассказывал он сопровождавшим его командирам или ординарцам из личного конвоя. — Много пришлось унижаться и голодать, с малых лет мыкался по чужим людям. В школу не ходил: не было одежды и обуви... Так и остался неучем... Вот теперь многие спрашивают: „И как ты, Чапаев, с дивизией управляешься?“ А так, что я к этому сам пришел. Через партию, через революцию...

И Чапаев, покручивая чёрный ус, зоркими глазами вглядывался в далекую дорогу...

Василий Иванович Чапаев родился в 1887 году 28 января в деревне Буданки Чебоксарского уезда (в теперешней Чувашской республике) в семье крестьянина-мордвина.

Дед его был крепостным. Рассказы деда о бесправной унижительной жизни крепостных с детства заронили в душу

Чапаева горячую ненависть к угнетателям и эксплуататорам. Но Василию Ивановичу и самому пришлось очень рано испытать капиталистический гнет.

Отец Чапаева Иван Степанович принадлежал к числу самых бедных буданских крестьян. Его земельный надел достигал всего двух десятин истощенной суглинистой земли. На этом наделе нельзя было прокормить большую семью, состоявшую из 9 человек¹, и Иван Степанович ежегодно уходил плотничать в зажиточные села и купеческие волжские города. Однако, заработок на стороне был настолько мал, что его едва хватало на „харчи“ самому Ивану Степановичу. В лучшем случае, проработав на Волге целый год, отец Чапаева возвращался к семье с десятью рублями в кармане.

Иван Степанович Чапаев
(отец В. И. Чапаева).

Чапаевы не вылезали из нужды, которая еще более усиливалась в неурожайные годы. Таким годом был и 1897 г. Голод охватил все Поволжье. В деревнях ели

лебеду и древесную кору. Люди бросали землю, заколачивали избы и толпами бежали в города, пополняя ряды городской рабочей бедноты. Понятно, что многодетной семье Ивана Степановича пришлось особенно плохо. Спасаясь от голодной смерти, Чапаевы решили уехать из родной Чувашии и переселиться на Волгу в город Балаково, Самарской губернии.

Переезд оказался очень тяжелым, так как голодная семья тронулась в дорогу без хлеба и денег. С хоронив в пути дедушку и бабушку, умерших от истощения, Чапаевы все же добрались до Балакова.

¹ Семья Ивана Степановича Чапаева состояла из него самого, его жены, отца, матери и пятерых детей: Михаила, Андрея, Василия, Анны и Григория.

Город Балаково расположен на левом берегу Волги. Это была крупная волжская пристань и один из центров хлебной торговли. В Балакове имелись мукомольные мельницы, рыбные промыслы, махорочные фабрики и большой затон, в котором зимовали и ремонтировались речные пароходы и баржи. Балаково представляло собой одну из крепостей богатого волжского купечества, хищнически наживавшегося на обмане и жестокой эксплуатации трудящихся, на угнетении народов, населяющих Волгу, — чувашей, мордвы, татар.

С переездом в Балаково детям пришлось бросить школу, которую они посещали в Буданке, и искать работу. Вследствие этого Василий Иванович успел выучить лишь одну азбуку.

Двенадцати лет Василий был отдан к купцу в „мальчики“. Чапаев работал без платы, за кусок хлеба. Купец обещал Ивану Степановичу сделать из мальчика „торгового человека“, т. е. приказчика. Василий служил два года. Первое время он подметал полы и мыл окна в магазине, помогал на кухне стряпухе, носил воду и топил баню для купеческой семьи.

Шустрый, веселый мальчик старательно выполнял всю поручаемую ему работу. Вскоре купец стал „доверять“ ему разносить покупки по домам именитых покупателей, а затем поставил и за прилавок. Василий начал торговать. С этого же дня хозяин приступил к „обучению“.

Сперва намеками, а затем с грубой откровенностью купец объяснил великую заповедь „торгового дела“: „не обманешь, не продашь“, „не обвесишь, не наживешься“. Но мальчик вдруг оказался непонятливым. Пряча глаза от хозяина, он отпускал покупателям товар полным весом и полной мерой. Купец сердился и все чаще „поощрял“ его подзатыльниками. Но мальчик упорствовал.

Изредка в магазин заглядывал Иван Степанович. Он робко вставал где-либо в сторонке и внимательно следил за тем, как „торгует“ его сын. Выждав момент, когда хозяин и старший приказчик отлучались из магазина, он подходил к сыну и не то с упреком, не то с угрозой говорил:

— Не воруй, Вася, будь честен!

После этого он надвигал на глаза фуражку и незаметно уходил из магазина.

Чапаев до конца жизни помнил слова отца.

Убедившись в нежелании мальчика обвешивать покупателей ради его — купеческих — выгод, хозяин не только не назначил ему плату, но даже перестал выдавать одежду. Василию ничего не оставалось делать, как уйти. Вскоре он нанялся „половым“ в одну харчевню — чайную. Хозяин чайной положил ему 3 рубля в месяц.

В чайной Василия ожидала еще худшая кабала, чем у купца. С раннего утра и до 2—4 часов ночи, подгоняемый пьяными окриками посетителей и подзатыльниками хозяина, Чапаев бегал от стола к столу. Домой не ходил, не хватало сил. Спал тут же в чайной, на грязном столе или на полу. В довершение всего хозяин требовал от служащих, чтобы они обсчитывали посетителей — балаковских грузчиков и крестьян, приезжавших в Балаково на базар. Но Василий упорно отказывался воровать, и через год владелец чайной уволил его.

Чапаев опять остался без работы. Целыми днями он бродил по пристани, базару, забегая домой только за тем, чтобы проглотить кусок хлеба. Но и этот кусок был на учете. В семье нужда чувствовалась во всем. Забота о хлебе поглощала мысли отца, матери, братьев и давила сознание впечатлительного Василия. Тогда в порыве отчаяния он решил наняться к одному старик-шарманщику, не раз уже соблазнявшему Василия вольной жизнью беззаботных бродяг.

Старик-шарманщик видел Чапаева в чайной. Веселый, смешленный мальчик понравился старику, нравился ему и сильный голос Чапаева, и теперь, встречая его на улицах, он стал усиленно звать его с собой. Он рассказывал Чапаеву о богатых волжских городах, о все-российской нижегородской ярмарке, сулил ему свободную, вольную жизнь. Чапаев не устоял перед соблазном.

Около двух лет Чапаев скитался с шарманщиком, подпевая ему песни. Они обходили Самару, Сызрань, Казань, Нижний. Бродили по степным хуторам и глухим лесным селам. Немало лишений и издевательств пришлось перенести Чапаеву: над шарманщиком смеялся последний пьяница.

Через два года, когда бездомная жизнь бродяги опостылела Чапаеву, он неожиданно вернулся в Балаково. С этого времени Чапаев стал помогать отцу и старшим братьям — плотникам.

Плотничьи работы в Балакове производились только весной и летом, когда открывалось движение по Волге. На средства, заработанные в это время, приходилось жить всю зиму. А заработок был невелик. Поэтому с наступлением зимы Чапаевы всей семьей уходили в богатые села и казачьи станицы Урала строить дома кулакам и богатым казакам. Вместе с отцом Василий Иванович исходил всю уральскую казачью область и Самарскую губернию и хорошо изучил эту местность. Впоследствии эти знания сослужили ему большую службу в борьбе с белоказаками.

ГОДЫ ЗРЕЛОСТИ

Чапаевы жили дружно, одной большой семьей. По мере того, как подрастали сыновья Ивана Степановича, они друг за другом покидали дом. В 1904 году во время Русско-японской войны в солдаты угнали Андрея. Он участвовал в войне, и хотя японские пули пощадили его, погиб в Сибири в революцию 1905 г. Иван Степанович так и не узнался о причинах его гибели.

Через 5 лет, в 1910 году, в солдаты взяли Василия. К этому времени Чапаев уже женился на мещанке города Балакова Пелагее Захаровой. Не легко было ему покидать свою семью, но еще труднее привыкнуть к бесправной, унижительной жизни царского солдата. Мордобоем, мучительной муштрой и издевательствами старались превратить молодых солдат в „верных слуг царя“.

По окончании службы Чапаев опять взял в руки плотничий топор. Но недолго пришлось теперь ему бродить по заволжским степям в поисках работы. Наступил 1914 год. Грянула мировая империалистическая война. Несмотря на то, что у Чапаева уже было трое детей, его призвали в армию в первые же дни мобилизации и отправили на германский фронт в 1-ю армию генерала Рененкампа.

Солдат Василий Чапаев не раз принимал участие в боях, был несколько раз контужен и ранен. Как и все

солдаты, Чапаев нетерпеливо ждал окончания ненавистной войны.

В этот же период у Чапаева пробуждается большой интерес к книгам. Собственно в это время, в окопах, в моменты затишья на фронте, он и выучился читать. Чапаев знакомился с биографиями прославленных полководцев: Ганнибала, Суворова, Наполеона. Этими книгами фронтовое офицерство охотно снабжало солдат. Но были и другие книги, которые читались тайком. К числу их относились некоторые лубочные издания о Степане Разине, Пугачеве, Чуркине и Гарибальди. В этих книгах Чапаев находил образы героев, выражавших стремления и чаяния широких народных масс. Чапаев невольно отождествлял себя с Разиным, Пугачевым. Он тоже хотел бы повести за собой народные массы против генералов, против купцов, против царя, заживо похоронивших в окопах миллионы трудящихся. Но, чтобы Чапаев мог превратиться в народного героя, должна была произойти Октябрьская революция.

В конце 1916 года Василий Иванович получил свое последнее ранение в мировой войне и в звании подпрапорщика эвакуировался в один из госпиталей г. Саратова, где лечился вплоть до Февральской революции 1917 года.

ЧАПАЕВ—ОРГАНИЗАТОР КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Революция распахнула перед ним дверь. Чапаев увидел, что только в жесткой, беспощадной борьбе трудовой народ сбросит власть помещика и фабриканта. Он жадно знакомится с программами партий, существовавшими в то время в Саратове.

Бышему плотнику, малограмотному солдату, которому только за недостатком офицеров фронтовое начальство „пожаловало“ чин подпрапорщика, трудно самостоятельно разобраться в сложной политической борьбе. Под влиянием некоторых из своих товарищей Чапаев присоединяется к группе саратовских анархистов-коммунистов. Группа эта была очень пестрой по своему составу. В нее входили местные интеллигенты, учащиеся, были и рабочие. Программа группы не была достаточно четкой, — все сходилось на ненависти к старому, рабскому

прошлому. Размежевание произошло несколько позднее, когда наступили дни решающей борьбы за власть советов, за социалистическую революцию. Но и во время пребывания в группе саратовских анархистов Василий Иванович внимательно прислушивался на митингах к большевикам и всегда поддерживал их во время голосования...

Между тем решающие дни борьбы за власть советов уже приближались.

В июле в Петрограде рабочие и солдатские массы вышли на улицу с требованием хлеба, земли, окончания войны и передачи всей власти советам. Керенский разогнал демонстрацию и отдал приказ об аресте Владимира Ильича Ленина. Русская буржуазия делает безнадежные попытки задуть всякое революционное движение. Керенский рассылает по городам карательные отряды из юнкеров. В Саратове и Царицыне (ныне Сталинград) юнкерские карательные отряды производят аресты большевиков.

Василию Ивановичу, активно выступавшему против власти Керенского, оставаться в Саратове было не безопасно. После недолгих размышлений он решил уехать в Николаевск (ныне Пугачевск).

Чапаев не случайно избрал Николаевск. Этот небольшой город, расположенный в степи, вдали от крупных промышленных и политических центров страны, имел, однако, хотя и немногочисленную, но крепко сколоченную большевистскую организацию. Уездный комитет партии, во главе которого стоял солдат Вениамин Ермощенко, развернул широкую работу среди рабочих и солдат 138-го запасного пехотного полка, расположенного в городе. Солдаты еще задолго до Октябрьской революции отказались признать правительство Керенского и выгнали из полка всех офицеров.

По приезде в Николаевск Чапаев порывает связь с анархистами и вступает в партию. Этот шаг навсегда связывает его с великой коммунистической партией, с революцией, с рабочим классом. Перед Чапаевым открывается один ясный и прямой путь—путь борьбы за диктатуру пролетариата. И Чапаев полностью оправдал доверие Николаевской парторганизации, принявшей его в свои боевые ряды.

По желанию Чапаева Николаевский уком партии направил его для работы в 138-й полк. Здесь он сразу попадает в родную ему стихию. Солдаты единогласно выбирают его командиром полка. Уком утверждает его в этой должности.

Василий Иванович отдается великому делу освобождения трудящихся со всей своей страстью и кипучей энергией.

В. ЕРМОЩЕНКО
предсовнаркома Пугачевской
коммуны.

Он часто выступает на солдатских и рабочих митингах с призывом усилить борьбу с буржуазией. Он доказывает необходимость создания вооруженной силы, которая бы могла дать отпор любому врагу. В своем полку, работая под руководством уездного комитета большевиков, Василий Иванович старается укрепить дисциплину и повысить политическую сознательность солдат.

Работа, проделанная в эти дни николаевскими большевиками, не прошла бесследно. Несмотря на то, что в момент Октябрьской революции буржуазия сумела с помощью эсеров обмануть широкие трудящиеся массы, захват власти в городе советами являлся только вопросом времени. В декабре в Николаевске состоялся 3-й уездный крестьянский съезд. 18 декабря крестьянский съезд провел заседание совместно с советом рабочих и солдатских депутатов. На этом заседании после горячих прений было принято решение разогнать земское собрание и избрать свой уездный совнарком.

Вновь избранный уездный совет народных комиссаров возложил задачу по разгону контрреволюционного земского собрания на Чапаева.

Земское собрание происходило одновременно с совместным заседанием 3-го крестьянского съезда и совета

рабочих и солдатских депутатов. Выступившие на этом собрании эсеры и кулаки призывали оказать советской власти вооруженное сопротивление. В разгар заседания к зданию земской управы подошел Чапаев с группой солдат. Он занял все проходы в здании, расставил часовых. После этого в зал заседания вошли В. Ермощенко и другие комиссары. От имени крестьянского съезда и совета они объявили земское собрание распущенным.

Члены земского собрания подняли невообразимый шум. Некоторые из них бросились с кулаками на комиссаров. У окон началась свалка. Затрещали стекла.

В этот момент в зал ворвался В. И. Чапаев со своим отрядом. Растолкав членов собрания, он пробрался к президиуму, прыгнул на стол и, выхватив шашку, крикнул:

— Слушайте мою команду! Президиум объявляю арестованным и приказываю ему остаться на месте. Остальным — разойтись!

Буржуазная банда была обезглавлена, но не сломлена. На следующий день оставшиеся на свободе контрреволюционеры ударили в набат. По этому сигналу на соборную площадь — в центре города — собралась огромная толпа белогвардейцев. На площади открылся своеобразный митинг. Слышались угрозы перевешать всех коммунистов. Толпа черносотенцев смелела и уже готовилась приступить к расправе. В этот момент на площади появился Чапаев с автомобилем, вооруженным пулеметами. Без всякого предупреждения он немедленно открыл огонь из пулеметов по куполу каменного собора. Этого было достаточно, чтобы защитники Керенского и учредительного собрания разбежались...

Потеряв надежду восстановить свою власть в городе, белогвардейцы перенесли вредительскую работу в глухие села уезда. Они не оставили без внимания и солдат 138-го пехотного полка. Усиление классовой борьбы во всей стране нашло свое отражение в солдатской массе. Кулацкие элементы, не желая, понятно, служить советской власти, дезертировали из полка. По существу полк развалился. Тогда Василий Иванович, являвшийся также военным комиссаром николаевского гарнизона, поставил перед уездным советом народных комиссаров вопрос

о демобилизации полка и создании отряда Красной гвардии из рабочих и батраков этого же полка, но на добровольных началах.

3-й уездный съезд советов принял предложение, и Чапаев в течение нескольких суток создал отряд Красной гвардии численностью до 800 бойцов. На долю этого отряда и выпала задача подавления многочисленных белогвардейских восстаний в Николаевском уезде.

Первое восстание вспыхнуло в январе 1918 года на границе земель Уральского казачьего войска, в 80 километрах от Николаевска, в крупном кулацком местечке — Большой Глушице. Восстанием руководили офицеры, эсеры и сыны местных купцов. Они арестовали членов местного совета, зверски убили многих активистов, а затем объявили, что район Большой Глушицы не подчиняется советской власти.

По поручению т. Ермащенко Чапаев направился туда с частью отряда в 400 бойцов.

Январские морозы и бураны не остановили его стремительного движения. Через двое суток отряд Василия Ивановича на рассвете налетом с четырех сторон вошел в Большую Глушицу с небольшой ружейно-пулеметной перестрелкой.

Восстание было подавлено, кулацкие и купеческие сынки побросали оружие. Чапаев не только восстановил советскую власть; самое главное заключалось в том, что как в самой Б. Глушице, так и на всем пути своего движения он создал во всех селах и деревнях красногвардейские отряды и вооружил их оружием, отобранном у фронтовиков — кулацких сынков. Эти отряды явились крепкой опорой местных органов советской власти.

Вслед за Б. Глушицей вспыхнуло кулацко-эсеровское восстание под Самарой в крупном местечке Марьевка, а затем в селах Хворостовке и Б. Луке. Здесь Василий Иванович не ограничился арестами кулацких вожаков. Он наложил также на кулацкое население крупную контрибуцию как деньгами, так и хлебом: хлеб был отправлен Николаевским партийным комитетом питерским и московским рабочим.

9 февраля 1918 года произошло восстание в г. Балакове, где проживали родители Чапаева и его младший брат Григорий.

Григорий Чапаев — участник империалистической войны — вступил в ряды партии большевиков с первых дней революции. По возвращении с фронта он с головой ушел в партийную работу.

Восстание 9 февраля 1918 года застало его на посту военного комиссара города.

Балаковское восстание было организовано эсерами — капитаном Растяпиным и прапорщиком Ивановым. По их сигналу в 11 часов дня на базарной площади собралось около 1000 вооруженных белогвардейцев. Узнав об этом, Григорий Чапаев явился на площадь с группой красногвардейцев. Восставшие сразу же открыли огонь. Григорий Чапаев был тяжело ранен. Красногвардейцы были частью убиты, частью разбежались. Самого же Григория Чапаева озверевшее кулачье после зверских пыток убило.

Балаковский совет выслал на помощь Григорию Чапаеву отряд из 20 коммунистов под командой т. Стучко. Засевшие на площади белогвардейцы встретили отряд огнем. Тов. Стучко был ранен, отряд коммунаров рассеялся по домам.

Тогда белогвардейцы захватили здание Балаковского совета, арестовав членов совета. Через короткое время в их руках оказался весь центр города. Однако, на окраинах, где были расположены мастерские, купцы и кулаки встретили отчаянное сопротивление. Сюда сбежались все коммунисты и рабочие. Они отбили огнем бешеные атаки белогвардейцев и сумели продержаться в течение нескольких дней до прихода помощи.

Когда известие о восстании пришло в г. Николаевск, т. Ермощенко 10 февраля направил в Балаково отряд Красной гвардии во главе с Василием Ивановичем Чапаевым.

Надо сказать, что балаковское восстание не было одиноким. В тот же день вспыхнуло кулацкое восстание в селе Березове, куда пришлось направить красногвардейский отряд т. Топоркова. Этому отряду удалось в ночь на 10 февраля вступить в село, но контрреволюционеры в ночном бою разбили его, а самого Топоркова захватили в плен. Узнав о разгроме топорковского отряда, Василий Иванович решил притти ему на выручку.

По приказу Чапаева отряд выступил форсированным маршем на Березово с тем, чтобы на рассвете 11 февраля атаковать село Березово. Несмотря на мороз и тяжелую дорогу, отряд подошел ночью к селу. Вперед была выслана разведка. Чапаев еще раз напомнил красногвардейцам боевую задачу и на рассвете лично повел отряд в атаку. Подойдя молча к окраине, красногвардейцы с криком „ура“ ворвались в село. Удар был настолько неожиданным, что кулаки не успели еще расстрелять т. Топоркова, которого Чапаев и освободил из кулацкого плена сильно изувеченным.

Переночевав в Березове, Василий Иванович оставил часть отряда в распоряжении Березовского совета, а сам 12 февраля двинулся в Балаково.

В пути Чапаев встретил отряд т. Рязанцева, спешившего на помощь балаковским рабочим. Объединив под своим командованием оба отряда, В. И. Чапаев 13 февраля приступил к атаке г. Балакова. Атака велась с двух сторон — с восточной и южной, причем одновременно с отрядами Чапаева шли в наступление и засевшие внутри города вооруженные рабочие под командованием тт. Захарова Сергея, Шкарабанова, Зубарева.

Белогвардейцы не выдержали дружного удара Красной гвардии и, неся огромные потери, в панике бросились бежать.

Чапаев не застал своего брата в живых. Коммунист Григорий Чапаев погиб на посту. Несмотря на зверские пытки контрреволюционеров, он умер без единого крика о пощаде — умер, как умирают железные большевики.

15 февраля трудящиеся Балакова с большими почестями хоронили Григория Чапаева. Похороны превратились в демонстрацию решимости балаковского пролетариата продолжать борьбу до конца. За гробом Григория Чапаева шли трудящиеся и красногвардейские отряды.

В конце февраля 1918 года вспыхнуло новое кулацкое восстание в селе Липовке, послужившее сигналом для всех врагов советской власти. Кулацкие дружины атаковали местный красногвардейский отряд т. Шевелева и заставили его отступить в село Духовницкое. Вскоре кулаки захватили всю Липовскую волость.

Похороны убитого кулаками в г. Балакове Григория Чапаева в 1918 году.

Тогда Николаевский совет опять назначил для подавления восстания В. И. Чапаева.

В приказе, изданном Николаевским советом, говорилось:

„В виду возникшего в Липовском районе Николаевского уезда контрреволюционного восстания, закончившегося убийством некоторых руководителей местных советов. Совет народных комиссаров объявляет, что с 1 сего марта, впредь до особого распоряжения, Липовский район объявлен на военном положении.

Для подавления контрреволюционного восстания мобилизуется вся Красная гвардия Липовского района. Вся власть в этом районе принадлежит Военному Комиссару Чапаеву, командированному Советом для подавления восстания.

Все вооруженные силы этого района подчиняются его распоряжениям.

Местные общественные и правительственные организации также обязаны беспрекословно подчиняться всем распоряжениям Военного Комиссара Чапаева.

Неподчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся Сов. власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск.

Всех виновных в контрреволюционном восстании арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск, а сопротивляющихся и противодействующих расстреливать.

Пред. Совнаркома — В. Е р м о щ е н к о“.

В. И. Чапаев немедленно приступил к выполнению возложенной на него ответственной задачи. Он объединил под своим руководством все вооруженные отряды Липовского района и в течение десяти суток подавил восстание, восстановив советскую власть и укрепив боеспособность местных красногвардейских отрядов.

В общем, в январе—феврале 1918 г. отряд Чапаева исколесил вдоль и поперек всю территорию Николаевского уезда. Энергичные, смелые марши Василия Ивановича не только терроризовали кулаков, но воодушевляли все бедняцко-батрацкое население уезда. Трудящиеся

убеждались в том, что советская власть и ее Красная гвардия сильны. По призыву партии во всех селах и деревнях Николаевского уезда создаются отряды Красной гвардии. Чапаев вооружает их, назначает командиров и инструктирует красногвардейские отряды как бороться с кулацкими восстаниями. Имя Чапаева — организатора Красной гвардии и верного стража советской власти — делается необычайно популярным среди рабочих и трудящегося крестьянства Заволжья. Его знают как неустрашимого талантливого командира, победоносно расправляющегося со всеми контрреволюционерами. Рабочая и крестьянская молодежь стремится попасть к нему в отряд.

Особую любовь Василий Иванович завоевывает у своих боевых товарищей — красногвардейцев и командиров красногвардейских отрядов. Они ценят в нем его безграничную преданность делу революции, бурную энергию, инициативность, смелость и большой боевой опыт. Чапаев сумел передать им свой опыт и воспитать ряд талантливых командиров, с которыми он проделал весь свой славный героический боевой путь.

Была в Чапаеве и какая-то внутренняя сила, которая невольно располагала к нему всех, соприкасавшихся

с ним людей, вызывала у них симпатию к нему, заставляла признавать его опыт, его сильную волю.

Как командир, Чапаев был очень требовательным. Он требовал от подчиненных точного и беспрекословного выполнения боевых приказов. Но в то же время он был постоянно полон забот о своих частях, об их снабжении, об их отдыхе.

У него на квартире всегда останавливались приезжавшие в Балаково красногвардейцы, а впоследствии нередко лежали больные и раненые товарищи, так что с началом гражданской войны его квартира по существу представляла собой и штаб и лазарет.

В быту Василий Иванович был скромным, чутким товарищем. Он не пил, не курил; несмотря на вспыльчивый характер не допускал в обращении с близкими грубостей. Товарищей Чапаева всегда поражала его необычайная честность. Лжи, где бы она ни проявлялась — в общественном ли деле или в личной жизни — он не терпел. Если кому удавалось хотя бы раз даже в мелочи обмануть его, это значило навсегда потерять уважение и доверие Чапаева.

В результате многочисленных рейдов Чапаева в селах и деревнях Николаевского уезда была не только укреплена советская власть, но и создана достаточно мощная вооруженная сила. Красная гвардия Николаевского уезда состояла из следующих отрядов:

Духовницкий отряд т. Баулина около	600	штыков
Липовский отряд т. Шевелева „	500	„
Горянинский отряд тт. Степанова и Чуркина около	400	„
Хлебновский отряд т. Бубенца около	200	„
Новозахаровский отряд т. Кутякова около	200	„
Суладский отряд тт. Плясункова и Топоркова около	600	„
Перекопновский отряд т. Рязанцева	300	„
Студенецкий отряд т. Потапова около	200	„
Семеновский отряд т. Киндюхина „	200	„
Порубежский кавалерийский отряд т. Суворова	200	сабель

Кроме того, в распоряжении каждого местного сельского совета имелся свой небольшой отряд в 20 — 40 бойцов. Оружие и патроны частично нашлись на местах у фронтовиков, но большей частью были получены Чапаевым от рабочих Иващенских заводов (ныне этот

город назван именем Чапаева), а также от рабочих Саратова.

Впоследствии все эти отряды и послужили основным ядром формирования 25-й стрелковой Чапаевской дивизии.

ПЕРВЫЙ ПОХОД НА УРАЛЬСК

Многочисленные кулацкие восстания в селах и городах Николаевского уезда носили преимущественно разрозненный характер. Белогвардейцы пытались прощупать слабые места советской республики и мобилизовать свои силы. В Поволжье сигналом к организованной борьбе против советской власти послужило контрреволюционное выступление уральского белого казачества.

Область Уральского казачьего войска (ныне входит в Уральскую область) граничила на северо-западе с тремя губерниями: Самарской (ныне Куйбышевский край), Саратовской и Астраханской (последняя ныне входит в Сталинградский край).

В Уральской области, как и во всех казачьих областях: Кубанской, Донской, Астраханской, царское правительство создало крупную кулацкую прослойку, которая служила царям опорой в борьбе с „внутренним врагом“. Даже в годы империалистической войны, посылая в окопы миллионы трудящихся, царское правительство принимало все меры к тому, чтобы сохранить преданное ему казачество: казачьи полки преимущественно стояли в тылу или же несли полицейскую службу в городах.

С момента возвращения на родину офицеров и солдат-фронтовиков уральская белогвардейщина перешла к подготовке открытого выступления против советской власти. Здесь, в Уральской области, находят приют, помещики, офицеры и другие белогвардейцы, бегущие от советского суда. Как и область войска Донского, Уральская область при первой же возможности старается нанести удар советской власти.

Застрельщиками выступили илецкие казаки, целиком уничтожившие в начале марта 1918 г. Самарский отряд Красной гвардии. 29 марта контрреволюционное офицерство и эсеры разогнали в г. Уральске областной совет и арестовали его членов.

Советская страна в тот момент вела неравную, тяжелую борьбу с германскими оккупантами на Украине и многочисленными контрреволюционными выступлениями на окраинах. Поэтому советское правительство не могло выделить достаточных сил для подавления уральской контрреволюции. В свою очередь рабочие Самарской губернии, граничащей с Уральской областью, подверглись натиску оренбургского контрреволюционного казачества, руководимого генералом Дутовым. Положение в Самарской губ. усугублялось выступлением всеров, проникнувших в Красную гвардию и даже захвативших на короткое время Самару. На первых порах пришлось взять на себя одному Саратовскому совету борьбу с уральской белой армией.

Получив сообщение о разгоне Уральского совета, Саратовский совет послал вновь образованному Уральскому войсковому правительству ультиматум с требованиями:

- 1) безоговорочно признать власть Совета Народных Комиссаров верховной властью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики;
- 2) немедленно восстановить разогнанный и частью арестованный Уральский совет;
- 3) изгнать пришлый элемент из Уральской области, как то: контрреволюционное офицерство, буржуазию и помещиков.

Контрреволюционное уральское правительство отвергло ультиматум. Тогда Саратовский совет приказал прекратить всякое железнодорожное и телеграфное сообщение с Уральской областью и выделил „Особую армию“ для действия против белого Уральского казачества.

С этого момента, т. е. с середины апреля 1918 г. на границе земель Уральского казачьего войска развертываются бои красногвардейских отрядов с офицерскими дружинами Уральского белого правительства.

Николаевский уезд, граничивший с Уральской областью, выделил для борьбы с белоказаками николаевскую Красную гвардию, два отряда балаковских рабочих, отряд батраков в 200 человек под командой т. Меснера, революционные крестьянские отряды тт. Топоркова, Плясункова, Потапова, Баулина, Шевелева и др.

К 20 апреля вооруженные силы уезда сосредоточились в Николаевске. Здесь из них были сформированы

два отряда под названием Николаевские советские партизанские, численностью в 600 человек каждый. Один, под командой Чапаева, был составлен из отрядов тт. Топоркова, Плясункова, Потапова и других мелких групп. В другой, под командой Демидкина, вошли городская Красная гвардия, рота бывших военнопленных австрийцев, отряд балаковских рабочих и отряды Баулина и Шевелева.

21 апреля николаевские советские партизанские отряды выступили на ст. Алтата к месту сосредоточения „Особой армии“. Отряд Демидкина направился по железной дороге ст. Ермово—Алтата. Чапаев двинулся походным маршем по маршруту хутор Бернадок — ст. Алтата.

По пути на Алтату Чапаев столкнулся у хутора Бернадок, принадлежавшего богатому помещику Мальцеву, с казачьим отрядом, прибывшим для расправы с батраками. Чапаев немедленно вступил в бой, разбил казаков и изгнал их с территории Николаевского уезда. 250 батраков из помещичьего имения добровольно присоединились к его отряду.

К концу апреля 1918 года вся саратовская „Особая армия“ в количестве 4 тысяч бойцов при 18 орудиях и 110 пулемётах сосредоточилась на станции Озинки. В свою очередь уральское белое правительство подтянуло офицерские части к пограничной станции Семиглавый Мар.

1 мая 1918 года красногвардейские отряды перешли в наступление на Семиглавый Мар.

Учитывая высокую подвижность и маневренность казачьей конницы, угрожавшей, в первую очередь, флангам и тылу, „Особая армия“ тотчас же по выходе со ст. Озинки приняла особый порядок движения. Для этого отряды „Особой армии“ растянулись цепью вдоль линии железной дороги: на правом фланге шел Новоузенский отряд, на левом — отряд В. И. Чапаева; за ними — остальные. Артиллерия и пулеметы двигались в центре при своих отрядах. Такой порядок позволял быстро, без перестроения вступать в бой с казаками; однако, он заставлял идти без дорог, что очень замедляло движение. Особенно замедлялось движение отрядов с наступлением ночи: ночная темнота, стрельба казачьих разъездов, частые остановки — все это утомляло бойцов, вызывало беспокойство. В. И. Чапаев, быстро оценив все

неудобства принятого порядка движения, решил несколько уклониться на юг. Сообщив о своем решении штабу, он двинулся на Семиглавый Мар по горной местности, в тыл казакам.

Казаки, сосредоточившие свое внимание на движении главных сил, обнаружили Чапаева только в момент, когда он уже спускался с гор на Семиглавый Мар. Боясь окружения, они торопливо отступили к станции Шипово. Благодаря этому „Особой армии“ удалось 2 мая занять Семиглавый Мар без боя.

Но в тот же день, в 7 часов вечера, казаки атаковали Семиглавый Мар; красные бойцы отбили атаку. Перед закатом солнца казаки вновь пошли в атаку. Пока было светло, атаки отбивались ружейным и пулеметным огнем, но с наступлением темноты казачьей коннице удалось прорвать цепь и окружить Новоузенский отряд. Тогда Чапаев, который вел бой в 5 километрах от Новоузенского отряда, оставив слабое прикрытие, бросился на выручку. Он прорвал стремительным ударом казачье кольцо и соединился с Новоузенским отрядом. Противник не выдержал напора и поздно ночью стал отходить.

Утром 3 мая „Особая армия“ двинулась дальше. Уже 4 мая Чапаев занял ст. Деркул. Таким образом, части „Особой армии“ находились всего в 70 километрах от г. Уральска и, казалось, одним ударом займут сердце уральской контрреволюции. Однако, в ночь на 5 мая в положении „Особой армии“ наступило резкое ухудшение.

Пользуясь тем, что немногочисленная „Особая армия“ не могла оставить крупных сил для охраны захваченных станций, казаки произвели налет на тыл и захватили Семиглавый Мар. В результате „Особая“ оказалась отрезанной от Саратова, откуда поступали снабжение и боеприпасы. Казаки усилили нажим. По всей линии железной дороги развернулись жестокие бои. Особенно сильный бой разгорелся с утра 9 мая у ст. Шипово. Казаки бросались в атаку через каждые 2—3 часа. Наступила ночь, но бой не утихал. В степи стояло несмолкаемое казачье „ура“. К рассвету следующего дня обнаружилось, что части „Особой“ израсходовали ночью все запасы патронов и снарядов. В виду этого командующий отдал приказ об отходе на ст. Алтата.

Если при наступлении на г. Уральск Чапаев всегда находился в авангарде армии, то при отходе на него была возложена задача прикрывать отход всей армии. Василий Иванович блестяще выполнил и эту задачу.

Со своим небольшим отрядом он успешно отражает атаки, удерживая во много раз превосходящего по силе врага, так что саратовская „Особая армия“ сумела благополучно отойти на линию Алгай, Новоузенск, Алтата, Семеновка, Вязовка, Любичское.

СОЗДАНИЕ ПУГАЧЕВСКОЙ БРИГАДЫ

Неудача первого похода тяжело отразилась на положении рабочих и трудящихся крестьян Уральской области и Самарской губернии. Большая часть Николаевского и Новоузенского уездов оказалась в руках белоказаков, приступивших совместно с кулаками к беспощадной расправе с трудящимися. Озверевшая контрреволюционная банда надеялась этим путем восстановить власть помещика и кулака и навсегда подавить революционное движение.

Поражение Красной гвардии и поднявшаяся вслед за этим волна кулацких восстаний заставили рабочих и крестьян еще тверже стать на защиту советов. Во всех волостях и уездах происходят чрезвычайные съезды, которые принимают решения об усилении вооруженных сил революции. Вскоре производится мобилизация членов профсоюзов. Партия посылает в красногвардейские отряды своих лучших сынов. Особые меры принимаются партией в отношении организации вооруженных сил. Для этого „Особая“ Саратовская армия, действовавшая до этого самостоятельно, подчиняется командующему вновь созданного к тому времени Уральско-Оренбургского фронта. Командующим „Особой армией“ назначается т. Ржевский. Наконец, разрозненные отряды объединяются в роты, батальоны и полки. Через некоторое время был образован Восточный фронт, и „Особая армия“ была переименована в четвертую.

Василий Иванович Чапаев, который на своих плечах вынес все последствия плохой организации вооруженной силы принял горячее участие в реорганизации партизанских отрядов. Он участвовал на уездном съезде, выступал

Бубенец, В. И. Чапаев, Кутяков.

на митингах, а 25 мая 1918 года провел в с. Любичком совещание командиров красногвардейских отрядов, на котором сделал доклад о причинах поражения Красной гвардии в первом походе на г. Уральск. Чапаев убедил присутствующих командиров в том, что мелкие отряды Красной гвардии не сумеют дать победы советской власти, и предложил слить их в батальоны и полки. Авторитет Чапаева был настолько велик, а недостатки существующей организации настолько очевидны, что совещание единогласно приняло предложение Чапаева. В результате красногвардейские отряды тт. Бубенца, Кутякова, Степанова, Чуркина и Киндюхина влились в отряд т. Чапаева, составив в целом 2-й полк, а отряды тт. Плясункова, Рязанцева, Потапова и Баулина влились в отряд т. Топоркова, образовав 1-й полк. Каждый полк был разбит на 3 батальона. В свою очередь оба полка были сведены в бригаду. Командиром бригады весь начсостав избрал Василия Ивановича Чапаева. По предложению Чапаева 1 му полку было присвоено имя Емельяна Пугачева, а 2-му—имя Степана Разина. Бригада в целом получила название Пугачевской.

Вновь образованная бригада представляла собой серьезную силу. Ее численность достигала 2700 штыков, 275 сабель, 65 пулеметов, 8 орудий и 1 бронемашин.

Вошедшие в бригаду красногвардейские отряды имели большой опыт борьбы с классовым врагом. Под руководством Василия Ивановича они разгромили кулацкие банды и белоуральские полки. Красноармейская масса, в большинстве своем состоявшая из рабочих, батраков, трудящихся крестьян Николаевского уезда, знала Чапаева и безгранично доверяла ему. Необычайно большой популярностью пользовался и остальной командный состав. В большинстве своем командиры чапаевских полков состояли из рабочих и батраков, не имевших ни специального военного, ни достаточного общего образования. Однако, они сумели на деле доказать свою преданность советской власти, партии и выявить недюжинные способности. Среди них оказалось немало талантливых самородков, победоносно руководивших впоследствии полками и бригадами. Таким был Топорков, бывший батрак, создавший вместе с Плясунковым Сулацкий отряд. Он был смертельно ранен в бою во время второго похода на Уральск в июне 1918 года. Из батраков вышли также Плясунков — командир Сулацкого отряда, а затем Пугачевского полка — героически погибший в борьбе с бандами Антонова и Попова в 1921 г.; Потапов — командир Студенецкого отряда, а затем командир 3-й бригады 25-й Чапаевской дивизии. Рязанцев — командир Перекопского отряда, затем командир 2-й бригады 25-й Чапаевской дивизии; Киндюхин — командир Семеновского отряда, затем командир полка; Михайлов — командир 1-й бригады, умер в 1920 году и другие.

Это с ними, при их помощи и поддержке Чапаев создал непобедимую 25-ю дивизию, покрывшую свои боевые знамена неувядаемой славой.

ВТОРОЙ ПОХОД НА УРАЛЬСК

После того, как „Особая армия“ была переформирована и усилена новыми частями, командование приняло решение вытеснить белоказаков из пределов Самарской губернии и нанести им второй удар.

Обстановка в Поволжье к тому времени сильно осложнилась. Помимо Уральского и Оренбургского казачества против советской власти в Поволжье выступил новый

враг — чехословаки. Подняв восстание, они захватили Сызрань, Самару и двинулись на Уфу. Выступление чехов оттянуло к себе силы Красной армии и усилило активность белогуральской армии.

Тем не менее 24 июня командующий 4-й армией отдал приказ о наступлении. 28 июня армия численностью около 10 000 штыков, 1000 сабель при 225 пулеметах и 30 орудиях выступила на Уральск.

Как и во время первого похода, казаки упорно обороняли каждую станицу, каждый хутор. С тяжелыми боями наши части заняли Семиглавый Мар, Шипово, Деркул, а 5 июля захватили ст. Переметную 6 июля части т. Чапаева выступили дальше по направлению к Уральску и к вечеру расположились в 5—10 километрах от Уральска.

С приближением Красной армии к Уральску на помощь казакам пришли самарские „учредивовцы“ и чехословаки. Ко времени подхода Красной армии к Уральску белые получили от них пулеметы, бронемашины и большое количество патронов и снарядов. Кроме того, в уральскую армию влились новые пополнения и белые партизанские отряды. Вследствие этого с 7 июля бои приняли особенно ожесточенный характер. Казаки вели одну атаку за другой. Наряду с этим они стремились напасть на тылы, причем им опять удалось захватить ст. Семиглавый Мар и прекратить доставку боеприпасов. Части Красной армии попали в тяжелое положение. В то время, как белоказаки, щедро снабженные боеприпасами, усилили огонь, красным бойцам приходилось беречь каждый патрон. И в этот ответственный момент командующий 4-й армией Ржевский, бывший полковник Генштаба, симулирует болезнь и ложится в лазарет. Армия осталась без командующего. Встревоженные командиры частей собрались на совещание. Здесь из доклада начальника штаба и других командиров выяснилось катастрофическое положение армии, оставшейся без патронов и хлеба, к тому же утратившей связь со страной. Дальнейшее наступление было явно бессмысленным. Нужно было восстановить связь с Саратовом и вывести армию из степей. Вследствие того, что Ржевский уклонился от командования армией, эту задачу пришлось взять на себя Чапаеву.

Василий Иванович, на которого легло руководство отходом, ясно сознавал трудность обстановки. Армия находилась под угрозой полного окружения. При отступлении на виду у противника белоказаки неизбежно обрушились бы на армию всей массой. Малейшая ошибка могла привести к тягчайшим последствиям.

Сознавая всю ответственность задачи, за решение которой он взялся, Чапаев тщательно разработал план отхода и решительно стал проводить его в жизнь. По этому плану 9 июля перед наступлением темноты наша артиллерия в последний раз открыла огонь по г. Уральску. Противник молчал. К 10 часам вечера огонь был прекращен и части 4-й армии стали бесшумно сниматься со своих позиций. В окопах осталась только конная и пешая разведка, которая продолжала вести ружейный и пулеметный огонь. В полночь последние полки выступили по направлению к ст. Переметной. Скрип колес пулеметных тачанок и шум шагов заглушался усиленной стрельбой прикрывающих рот. Василий Иванович отдал последнее распоряжение, приказав конной разведке минировать железную дорогу, чтобы взорвать бронепоезд белых. С наступлением рассвета выступили остальные части.

Всю ночь 4-я армия без отдыха двигалась к ст. Переметной. Утром 10 июля войска остановились на привал. Голодные и уставшие бойцы тотчас же заснули. Около 9 часов утра, когда части готовились выступить с привала, со стороны Уральска показалась бронемашина противника. Батарея немедленно открыла огонь, однако машина ускорила ход и, двигаясь зигзагообразно, стала быстро приближаться. Обозы, обстрелянные бронемашинной, понеслись галопом вперед. Неуязвимая машина внесла замешательство и в ряды бойцов. Тогда впереди появился сам Чапаев. Тревога пропадает, и бойцы спокойно наблюдают за единоборством батареи и бронемашин. И вот снаряды, выпущенные одним из лучших чапаевских артиллеристов т. Рапецким, легли сзади и спереди машины, взяв ее в „вилку“. Следующий снаряд попал в задние колеса, и машина, прикованная к земле, остановилась.

Пленные белогвардейцы сообщают, что бронепоезд в свою очередь наскочил в районе разъезда Ростовский

на динамитный заряд, заложенный чапаевскими разведчиками.

Вслед за бронемашинной на горизонте показались казачьи полки. С этого дня противник остервенело нападает на красные части. Армия медленно отходит, отражая все атаки противника. 12 июля 1918 г. войска вышли из окружения противника, сумев нанести ему чувствительные потери.

БОРЬБА ЧАПАЕВА С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ

В то время, как 4-я армия вела боевые действия против белоказаков в Уральских степях, чехо-словаки, заняв 8 июля 1918 г. Самару, начали продвигаться не только на восток в направлении Оренбурга, Уфы, Челябинска, но и на юг, вниз по Волге в направлении Саратова и Николаевска.

Развертывая с восемью тысячами человек боевые действия на такой огромной территории, руководители чехо-словацких легионов — авантюрист Гайда¹ и капитан Чечек — надеялись, с одной стороны, поднять в Сибири восстание кулачества и контрреволюционного офицерства, а с другой — очистить левый берег Волги от частей 4-й Красной армии и захватить Николаевский и Новоузенский уезды, которые являлись базой красных партизан Средней и Нижней Волги.

В случае успеха белые получили бы возможность создать единый фронт контрреволюционного Оренбургского, Уральского и Астраханского казачества и смогли бы влить в свою так называемую „народную“ армию многочисленные кулацко-офицерские дружины, действовавшие в тылу Красной армии.

Бригаде Чапаева, вернувшейся 15 июля 1918 г. из второго уральского похода в район Николаевска, измученной многодневными боями и тяжелыми походами, требовался длительный отдых для восстановления сил и возмещения понесенных потерь. Но чехо-словацкие легионы и кулацко-офицерские отряды самарской

¹ Генерал Гайда — военнопленный чех, фельдшер по профессии. При восстании чехо-словацкого корпуса выдал себя за офицера. За жестокую расправу с русскими рабочими и беднейшими крестьянами адмирал Колчак произвел его в генералы белой армии.

„учредиловки“ не позволили ей отдохнуть даже несколько суток.

В этот период времени трудящиеся Николаевского уезда были буквально предоставлены собственным силам. Связь с центром отсутствовала. В тылу повсеместно бушевали кулацкие восстания. С севера наступали чехословаки и „народная армия“ учредиловки. С востока двигались полки уральских и оренбургских белоказков. Этому натиску могли противостоять одни чапаевские полки. И Чапаев вполне сознавал свою ответственность.

Масса требовала от него мудрости, энергии, настойчивости и решительности; они — рабочие и беднейшее крестьянство, требовали победы над врагом. И Чапаев полностью оправдал доверие трудящихся.

В этот период времени Чапаев применяет преимущественно партизанские способы действия. Он даже проводит своего рода мобилизации для пополнения своих частей. К партизанским способам действия, т. е. к самостоятельным действиям без связи с главными силами армии, его вынуждает критическая обстановка на фронте и в момент угрозы захвата противником Николаевска и в момент победоносного шествия чехословаков на Саратов, когда они заняли уже города Балаково и Вольск. И только когда опасность проходила, Василий Иванович получал возможность действовать по указаниям штаба армии.

В общем, чтобы точно уяснить роль Чапаева в этот период, нужно запомнить, что когда обстановка на фронте была спокойной, тогда Чапаев командовал бригадой, но когда назревали осложнения, грозившие превратиться в катастрофу, Василий Иванович автоматически превращался в командующего войсками.

19 августа 1918 года после ряда мелких стычек и боев войска обеих борющихся сторон занимали следующее положение: армия самарской „учредилки“, численностью до десяти тысяч бойцов, располагалась в районе Вольска, Духовницкого и Липовки. Против нее действовала Балаковская бригада т. Шкарбанова, занимавшая линию фронта от села Дивенки до Алексеевки.

Группа чехословацких легионов капитана Чечека численностью около 3 тысяч человек занимала район разъездов Кирюшка и № 5.

1-я самарская дивизия, в которую с 25 июля вошла бригада Чапаева, прикрывала г. Николаевск с востока от уральских казаков, а с севера — от чехо-словаков. Дивизия была разбросана по полкам на очень широком фронте — до 150 километров. В частности, кавалерийский полк т. Сурова занимал с. Клопиху, 1-й пугачевский полк т. Плясункова — с. Порубежку, 2-й Степана Разина полк т. Кутякова — с. Карловку, 3-й Николаевский полк т. Михалева — с. Таволжанку, 4-й Николаевский полк т. Баулина — с. Селезниху.

Части вели наибольшие разведывательные бои.

Чапаев в это время находился в г. Николаевске и фактически не командовал бригадой, которая получала боевые задачи непосредственно от штаба дивизии.

20 августа армия самарской „учредилки“ перешла на всем фронте в решительное наступление, отбросив Балаковскую бригаду на левый берег реки Малого Иргица. В свою очередь чехо-словацкая группа войска капитана Чечека в ночь на 20 августа атаковала одновременно: 4-й полк т. Баулина в селе Селезнихе и 3-й полк т. Михалева в селе Таволжанке. Полки, не выдержав натиска, в беспорядке отступили: 4-й полк — в с. Красная Речка (Шалаша), а 3-й полк, почти разбитый, — через г. Николаевск в район сел Каменки и Толстовки.

Отход 3-го полка был настолько стремителен, что из Николаевска не смогли выехать не только советские учреждения, но даже местные советские работники. И в середине дня 20 августа 1918 года чехо-словацкие легионы вступили в Николаевск — базу и политический центр дивизии. Местная буржуазия и офицерство встретили „победителей“ чехо-словаков с триумфом: с колокольным звоном и с цветами.

В Николаевске начался белый террор: грабеж советских учреждений, расстрелы коммунистов, комсомольцев и советских служащих.

Начальник Самарской дивизии т. Захаров дал полкам Чапаевской бригады приказ, в котором предлагал 1-му Пугачевскому полку сняться с позиции из с. Порубежки, а 2-му Степана Разина полку, из с. Карловка — Рахмановки и форсированным маршем двигаться через с. Давыдовку для атаки чехо-словаков, занявших г. Николаевск. Командир 1-го Пугачевского полка уже приступил к вы-

В. И. Чапаев (справа) и Сергей Захаров обсуждают план наступления дивизии

полнению приказа начдива, когда в с. Порубежку прибыл из г. Николаевска на тройке с группой ординарцев г. Чапаев.

Ознакомившись с обстановкой, Василий Иванович увидел, что положение является более серьезным, чем это могло казаться. Действительно, Пугачевский полк вел вторые сутки (т. е. 19 августа) бой с отрядом чехословаков, которые на рассвете захватили переправу через реку Большой Иргиз у с. Порубежки и настойчиво стремились занять с. Порубежку. Если бы полк, согласно новому приказу, стал отходить на с. Давыдовку для атаки чехо-словаков, захвативших г. Николаевск, то чехословаки, заметив отход, стали бы преследовать полк, и тогда могло случиться, что не мы атакуем чехов в Николаевске, а они нас в с. Давыдовке с тыла. Приказ начдива явно не соответствовал обстановке и ставил бригаду под угрозу полного разгрома. Необходимо было иное решение. Это решение и дал Чапаев. Он тут же наметил смелый план, который в случае успеха обещал привести не только к освобождению Николаевска, но и к полному разгрому противника.

По плану Чапаева полки должны были перейти к энергичным действиям. 1-й Пугачевский получил приказ от с. Порубежки не отходить, а контратаковать чехов и захватить обратно переправу через р. Большой Иргиз. А после выхода в тыл чехо-словакам Степана Разина полка совместно с ним атаковать противника в с. Таволжанке.

В полк Степана Разина, только что прибывший в с. Рахмановку и после получасового привала на подводах выступивший форсированным маршем на с. Давыдовку для выполнения приказа начдива, был послан гонец с приказом Чапаева, в котором указывалось, что чехо-словаки, захватив г. Николаевск, заняли единственную переправу через р. Иргиз — каменную плотину. Так как бродов через реку нет, а правый берег господствует над левым, атаковать чехо-словаков лобовым ударом едва ли представится возможным. Поэтому командиру 2-го Степана Разина полка предлагалось немедленно двинуться через с. Гусиху в тыл чехо-словакам с тем, чтобы одновременно с 1-м полком атаковать противника

с севера в районе занятого им с. Таволжанки и далее наступать на г. Николаевск.

Решение т. Чапаева было чрезвычайно смелым и решительным. Многим, находившимся под влиянием побед чехо-словаков, оно казалось невыполнимым, но воля Чапаева к победе, его огромная уверенность в успехе и безграничная ненависть к врагам рабочих и крестьян зажгли боевым энтузиазмом всех бойцов и командиров. Полки дружно приступили к выполнению приказа.

21 августа около 14 часов, благодаря блестящей демонстрации Пугачевского полка, который под личным руководством Василия Ивановича оттянул на себя огонь и внимание противника, разинцы закончили свой марш-маневр и вышли с севера в тыл с. Таволжанки. На расстоянии 2 километров от полка стояла тяжелая батарея противника, ведущая огонь по Пугачевскому полку. Командир 2-го Степана Разина полка решил воспользоваться удобным моментом и приказал командиру батареи т. Рапецкому открыть беглый огонь по противнику. Батарея разинцев на полном галопе вынеслась вперед, снялась с передков и прямой наводкой первым же залпом окатила картечью чешские орудия. Одновременно с криком „ура“ бросился в атаку кавалерийский эскадрон.

Внезапный обстрел и появление в тылу красных вызвали в рядах противника смятение. Чешские артиллеристы покинули орудия и в паническом страхе побежали к частям прикрытия. Прикрытие не успело приготовиться к бою и было уничтожено вместе с артиллеристами.

Чапаев, лично руководивший в этом бою Пугачевским полком, перешел в лобовую атаку на основные силы противника. В результате ни один противник не спасся. Части бригады Чапаева в этом бою в плен не брали, так как противник расстреливал даже раненых.

К вечеру, когда багровые лучи заходящего солнца озарили поле боя, покрытое трупами чехословацких солдат, полки заняли с. Таволжанку. В этом бою было захвачено 60 пулеметов и много другой военной добычи.

Несмотря на сильную усталость бойцов, Чапаев приказал продолжать усиленное движение вперед на Николаевск. Около часа ночи полки достигли с. Пузанихи в нескольких километрах от Николаевска. Здесь ввиду

сильной темноты пришлось задержаться. Бойцам было приказано не оставлять строя. Батальоны сошли с дороги и встали. Бойцы с трудом боролись с дремотой. Кругом лежала глубокая тишина. В это время неожиданно с тыла вплотную к цепям подъехал какой-то обоз. Передние подводы были задержаны лишь в 50 метрах от места расположения артиллерии. К ним подошел командир 2-го батальона полка Степана Разина т. Бубенец. На вопрос т. Бубенца один из едущих на передней повозке объяснил на ломаном русском языке, что он чехословацкий полковник, направляется с полком в Николаевск. Тов. Бубенец встал во фронт, приложил руку к козырьку и сообщил, что немедленно доложит о прибытии „союзников“ своему полковнику, — командиру добровольческого отряда.

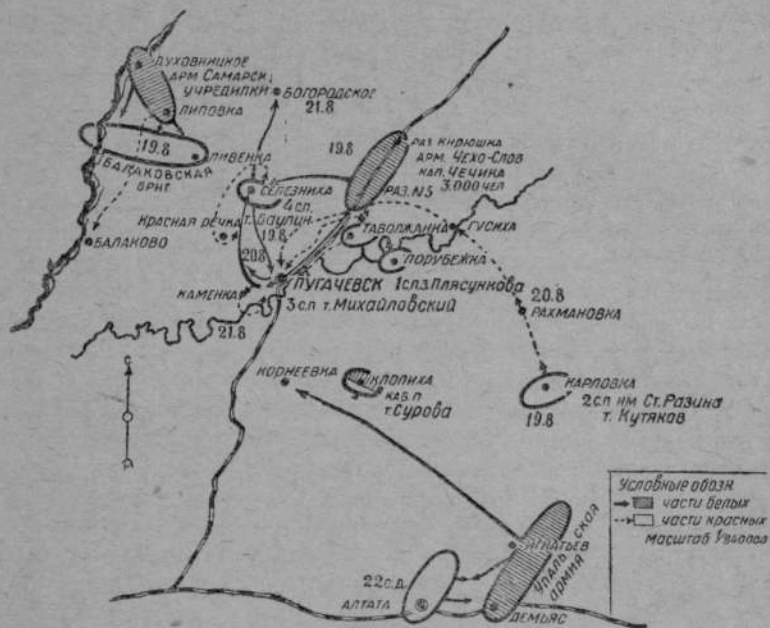
Тов. Бубенец, бывший гвардейский офицер, с Октябрьской революции перешел на службу советской власти и преданно служил делу пролетариата. Вместе с ним в ряды Красной гвардии добровольно вступили и его два брата. Они были взяты в плен учредилловцами и зверски убиты. Бубенец являлся одним из наиболее боевых, смелых, инициативных и решительных командиров. В. И. Чапаев, питавший острую ненависть ко всем офицерам, доверял ему во всем.

Сообщение т. Бубенца подняло на ноги весь полк. В первую минуту никто не хотел поверить этой встрече. Но в темноте, на дороге, где стояла колонна противника, виднелись горящие папиросы и слышались недоумевающие голоса неприятельских бойцов, пытающихся найти объяснение неожиданной остановки. Сомнений быть не могло. Минут через двадцать вплотную к противнику было подведено два батальона. По сигналу они открыли огонь залпами. Послышались перепуганные голоса чехов. Все смешалось...

К рассвету бой кончился. В утренних сумерках обрисовалось поле боя, тянувшееся вдоль дороги: оно было покрыто трупами чехо-словаков, подводчиков и лошадей.

Полученные в этом бою 40 пулеметов вместе с захваченными в дневном бою послужили основным запасом для чапаевских частей до конца гражданской войны.

Чехословаки, занимавшие г. Николаевск, получив сведения о разгроме главных сил, ночью оставили город

Разгром Чапаевым чехо-словаков под г. Пугачевском
20 августа 1918 г.

и в панике отошли через с. Селезниху на Богородское. 21 августа 1918 г. около 8 часов бригада Чапаева заняла с небольшим боем г. Николаевск, переименованный по предложению Чапаева в г. Пугачевск.

В боях под Николаевском Василий Иванович показал высокие образцы военного искусства. Действуя самостоятельно, без связи с главными силами, на свой риск и страх, он сумел дать правильную оценку обстановке. Он не бросил полки на левом берегу р. Иртыша для лобового удара чехословацких легионов, занявших г. Николаевск, а по собственной инициативе смело двинулся по правому берегу р. Иртыша с тем, чтобы нанести удар зарвавшемуся врагу с тыла. Победа, одержанная Чапаевым, сыграла чрезвычайно важную роль. Она непосредственно привела к освобождению Николаевска — Пугачевска — базы Чапаевской дивизии — и г. Балакова, так как чехо-словаки, а с их отходом и армия самарской „учредилки“ вынуждены были откатиться к Самаре.

РАЗГРОМ АРМИИ САМАРСКОЙ „УЧРЕДИЛОВКИ“
ПОД ОРЛОВКОЙ И ЛИВЕНКОЙ
9 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

В течение августа и в начале сентября 1918 г. общая обстановка на фронте 4-й Красной армии весьма осложнилась. Уральская казачья армия, применяя частично партизанские действия, перешла в наступление по всему фронту. Ее неуловимые конные отряды проникали в самый глубокий тыл, нарушая работу советских органов по снабжению и укомплектованию красных частей. Основные силы белоуральской армии вели решительные атаки через Алгай на Новоузенск, вдоль железной дороги на г. Саратов, а часть — из района Семенихи на ст. Рукополь и Пугачевск. Новоузенская дивизия и саратовские, балашовские и пензенские полки с трудом сдерживали напор казачьей Уральской армии, не давая ей возможности подойти к Волге, вплотную к Саратову.

Чехословаки, испытав удары чапаевских частей, особого рвения для движения на юг (к Пугачевску) не проявляли. Вместо них выступила армия Самарской „учредилочки“, которая к этому времени окрепла. Она действовала очень настойчиво и упрямо, двигалась вниз по Волге в направлении на г. Саратов. В частности, правобережная группа войск самарской „учредилочки“ в количестве до 4 тысяч человек продвигалась из района Хвалынска в направлении на г. Вольск.

7 сентября левобережная группа войск „учредилочки“ в количестве шести тысяч человек при 33 орудиях расположилась в селах Ливенке и Орловке. Задачей этих войск являлось занять г. Балаково, чтобы нанести удар по тылу 4-й Красной армии. Чапаев, который вступил во временное командование дивизии, быстро разгадал намерения противника. Казаки и самарские „учредилочки“ хотели взять 4-ю армию в клещи. Необходимо было предупредить противника. Для этого на правом берегу Волги Чапаев решил дать армии самарской „учредилочки“ генеральное сражение.

Полки 1-й Самарской дивизии к этому времени были разбросаны на 100-километровом фронте. 7 сентября 1918 года Чапаев приказал частям расположиться к шести часам 8 сентября следующим образом: 1-й Пугачевский,

2-й Степана Разина и 3-й Николаевский полки—в селе Подшибаловке, кавалерийский полк т. Сурова—в с. Раевке и 4-му Николаевскому полку—остаться на месте в с. Озинки.

Но имеющихся сил не хватало. Тогда, по обыкновению, Чапаев отправился за помощью к рабочим Пугачевска. Вот что рассказывает об этом старый пугачевский рабочий, один из участников гражданской войны.

„Заседание уика было назначено в помещении Укома, в центре города, в 7 час. вечера. Члены уика стали собираться уже к 6 час. вечера. До заседания оставался еще один час. Вдруг в комнату входит В. И. Чапаев. Всем присутствующим бросился в глаза его серьезный, озабоченный вид и нервные порывистые движения. Поздоровавшись со старыми товарищами, Чапаев заявил, что у него имеется важное сообщение. Тут же было открыто заседание.

Тов. Чапаев, закручивая по привычке усы, сказал:

— Товарищи, положение на фронте серьезное. Чехословаки сосредоточили под селом Брыковкой, в 30 километрах от Пугачевска, все свои силы. По имеющимся у меня сведениям численность их достигает 6000 человек, 21 орудие и много пулеметов. У меня тоже около 6000 человек и 20 орудий. Я хочу дать решительный бой. Но у нас в тылу к с. Корнеевке подходит 2-й полк уральских казаков. Если наши части не выдержат, то нам придется отступать до Саратова. Уик должен помочь мне. Я предлагаю сейчас же провести мобилизацию рабочих и отправить их под село Корнеевку. Надо человек 300“.

Предложение Чапаева было принято. Уик тут же выделил членов совета для проведения мобилизации рабочих.

Уже через час вся подготовительная работа была закончена. К станции бегут группы рабочих с винтовками. К моменту отхода поезда появляется Чапаев. На его лице радостная улыбка. „Ну, как, — спрашивает он меня, — много собралось?“

Тут же, точно спеша, говорит: „Действуйте твердо здесь Я дам контрбой чехам, все полки вместе свел“.

С вокзала Чапаев выехал прямо на фронт в село Подшибаловку. Здесь он созвал всех командиров на

совещание и познакомил их со своим планом разгрома армии самарской „учредилки“. Чапаев поставил 4-му пехотному полку задачу: „Выступить ночью 8 сентября из с. Озинок и на рассвете 9-го атаковать белых в с. Ливенке. Первый артиллерийский залп 4-го полка по этому селу будет служить для главных сил (т. е. четырех полков) сигналом начала атаки врага, расположенного в с. Орловке“.

Главным своим силам — 1, 2 и 3-му пехотным полкам Чапаев приказал выступить из с. Подшибаловки 8 сентября в 20 часов для атаки врага, расположенного в с. Орловка. Началом атаки послужит артиллерийский залп 4-го пехотного полка по Ливенке.

3-й пехотный полк должен был атаковать Орловку с юго-востока, а 1-й Пугачевский и 2-й Степана Разина полки под личным командованием Чапаева — с северо-востока. Кавалерийскому полку т. Сурова ставилась задача выступить из с. Раевки в 18 часов 8-го и нанести удар с севера по тылу белых, расположенных в с. Орловке.

Рассматривая группировку дивизии, мы должны признать ее образцовой как по своему замыслу, так и по смелости. В самом деле, Василий Иванович оставил одну пятую своих сил, т. е. 4-й пехотный полк для демонстрации атаки главных сил армии самарской „учредилки“ с фронта, а четыре пятых своих войск сосредоточил на левом фланге армии противника для удара во фланг и тыл врага.

Создать такую группировку и в такой момент операции мог только действительно талантливый, смелый и инициативный командир.

Надо иметь в виду, что это происходило в сентябре 1918 года, когда молодые командиры Рабоче-крестьянской армии еще только овладевали грамматикой военного искусства, еще только по складам разбирали военную науку о ведении крупных боевых действий.

Чапаев вместе с политкомиссаром дивизии — московским рабочим т. Семенником, посланным ЦК партии на фронт, сделал все для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь смелого решения. В беседах с командирами и бойцами Чапаев с т. Семенником разъяснил важное значение принятого плана разгрома армии самарской

„учреждений“ и сумели внушить веру в победу. В свою очередь командиры частей познакомили красноармейцев с задачами каждой части.

На поле боя Чапаев лично руководил войсками. В ходе развития боя он давал войскам, в зависимости от тех или иных изменений в обстановке, соответствующие дополнительные указания. А такой метод руководства управлением войсками только и может дать победу как в крупном, так и в малом сражении.

Темной сентябрьской ночью главные силы Чапаева скрытно от врага заняли исходное положение для атаки к северу и востоку в 5 километрах от с. Орловки. Стояла свежая осенняя погода. Части расположились на ночь в ожидании рассвета. Все хранили молчание. Приказания и команда отдавались шепотом, и только пение петухов, изредка доносившееся из села, нарушало мертвую тишину. Легкий утренний морозец пробежал по коже бойцов. Но его не замечали. Такой морозец чувствуешь всегда перед боем, даже в самый жаркий солнечный день.

Но вот начало рассветать. Неожиданно где-то далеко послышался артиллерийский залп. Это 4-й пехотный полк открыл огонь по с. Ливенке, в котором расположилось до трех тысяч солдат армии самарской „учреждений“. Залп служил сигналом главным силам Чапаева начать наступление на с. Орловку.

Командиры полков и батальонов разъехались по своим частям. Послышались тихие, но властные команды ротных командиров: „Встать. Равняйтесь по передним. Вперед, на огни села Орловки!“

Проходит еще полчаса. Двенадцать дивизионных орудий дают артиллерийский залп по с. Орловке. Через несколько минут над цепями пролетают ответные снаряды, разрываясь где-то в районе наших артиллерийских позиций.

Цепь красных бойцов сразу оживает. Теперь хранить тишину нет смысла. Десятки пулеметов белых и красных открывают огонь. Трескотня и шум боя сливаются в общий гул.

4-й пехотный полк бросается в атаку на село Ливенку. Однако классовый враг, втершийся в ряды 4-го полка, пытается остановить его движение ударом в спину.

Около 40 кулаков-бойцов 4-го пехотного полка, мобилизованных в с. Брыковке, открыли стрельбу по своим командирам. Красные бойцы, увидев, что их командиры в большинстве перебиты и ранены, пришли в замешательство и стали в беспорядке отходить на село Озинки. Белые их энергично преследовали до р. М. Иргица. Однако, этот успех не мог помочь „учредилловцам.“

Василий Иванович лично ведет в атаку то пехоту, то конницу. Под ним убивают коня. Но Чапаева трудно остановить. Он наносит удар за ударом. Наконец, белогвардейцы не выдержали и начали в панике отходить на Ливенку.

Наученный горьким опытом борьбы суральским казачеством Чапаев знал, как преследовать врага. Он заставил все свои три пехотных полка бежать бегом, а кавалерийский полк т. Сурова бросил в тыл ливенской группе противника, которая преследовала 4-й пехотный полк.

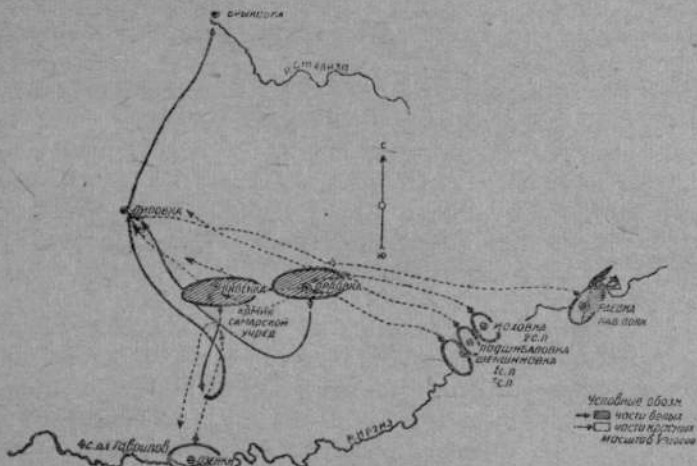
На плечах бегущего противника Чапаев ворвался в село Ливенку, выйдя тем самым в тыл ливенской группе противника. Последняя, узнав о разгроме своего орловского отряда, бросилась бежать на Липовку, пробивая себе дорогу штыком.

Василий Иванович, несмотря на усталость своих бойцов, подбадривая их личным примером и ласковыми словами, двинул все четыре полка на село Липовку, в которой белогвардейцы начали было приводить свои части в порядок и укрепляться на южной окраине села. Чапаевцы, не взирая на огонь врага, штыками взяли и село Липовку. Белогвардейцы в третий раз обратились в бегство.

9 сентября 1918 года в 20 часов 30 минут Василий Иванович доносил с поля боя командарму 4-й армии об этом сражении:

„Доношу, что бой под Орловкой и Ливенкой закончился полным разгромом врага. Участвовало четыре стрелковых полка и 1-й кав. полк т. Сурова.

Противник потерял убитыми до тысячи человек. 250 подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок. В этом бою смертельно ранен вновь назначенный командир 2-го полка т. Курсаков. Убит пом. командира 3-го полка Чуркин и командир батальона этого же полка.

Разгром Чапаевым армии самарской „учредилки“ под Орловкой и Ливенкой 9 сентября 1918 г.

После боя под селами Орловкой и Ливенкой противник занял с. Липовку, откуда был выбит и бежал в село Брыковку.

Чапаев“.

Разгром белых под селом Орловкой резко изменил обстановку фронта не только на левом, но и на правом берегу реки Волги. Армия самарской „учредилки“, действовавшая на саратовском направлении, с поражением своих соседей на левом берегу Волги в районе Ливенки прекратила наступление. Ее действия стали вялыми и неуверенными. Частям 4-й армии удалось даже выбить белых из района Воскресенки.

Разгром „учредилковцев“ сказался и на действиях Уральской казачьей армии. Узнав о поражении своих союзников под Орловкой и Ливенкой, Уральская казачья армия прекратила свои настойчивые атаки на Новоузенск и ст. Алтата и ушла из района ст. Рукополь в район Жестянки.

В общем, в бою под Орловкой Чапаев вырвал инициативу из рук армии самарской „учредилки“. Чехи и „народники“ понесли крупные потери. Это дало возможность частям 4-й Красной армии успешно провести

в дальнейшем операцию по занятию Самары, являвшейся центром „учредиловки“.

Еще больше сказался разгром на классовом соотношении сил. С этого момента мобилизованное в белую армию самарской „учредиловкой“ крестьянство, колебавшееся и не признававшее еще своих классовых интересов, окончательно теряет веру в руководителей „народной“ белой армии. Крестьянство начинает бросать оружие, разбегаться или целыми селами вступать в ряды Красной армии.

Белая армия очутилась на краю полной гибели. Нередко были случаи, когда казацки части арестовывали своих офицеров и организованным порядком переходили на сторону красных. Большой популярностью пользовались листовка и воззвание, распространяемые среди белых политорганами Красной армии. Листовки зачитывались казаками до дыр. Немало обманутых белогвардейских солдат узнало из этих листовок правду о классовой борьбе.

БОИ ПОД ТАЛОВОЙ

Василий Иванович руководил 1-й Самарской дивизией временно до 18 сентября 1918 года, после чего опять вступил в командование своей бригадой.

19 сентября в Пугачевск приехал Наркомвоенмор Троцкий в сопровождении 2 бронепоездов и бронепоезда. Троцкий приехал не для приветствия войск, а для расправы и наведения, как он любил выражаться, „порядка“, чтобы выжечь каленым железом „партизанщину“ как в действиях самого Чапаева, так и его частей.

Чапаевцы не могли понять, в чем заключалась их „партизанщина“. Разве только в том, что части Чапаева и сам Василий Иванович, не жалея собственной жизни, преданно и победоносно защищали советскую власть.

20 сентября Троцкий вызвал к себе в поезд для доклада т. Чапаева и всех командиров. Окружавшие Троцкого бывшие офицеры царского генерального штаба с усмешками поглядывали на Чапаева и его сподвижников. Троцкий и его генералитет искали повода для снятия с постов командиров, вышедших из низов народных масс. Чапаеву и его сподвижникам пришлось

доказывать, что они—не „партизаны“, а преданные бойцы партии и советской власти, что занимаемые ими командные должности в 4-й Красной армии получены ими не случайно, что они хотя и не имели в прошлом офицерских чинов, но победоносные бои с белыми и чехословаками вести умеют.

Разговор длился около 4 часов, но ни к чему не привел. Генералитет Троцкого остался при своем мнении. Он считал необходимым снять с должностей как самого Чапаева, так и его командиров, а на их места поставить мобилизованных офицеров и генералов. В результате Чапаев был назначен командиром слабой бригады, носившей до этого название „2-я Николаевская дивизия“. Бригада состояла всего из двух не вполне боеспособных полков (Балаковского и Пензенского). Чапаев решил доказать, что он не „партизан“, что он умеет точно выполнять приказы и поэтому согласился принять предложенную ему „бригаду“.

На следующий день был назначен парад пугачевского гарнизона, в котором приняли участие все раненые и больные бойцы дивизии, а также снятые с фронта 2-й Степана Разина и кавалерийский полк т. Сурова. Парад состоялся на соборной площади в точно указанное время—12 часов дня. Войсками парада командовал Чапаев.

За полчаса до приезда на парад Троцкого два бронепоезда, стоявшие на ст. Пугачевск, повернули дула орудий на площадь. К этому же времени на площадь прибыл отряд бронемашин, окруживших со всех сторон бойцов дивизии. Отряд личного конвоя Троцкого, вооруженный с ног до головы, встал против полка Степана Разина.

Бойцы Чапаевской дивизии и сам Василий Иванович хорошо поняли, против кого принимаются эти предохранительные меры. Чапаевцы видели, что Троцкий смотрит на них не как на преданных бойцов советской власти, а как на бандитов. Но они молча снесли эту обиду. Победа революции—вот что было им дороже всего.

По окончании парада части простились со своим любимым командиром. Сам Чапаев уехал принимать Балашовский и Пензенский полки, взяв с собой часть командиров.

По прибытии в Николаевскую дивизию, расположенную восточнее Пугачевска, Василий Иванович развивает кипучую деятельность. Он проверяет состояние полков, их вооружение. Проводит совещания с начсоставом. На общих полковых собраниях Чапаев указывает бойцам и командирам на имеющиеся в полках недостатки. Большое внимание Чапаев уделяет укреплению военной дисциплины, повышению боевой подготовки и подбору проверенного командного состава. Вследствие отсутствия конницы Чапаев создает из своего личного конвоя кавполк имени Гарибальди, назначив командиром полка т. Бубенца. В результате к 25 сентября 1918 года, к моменту начала наступления 4-й армии на Самару боеспособность дивизии поднялась настолько, что она смогла провести очень тяжелую и ответственную операцию.

При наступлении на Самару на дивизию Чапаева была возложена весьма ответственная задача: прикрытие тыла и левого фланга всей 4-й армии от уральских казаков, причем Чапаеву было приказано не просто обороняться со своими двумя полками, а наступать на Уральск. Эта задача, безусловно, являлась непосильной для слабенькой дивизии, но Василий Иванович, беспрекословно выполняя приказы штаба армии, решительно двинулся на восток через селения Вязовку, Карловку, Солянку на Уральск.

Его энергичные действия вынудили белое командование бросить на Николаевскую дивизию едва ли не всю белоказачью армию. Начались затяжные кровопролитные бои. Дивизия Чапаева все время находится в окружении огромных конных масс казаков. Несмотря на это, Чапаев неуклонно двигался вперед и занял деревню Таловую, в двух переходах от Уральска. Видя, что дивизия Чапаева непосредственно угрожает Уральску, белое командование решило окружить и уничтожить ее. Главные силы 4-й армии, двигавшиеся на Самару, были оставлены в полном покое. В течение всей этой операции казаки ни разу не атаковали не только фланга, но и тыла 4-й армии, что позволило 1-й бригаде т. Кутякова рано утром 7 октября 1918 года занять Самару. Армия Самарской „учредилки“ была окончательно разгромлена. Полки ее, побросав оружие, разбежались.

После этого она навсегда прекратила свое существование. Чехо-словацкие легионы отступили к Уфе, заняв фронт по р. Белой.

Однако дивизии Чапаева пришлось вести тяжелый, неравный бой. В ночь с 12 на 13 октября 1918 года в районе деревни Таловой ее окружили главные силы Уральской казачьей армии под командованием генерала Мартынова. В состав группы войск Мартынова входило 3600 штыков, 1200 сабель при 77 пулеметах и 14 орудиях.

С утра 13 октября под прикрытием сильного артиллерийского и пулеметного огня повели наступление с двух сторон четырем конными полками. Пензенский и Балашовский полки Николаевской бригады стойко отражали нападение противника. Гарибальдийский кавполк занимал возвышенность у х. Каневского, обеспечивая левый фланг Пензенского полка.

Бой длился в течение всего дня. С наступлением темноты по всему фронту затихла стрельба. За ночь ген. Мартынов подтянул свою пехоту и утром возобновил наступление более значительными силами.

До 12 часов дня успех был на стороне Чапаева; его части отбивали все атаки белых. К вечеру к белым подошли еще 4 полка. С прибытием подкрепления огонь противника усилился. Белые наступали все настойчивее и настойчивее. Вечером они повели атаку на Балашовский полк.

Красные бойцы стреляли беспорядочно. Темнота и все усилившийся нажим белых отражались на настроении бойцов. На участке Балашовского полка несколько раз вспыхивала паника. К 22 часам ночи казаки заняли ближайший хутор и оттуда начали простреливать весь тыл Балашовского полка. Полк откатился на новую позицию.

Стрельба продолжалась всю ночь. Утро 16 октября не принесло облегчения. С рассветом казаки повели новое наступление. Особенно сильно нажимали они на Пензенский полк, окопы которого пять раз переходили из рук в руки. Но присутствие Чапаева, отвага и бесстрашие, проявляемые им, вливали в сердца бойцов твердую уверенность в победе. К наступлению ночи Пензенский полк сумел окончательно закрепить за собою окопы.

В течение 16 октября чапаевские части израсходовали почти все патроны и снаряды. Настроение бойцов понизилось. Сам Чапаев разъезжал по цепям с угрюмым сосредоточенным лицом. Полевая радиостанция, упорно старавшаяся связаться со штабом армии или соседней 22-й дивизией, чтобы попросить помощи, никакого ответа не получала.

16 октября было особенно тяжелым днем. Дивизия понесла большие потери. Голодные, измученные бойцы почти валялись с ног. В довершение всего противник в ночь на 17 октября открыл сильный артиллерийский огонь. Огонь белых заставил обозы переезжать с места на место. От зажигательных снарядов загорелись скирды с хлебом. Люди бросились тушить пожар, но при их появлении казаки открыли беглый огонь. Пожар быстро разрастался, перебрасываясь на соседние дома.

По приказанию Чапаева все мужское население приступило к тушению огня. Несмотря на обстрел, пожар удалось затушить.

Наступил рассвет. Над деревней висела удушливая гарь. Улицы и дворы были завалены трупами обозников и искалеченных лошадей и поломанными повозками.

На окраинах велась редкая ружейная перестрелка. Красные бойцы, понимая, как важно беречь огнеприпасы, экономили каждый патрон. Иногда из окопов белоказаков доносились насмешливые голоса: „Сдавайтесь, выдавайте своих командиров, комиссаров и коммунистов“.

Бойцы отвечали на эти предложения метким огнем.

Василий Иванович Чапаев, упрямо отсиживавшийся в полном окружении, принял, наконец, решение об отходе в Пугачевск. Он созвал командиров на совещание и здесь сообщил о своем решении. Командир Гарибальдийского кавполка т. Бубенец спросил: „А, если теперь не прорвемся, Василий Иванович, что тогда будем делать?“ Чапаев резко ответил: „Или погибнуть, или во что бы то ни стало прорвать фронт“.

Командиры молча согласились с решением начальника. По приказу т. Чапаева основная задача по прорыву была возложена на кавалерийский полк.

В 3 часа 18 октября кавполк приступил к выполнению своей задачи. Лихим налетом он ворвался в х. Каневский, занятый противником. Здесь произошла рубка,

и на поддержку коннице выступил Пензенский полк. Отбивая атаки наседавшей на него пехоты противника, неся большие потери от ее огня, он достиг, наконец, хутора.

За Пензенским полком выступил Балашовский. Остатки дивизии, с большим трудом отбиваясь от казаков, медленно выползли из вражьего кольца. Ничто уже не могло остановить их движения. Благодаря умелому руководству боем и личной храбрости Чапаева, дивизии, хотя и с большими потерями, удалось прорваться к Пугачевску.

Вместо того, чтобы выразить Василию Ивановичу благодарность за эту операцию, исключительно сложную, обеспечившую занятие Самары, штаб 4-й армии снял его с должности командира дивизии.

ЧАПАЕВ В АКАДЕМИИ ГЕНШТАБА

В ноябре 1918 г. штаб 4-й армии направил т. Чапаева в Академию Генерального штаба в Москву.

Василий Иванович поехал в Академию неохотно. Этот неутомимый боец и страстный революционер считал себя обязанным быть там, где бушевал пожар великой гражданской войны. С прибытием в Академию он еще сильнее затосковал по своему делу и своим боевым товарищам. Его тяготила атмосфера, господствовавшая в то время в Академии. Между старой профессурой—генералами старого Генштаба—и слушателями Академии, не имеющими достаточного общего образования и военно-теоретических знаний, нередко происходили открытые столкновения. Часть профессоров Генштаба отнеслась к своим малограмотным тридцатисорокалетним ученикам свысока и порой не стеснялась высказывать презрение.

Для Чапаева такая учеба была почти бессмысленным времяпровождением и поэтому он начал настойчиво добиваться откомандирования на фронт. В январе он обратился к члену РВС 4-й армии т. Линдову с письмом, в котором горячо просил помочь ему вернуться на фронт.

На это письмо т. Линдов сообщил, что вопрос об откомандировании Чапаева может решить только РВС Республики.

Куда: Верхне Березинский
Кому: Командиру Вензевского полка
19 18 / дня по ябрю. шш час. мин.
№ 84 отъ козо Поголов Николаевский.
Место отправления: с. Тюльово

карты и 10 аз. дотин.
Содержание съ
по лимитированной дивизии —
теперь въ штаб Восточной
линии дивизии на совещание
по поводу моего отъезда
въ Красную Академию

Поголов Николаевский
Чапаев
Зи Нач. Оперативн. части КСМ
По м. тикам Фрунзе

Наконец, после трехмесячного пребывания в стенах Академии Генштаба в начале февраля 1919 года Чапаеву удалось получить разрешение отбыть на Восточный фронт опять в 4-ю армию, которой в это время командовал Михаил Васильевич Фрунзе. В середине февраля 1919 года он прибыл в Самару в штаб 4-й армии.

Тов. Фрунзе только что вернулся с Уральского фронта. О подвигах Чапаева, решительности и героизме Михаил Васильевич Фрунзе за это время много слышал от бойцов чапаевских полков, которые только что взяли г. Уральск — политический центр казачества, и вели кровопролитные бои за обладание г. Абищенском.

Тов. Фрунзе, уделявший большое внимание сколачиванию боеспособных частей и подбору талантливых опытных командиров, назначил Чапаева командиром Александрогайской бригады, а комиссаром к нему т. Фурманова. Александрогайская бригада, сформированная из трудящихся Заволжья, стояла в районе Александрва-Гая. До назначения Василия Ивановича ею командовал старый полковник. Бригада действовала очень нерешительно и малоуспешно. Она преимущественно оборонялась, терпя при этом поражения от постоянных налетов и рейдов чижинских белых казачьих партизан.

Михаил Васильевич Фрунзе поставил Чапаеву задачу овладеть районом станицы Сломихинской, после чего продолжать наступление на г. Лбищенск с тем, чтобы угрожать с тыла главным силам противника.

Получив эту задачу, Чапаев решил захватить г. Уральск, чтобы лично договориться о ее выполнении. Приезд Чапаева в Уральск явился полной неожиданностью для всех его боевых товарищей. Уже через несколько часов собрались все бывшие соратники Чапаева. Некоторые прибыли прямо с поля боя, чтобы повидать своего любимого командира.

Василий Иванович с увлечением рассказывал о Ленине, которого он видел на митинге. Много рассказывал он и об учебе в Академии. Особенно дружный смех вызвал рассказ Чапаева об экзамене по военной географии. Профессор-генерал в старом генеральском мундире без погон и крестов, хотя на мундире и были еще видны следы от них, задал Чапаеву вопрос: „Скажите, слушатель, какое стратегическое значение имеет р. Неман?“ — „А вы, профессор, скажите мне, какое оперативное значение имеет р. Солянка?“ — спросил его Чапаев. Профессор усмехнулся: „Такой реки нет. Я преподавал географию еще в старой, николаевской Академии. Вашей Солянки нигде не встречал“.

И он опять повторил свой вопрос. Тогда Василий Иванович ответил, что реку Неман он знает, так как на ней был ранен и несколько раз контужен в мировую войну, а на р. Солянке, которая протекает на границе земли Уральского казачьего войска, он весь 1918 г. вел бой с казаками, и она имеет громадное оперативное значение в борьбе с уральским казачеством.

Чапаевцы в свою очередь рассказывали о последних боях с белоказаками...

Дружеская беседа длилась далеко за глубокую полночь. Наконец соратники Чапаева задали ему вопрос: „Чему же все-таки научился, Василий Иванович, в Академии?“

Чапаев улыбнулся: „Чему, собственно, можно научиться за три месяца—очень малому. Скажу прямо—топографию выучил. Теперь я могу из десятиверстной карты сделать верстовку и двухверстовку, чего вы не сумеете сделать“.

Присутствующие командиры молча согласились с ним.

27 февраля Чапаев выехал из Уральска в Александров-Гай, через Новоузенск. По прибытии к месту расположения бригады, Василий Иванович немедленно посетил все полки и батальоны и ознакомился с командным составом, провел ряд совещаний. Бойцы бригады хорошо знали Чапаева. Многие из них принимали участие в походе на Уральск. Один приезд Чапаева внушил им уверенность в победе.

Большую помощь в политической подготовке бригады, в поднятии сознательности бойцов оказал Чапаеву комиссар Дмитрий Фурманов. До приезда в армию Фурманов работал среди иваново-вознесенских ткачей. Посланный на фронт партией Фурманов привез с собой дух большевистской организованности и дисциплинированности. В его лице Чапаев нашел помощника, который хорошо знал нужды и интересы рабочих масс, а главное имел большой опыт политической работы.

В первое время Чапаев относился к Фурманову с недоверием. Он еще не изжил тогда свойственного некоторым партизанам-командирам предубеждения против людей, впервые попадающих на фронт. Однако, очень скоро Чапаев изменил свое отношение к Фурманову, и между ними установилась тесная дружба.

15 марта 1919 года бригада перешла в наступление и одним ударом заняла 16 марта станицу Сломихинскую, где был расположен штаб полковника Бородина, отбросив его части за Чижинские озера.

Взятие станицы Сломихинской оказало огромное влияние на положение противника. Уральская казачья

армия, потерпевшая поражение под Уральском, Лбищенском, который был занят 1-й бригадой Кутякова, и Сломихинской, начала разлагаться. Поражения, нанесенные белым 4-й армией под руководством т. Фрунзе, деморализовали даже самых заядлых контрреволюционеров. На сторону Красной армии стали переходить целые полки. И если противник все же избежал полного уничтожения, то этим он был обязан весенней распутице препятствующей действиям 4-й армии, и победоносному шествию колчаковских полчищ, находившихся в это время на пути к берегам Волги.

ПРОТИВ КОЛЧАКА

Колчак двигался широким фронтом на Пермь, на Казань, на Самару. Уже была потеряна Уфа. Под ударом находилась Самара и другие крупные волжские города. Колчак, явно направлялся на Москву. Полуторастатысячная Колчаковская армия, ломая сопротивление красного фронта, грозила опрокинуть красные полки в Волгу. Потребовалось напряжение всех сил партии и рабочего класса, чтобы остановить катастрофическое движение Колчака.

На колчаковский фронт спешно перебрасываются рабочие полки. День и ночь к фронту подводят эшелоны с красноармейцами, со снаряжением, с патронами. Основной ударный кулак готовится в Бузулукском районе. Здесь сосредоточивается 25-я дивизия с задачей нанести лобовой удар по Колчаку и совместно с другими дивизиями отбросить его за Урал.

25-я Самарская дивизия ко времени вступления М. Ф. Фрунзе в командование 4-й армией уже не существовала. Ее почему-то расформировали 24 января 1919 г., направив после взятия г. Уральска четыре полка этой дивизии под командованием комбрига 2 т. Михалева под Оренбург, в 1-ю армию т. Гая, а пять полков под командованием комбрига 1 Кутякова оставили в 4-й армии. Штаб 25-й дивизии был расформирован.

В грозный для страны Советов момент, когда Колчак, казалось, угрожал уже самой Москве, М. В. Фрунзе решил воссоздать славную 25-ю дивизию, покрывшую себя неувядаемой славой в боях с белоказаками, войсками

самарской „учредилки“ и чехо-словаками. В состав дивизии вошли: бригада Кутякова (73-я бригада), Алгайская бригада т. Потапова (75-я бригада) и 74-я бригада. Последняя была сформирована т. Фрунзе в районе Самары из 220-го стрелкового полка иваново-вознесенских рабочих, 221-го стрелкового полка сызранских рабочих, 222-го стрелкового полка московских рабочих. Во главе дивизии т. Фрунзе поставил Василия Ивановича Чапаева.

В начале апреля 1919 г. М. Ф. Фрунзе приказал 25-й дивизии сняться с Уральского казачьего фронта и на подводах переброситься в район Бузулук — ст. Кинель для разгрома наступающих войск Колчака, в частности западной армии генерала Ханжина. Здесь происходит ряд упорных кровопролитных боев, завершившихся освобождением Уфы.

Первой вступила в бой 73-я бригада Кутякова. 28 апреля 1919 года части бригады повели наступление против 11-й дивизии белых, укрепившихся на р. Боровке к северу от Бузулука. Наступление началось с рассветом. Густые красноармейские цепи, невзирая на пулеметный и артиллерийский огонь, стремительно атаковали противника. Колчаковцы ожесточенно отбивались от атак. Но к 14 часам бригада смяла левый фланг противника. Несмотря на отчаянное сопротивление противник уже не смог остановить героические красные полки. 73-я бригада смяла его, целиком уничтожив 11-ю дивизию белых. В этом бою было взято 1000 пленных, батареи и 50 пулеметов.

29 апреля 73-я бригада продолжала свое движение. 30 апреля части 25-й дивизии вступили в бой с 12-й колчаковской дивизией на р. Кинель. Эту дивизию постигла та же участь, что и предыдущие. Она была сбита с занимаемой позиции и на голову разбита.

Таким образом, за три боя были уничтожены две дивизии, составлявшие 6-й корпус. В результате чапаевцы прорвали фронт Колчака на 80 километров. М. В. Фрунзе направил в прорыв основные силы своей ударной группы. Все три бригады Чапаева ввязались в упорные бои в районе Бугуруслана с 1-м Уфимским корпусом князя Голицина. С 1 по 5 мая 25-я Чапаевская дивизия уничтожила и этот корпус.

Командующий ударной армией Колчака генерал Ханжин решил вырвать инициативу у красных и перейти в контрнаступление. Для этого он подтянул в районе Татарского Кандыза и Домосейкина гвардию Колчака — Ижевскую бригаду и 2-й корпус генерала Войцеховского.

8 мая 1919 года происходит встречное сражение. 25-я дивизия не только отразила контрнаступление 2-го корпуса генерала Войцеховского, но целиком уничтожила Ижевскую бригаду под Татарским Кандызом, взяла более тысячи белых в плен и захватила 4 орудия.

В этот же день тт. Фрунзе и Куйбышев прибыли на поле сражения и отдали приказ, в котором благодарили 25-ю Чапаевскую дивизию, а командиров полков и батальонов 73-й бригады тут же наградили орденами Красного Знамени.

Василий Иванович не ограничился этими успехами и продолжал энергично преследовать противника. 11 — 15 мая полки Чапаевской дивизии вышли на р. Ик на участок селений Шалты—Апсалямова, где разбили части 2-го корпуса генерала Войцеховского, взяли много пленных, 3 орудия и десятки пулеметов.

Тогда генерал Ханжин ввел в бой свой последний стратегический резерв — ударный корпус генерала Каппеля. Бой произошел в районе Белебея. Каппелевцы были смяты и сброшены за р. Белую. 17 мая чапаевцы заняли г. Белебей, захватив много пленных, пулеметы и батареи противника.

30 мая 73-я бригада налетом взяла узловую станцию Чимшу. Остатки ударной армии генерала Ханжина отошли за р. Белую в район Уфы.

6 июня М. В. Фрунзе приехал в штаб 25-й дивизии. По его приезду было созвано совещание командиров полков и бригад. Фрунзе ознакомил присутствующих с общей обстановкой и поставил перед 25-й дивизией задачу взять Уфу, выделив для этого ударную группу под командованием Кутякова. В состав ударной группы вошли 220-й Иваново-вознесенский полк, 25-й кавалерийский полк, 9 бронемашин и отряд боевых самолетов. По предложению Кутякова было решено форсировать р. Белую, преграждающую путь на Уфу у с. Красный Яр. Для форсирования реки имелось два парохода, отнятые у белых.

Тотчас же после совещания М. В. Фрунзе выехал совместно с Чапаевым, Кутяковым, Фурмановым и другими командирами к селу Красный Яр. Здесь состоялся красноармейский митинг, на котором с горячей речью выступил М. В. Фрунзе. Бойцы поклялись взять Уфу.

В этот же день к вечеру к Красному Яру подтянулась 72-я бригада т. Зубарева и дивизионная артиллерия, занявшая позиции еще до наступления темноты. Начальником артиллерии был назначен лучший чапаевский артиллерист, командир 1-го дивизиона т. Рапеецкий.

В ночь на 7 июня 25-я дивизия приступила к форсированию р. Белой. 220-й Иваново-вознесенский полк на двух пароходах переправился на противоположный берег без единого выстрела. Следом за ним начал переправу 217-й Пугачевский полк. В 3 часа утра после артиллерийского огня, открытого по проволочным заграждениям и окопам противника, оба полка двинулись в атаку. Противник начал отходить. Фрунзе и Кутяков выехали к дерущимся частям. Чапаев остался на месте для руководства переправой.

Чапаевцы медленно продвигались вперед. Но в 3 часа дня противник крупными силами перешел в контратаку. Появление свежих сил противника вызвало в рядах красных бойцов замешательство. Не выдержав стремительного натиска белых, Иваново-вознесенский полк стал отходить. Навстречу бегущим бросился комиссар 73-й бригады т. Горбачев. Отходившие группы остановились. Тогда М. В. Фрунзе выхватил у своего ординарца винтовку и с криком: „Иванововознесенцы, за мной, в атаку, вперед на белых!“—бросился вперед.

Красные цепи дружно повернули назад и с удесятенной силой атаковали врага. В 4 часа дня красные части перешли в наступление по всему фронту. Только тогда М. В. Фрунзе вернулся к переправе, где колчаковцы прилагали все усилия, чтобы сорвать переправу красных частей. Над Красным Яром кружились самолеты противника. Самолеты усиленно обстреливали переправы пулеметным огнем. При приближении М. В. Фрунзе к берегу колчаковские летчики сбросили бомбы. Одна из них разорвалась под ногами лошади, на которой ехал М. В. Фрунзе. Лошадь была разорвана на куски, а самого командарма отбросило далеко в сторону. Михаил

Васильевич был тяжело контужен. Из рта шла кровь. Он потерял сознание. В этот же день на переправе был ранен в голову В. И. Чапаев и начальник политуправления фронта т. Тронин.

Бой за р. Белой постепенно затихал. Поздним вечером смолкли последние выстрелы. Части располагались на ночь на отдых. Утром готовилось общее наступление.

Противник решил предупредить наше наступление и ночью подтянул к деревне Журбаслы отборные офицерские ударные батальоны с тем, чтобы опрокинуть чапаевские полки в р. Белую. Офицерские батальоны должны были нанести удар по Пугачевскому полку, отрезать остальные и уничтожить их при поддержке своих частей, находившихся севернее.

Командующий группой Кутяков узнал об этом замысле, грозившем сорвать всю операцию по освобождению Уфы, от одного уфимского рабочего, пробравшегося из Уфы с опасностью для своей жизни. Чапаевцы были немедленно предупреждены. К месту предполагавшегося удара белых были подтянуты пулеметы. Части подготовились для встречи врага.

9 июня ранним утром на огромном поле высокой ржи перед расположением Пугачевского полка показались ударные офицерские батальоны. Они шли взводными и ротными колоннами, размеренным парадным шагом. Над колоннами горделиво развевались знамена. Офицеры и юнкера были одеты в парадные черные мундиры с георгиевскими крестами на груди.

Тихо, без лязга оружия, без голоса шли, шли черные колонны. Они вырастали в серых утренних сумерках, охватывая все поле. Было ясно, что они надеялись захватить красных бойцов сонными и переколоть, перестрелять их в окопах...

Вот перед ними уже показались холмики свежесрытой земли... Окопы... Черные колонны невольно прибавляют шаг, но окопов достигнуть им не удалось. Чапаевцы подпустили колчаковцев вплотную и разом, по команде, открыли уничтожающий пулеметный огонь, буквально скосив, вместе с рожью, офицерские батальоны.

К 8 часам, т. е. через 3 часа после начала атаки, бой кончился.

Этот бой воспроизведен в кинофильме „Чапаев“ под названием „психическая атака“.

В этот же день чапаевцы заняли Уфу. Остатки колчаковской армии покатались через Уральский хребет к берегам Тобола и Иртыша, добываемые в тылу красными сибирскими партизанами, а с фронта—27 и 26-й стрелковыми дивизиями. Итак:

„Южная группа¹ Восточного фронта наносит под руководством т. Фрунзе сокрушительный удар Колчаку. Фронт восточной белогвардейщины оказывается прорванным и прорванным окончательно.

В этой замечательной операции, в которой Колчаку наносится смертельный удар, особенно отличаются 25-я Чапаевская дивизия и 1-я (3-я) ее бригада т. Кутякова. Начинается агония колчаковщины. Победным маршем Красная армия проходит по Сибири. Она занимает Иркутск. Здесь находит свой позорный конец кровавый адмирал“.

За блестящее руководство героической дивизией М. В. Фрунзе представил Чапаева к награждению орденом Красного Знамени.

14 июня 1919 года РВС Республики опубликовал приказ, в котором говорилось:

„Награждается орденом Красного Знамени начальник 25-й стрелковой дивизии товарищ Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

Сорганизовав по революционному почину отряд в течение мая, июня, августа, сентября 1918 г. упорно оборонял саратовско-николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом чехо-словаков.

6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизии) на подступах к Самаре, занятой чехо-словаками, одним из первых переправился через р. Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам, Александро-Гайской бригадой были разбиты казачьи

¹ „Правда“ от 16 января 1935 г.

Командиры и военные комиссары 25-й стрелковой дивизии, взявшей г. Уфу 9 июня 1919 г. (фото).
В центре группы—раненый тов. Чапаев. В числе сидящих налево от тов. Чапаева—тт. Фурманов,
Кутяков, Маслов, Михайлов, Рязанцев; направо—тт. Потапов, Горбачев и др.
Сидят на полу—тт. Щакин, Крайнюков, Исаев, Садчиков и Митяев.

банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью.

Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник стоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугуруслан, Белебей и Уфа, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район.

В боях под Уфой (8 июля) при форсировании р. Белая лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием города Уфы.

Но Василию Ивановичу так и не пришлось носить этот орден на груди. 5 сентября Чапаев погиб в Абищенске.

ЧАПАЕВ ОСВОБОЖДАЕТ УРАЛЬСК

В марте 1919 г. после взятия Чапаевской дивизией Уральска, Абищенска и станицы Сломихинской—белоуральской армии был нанесен смертельный удар. Казаки стали сдаваться в плен целыми полками. Казалось, что Уральская контрреволюция доживает последние дни. Положение белых еще более ухудшалось тем, что между отдельными контрреволюционными группами в области завязалась нешуточная борьба.

Власть в Уральской области принадлежала казачьему войсковому съезду, председателем которого состоял эсер Кирпичников. Казачьему войсковому съезду противостояла казачье-помещичья группа, руководимая гурьевским генералом Толстовым. Опираясь на англичан, которые хозяйничали на нефтяных промыслах Эмбы, Толстов объявил себя наказным атаманом уральского казачества, т. е. фактически диктатором области. Он разогнал войсковой съезд и расстрелял Кирпичникова и вместе с ним еще нескольких эсеров.

20 марта 1919 г., после того как т. Фрунзе снял с уральского фронта алгайскую бригаду т. Чапаева и 75-ю бригаду Кутякова и перебросил их на Восточный

фронт, против Толстова осталась только одна 22-я стрелковая Краснодарская дивизия.

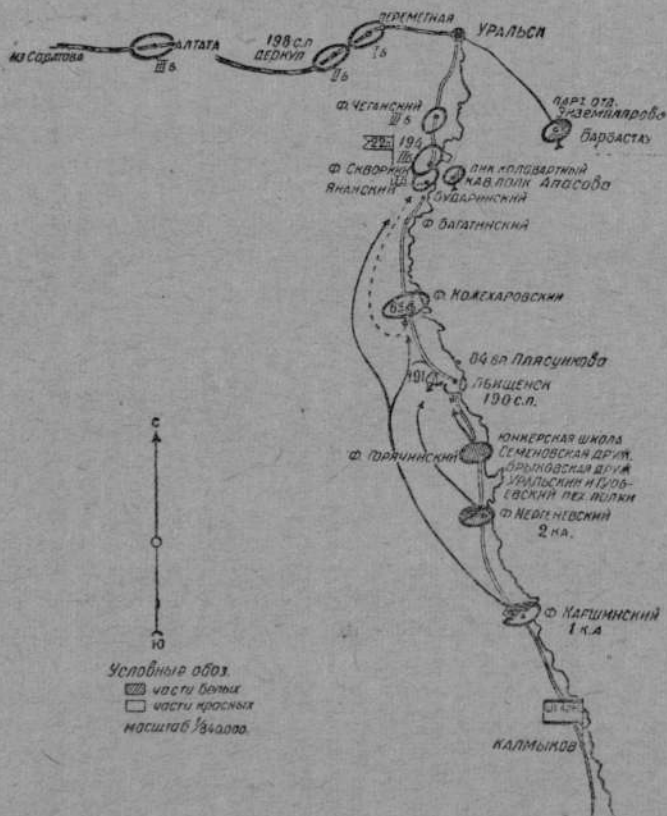
На первый взгляд может показаться, что перевес был на стороне красных. Однако, наступившая весенняя распутица, сильно затруднявшая работу гужевого транспорта, и наличие в тылу огромного количества пленных казаков и офицеров, отпущенных по своим станциям и хуторам, делали этот перевес сомнительным.

Захватив власть, Толстов начал бешено готовиться к наступлению на Абищенск и Уральск. Между тем начдив 22 Сапожков (быв. эсер), относясь враждебно к мероприятиям советской власти, направленным против кулачества, проявлял необычайную нерешительность. Так, вместо того, чтобы энергично продвигаться на юг, к Каспийскому морю, Сапожков заставил всю дивизию стоять на месте. Чтобы усыпить бдительность органов советской власти, он 22 марта 1919 года направил два полка 66-й бригады Заглядова в наступление на ст. Мергеневскую. При подходе к станции эти полки были встречены огнем юнкеров, а также Семеновской и Брыковской кулацких дружин и после длительной перестрелки начали отходить, потеряв несколько сот бойцов и два орудия.

В результате белоказаки захватили форпост Горячинский и подошли вплотную к Абищенску.

К началу апреля Толстову удалось сформировать две новых кавалерийских дивизии — 1-ю в районе Калмыковской и 2-ю в районе Сахарной и Мергеневской. 14 апреля Толстов подтянул 1-ю кавалерийскую дивизию в район Мергеневской, где уже находилась 2-я кавалерийская дивизия, а в районе форпоста Горячинского сосредоточил всю пехоту, юнкерскую школу, Семеновскую и Брыковскую кулацкие дружины, а также Уральский и Гурьевский пехотные полки.

В ночь на 15 апреля 1919 г. Толстов бросил все эти силы для занятия Абищенска. 1-я кавалерийская дивизия должна была атаковать главными силами Абищенск с севера, выделив небольшие отряды для налета на форпосты Кожехаровский и Богатинский. 2-й кавалерийской дивизии было приказано атаковать Абищенск с запада. Пехота должна была нанести удар из форпоста Горячинского по южной окраине Абищенска.

Равном 64-й стрелковой бригады т. Плясункова под г. Лбищенском 15 апреля 1919 г.

Белые казачьи части подошли к указанным пунктам незамеченными и внезапно открыли огонь по красным цепям. Одновременно укрывавшиеся внутри города кулаки повели огонь из окон и с крыш сараев по штабам полков, батальонов и по огневым позициям батарей 64-й бригады.

После упорного 8-часового боя, уничтожив почти всю 64-ю бригаду, казаки захватили Лбищенск. Раненых бойцов они расстреляли на соборной площади города, а сдавшихся в плен (около 250 чел.) заперли в амбар и живыми сожгли.

Успех противника явился полной неожиданностью для Сапожкова. Растерявшийся начдив уже на следующий день 16 апреля отдает приказ об отходе всех частей на Уральск.

24 апреля 1919 г., после ряда упорных боев, главные силы 22-й дивизии Сапожкова в количестве 5048 бойцов, 443 сабель, 31 пулемета и 21 орудия при 11 тысячах снарядов вошли в г. Уральск, взорвав мост через р. Деркул. С этого времени 22-я дивизия блокируется в г. Уральске толстовской казачьей армией.

Удача белых вызвала огромный подъем среди уральского и оренбургского кулачества. Из восставших стихийно казаков формируются 4 новые дивизии: 3-я кавалерийская дивизия из рубеженцев и кирсановцев, 4-я кавалерийская дивизия из илецких повстанцев и 5-я кавалерийская дивизия из иртецких и бурлинских белоказаков, в районе ст. Сломихинской полковник Бородин сформировал 6-ю кавалерийскую дивизию.

Таким образом, Толстов за 15 суток создал три конных корпуса, по существу представлявших собою целую конную армию.

Май 1919 года проходит в серьезных боях. Красные части 4-й армии несут большие потери. Осажденный уральский гарнизон Сапожкова терпит огромную нужду в продовольствии и огнеприпасах.

В июне 1919 г. командующий 4-й армией т. Авксентьевский предпринимает ряд попыток освободить защитников г. Уральска, не увенчавшихся, к сожалению, успехом. Белые не только не сняли осады г. Уральска, но захватили Новоузенск, Пугачевск, осадили Оренбург и угрожали даже Самаре.

Положение в Уральске становилось все более тревожным. 16 июня Владимир Ильич Ленин прислал красным защитникам Уральска радиogramму, в которой говорилось: „Держитесь, уральцы, на вас смотрит вся революционная Россия“.

Учитывая серьезность положения на уральском фронте, командующий вновь образованного туркестанского фронта тов. М. В. Фрунзе направляет с восточного фронта в район Бузулука 25-ю Чапаевскую дивизию для освобождения Уральска.

25 июня в районе Уфы две бригады 26-й дивизии — 73-я и 74-я погрузились в эшелоны. 75-я бригада осталась

для захвата переправы через р. Уфимку. Кавалерия двинулась на г. Бузулук походным порядком. 30 июня части 73-й бригады выгрузились из эшелонов на ст. Богатая в районе Бузулука (схема).

М. Ф. Фрунзе поставил перед дивизией задачу не позже 12 июля 1919 г. освободить Уральск. Для этого он подчинил дополнительно командиру 25-й дивизии Особую коммунистическую бригаду, находившуюся под начальством т. Плясункова и стоявшую в районе Б. Глушицы.

25-я Чапаевская дивизия немедленно приступила к выполнению своей задачи.

Перед участком 25-й Чапаевской дивизии находился 2-й Уральский конный корпус генерала Савельева, главные силы которого группировались в районе Умет-Грязной.

Врид. начдив 25 Кутяков отдал приказ, чтобы к 8 июля бригада т. Плясункова вышла в район с. с. Игумнов и Графкин, а 73-я бригада — в район Умет Грязной. 74-я бригада должна была к этому времени на подводах сосредоточиться в районе Соболевской, а 75-я бригада после высадки частей следовать по маршруту 74-й бригады.

7 июля в районе Б. Черниговки у хуторов Мордовские и Пьянов 2-й Уральский конный корпус противника атаковал авангардный 218-й полк Степана Разина. Разинцы, не выдержав атаки, начали отходить, но подошедшие части 73-й бригады, а также бригады т. Плясункова восстановили положение. Все же 3-й батальон Разинского полка был уничтожен неприятелем.

Другие две бригады строго придерживались намеченного маршрута. 8 июля заняли Игумнов и Умет-Грязной, а 74-я бригада — Соболевскую (см. схему). 2-й Уральский конный корпус белых, проиграв бой у Б. Черниговки, начал спешно отходить к югу, а чтобы замедлить продвижение Чапаевской дивизии, противник поджог ковыльные степи. Пожар, охвативший степи, площадью в 150 кв. километров, представлял собою грозное зрелище. Ветер дул с севера на юг. Чапаевские части двигались вслед за огнем по голой степи, среди дыма и гари, нависших густыми черными клубами над хуторами и станицами.

10 июля бригада т. Плясункова вышла в район ст. Переметной, а 73-я бригада — в район Деркульский и

Женский скит. 11 июля в 7 часов утра 73-я и 74-я кавалерийские дивизионы соединились у хут. Новенького с 1-м батальоном 194-го стрелкового полка осажденного гарнизона Уральска. В тот же день Василий Иванович Чапаев с т. Фурмановым на автомобиле прибывают из Самары в Уральск.

Встреча т. Чапаева с бойцами 22-й Краснодарской дивизии и трудящимися Уральска была потрясающей. Улицы, украшенные красными полотнищами, на которых гордо красовалось имя Чапаева, приняли торжественный вид. Чапаева всюду сопровождали долго несмолкаемые крики „ура“. Трудящиеся Уральска и 22-я Краснодарская дивизия праздновали освобождение от осады, праздновали победу своей доблестной Красной армии.

ГИБЕЛЬ В. И. ЧАПАЕВА

Потерпев поражение под г. Уральском, казачья армия Толстова отступила на юг.

1-й Илецкий конный корпус генерала Акутина (4 и 5-я кавдивизион) отошел на восток за р. Урал с задачей защищать направление на Джамбейтинскую ставку. 2-й Уральский корпус генерала Савельева в составе трех кавалерийских дивизий, одного конного и трех пехотных полков, а также Семеновской и Брыковской кулацких дружин и юнкерской школы заняли хутора Усиха и форпост Чеганский. 6-я кав. дивизия полковника Бородина, оставив Александров-Гай, отошла в район ст. Сломихинской. Штаб ген. Толстова расположился в самом Лбищенске.

Части 4-й Красной армии к этому времени группировались так: 50-я стр. дивизия (3-я бригада) занимала район Александров-Гай, ст. Озинки и Семиглавый Мар 25-я Чапаевская дивизия—73-я бригада была расположена в районе ст. Переметной, 74-я бригада в районе Круглоозерного, 75-я бригада—в Уральске. Бригада т. Плясункова была двинута через Уральск на подкрепление 49-й дивизии и заняла район Илецкого городка. В свою очередь 22-я Краснодарская дивизия была отправлена на деникинский фронт. После ее ухода штаб 25-й Чапаевской дивизии расположился в Уральске.

25-я Чапаевская дивизия по приказанию командующего 4-й армией т. Авксентьевского должна была продолжать преследование противника с тем, чтобы занять Лбищенск и Джамбейтинскую ставку. В это время тылы 25-й Чапаевской дивизии находились еще в пути из Уфы в район Бузулука. Отсутствие обоза весьма затрудняло доставку в полки продовольствия и огнеприпасов. Несмотря на это, части дивизии еще задолго до подхода тылов, приступили к выполнению возложенной на них задачи. 73-я бригада выступила на х. Усиха, 74-я бригада — на форпост Чеганский, а 75-я бригада приступила к постройке моста через р. Урал в Уральске.

С 15 по 25 июля в районе Усихи между чапаевскими частями и белоуральской армией идут жестокие бои. В эти дни конный корпус противника регулярно утром и вечером атаковывал нас с флангов и тыла, а белая пехота наседала с фронта. Положение стало весьма серьезным. 73-я бригада, истекая кровью и неся огромные потери, героически отбивала атаки казаков. В довершение всего в те дни стояла нестерпимая жара, доходившая нередко до 60°. Кругом на десятки километров не было ни одного колодца. В выжженной степи не оставалось даже кустика для защиты от палящего зноя, и немало красных бойцов погибло от солнечных ударов и смертельной жажды. Но тем не менее части 25-й дивизии не только не отступали из безводной Усихинской степи, а сумели отбить все атаки противника и вынудили его главные силы перейти к обороне. Таким образом, инициатива у противника была вырвана.

В первых числах августа командарм 4-й армией Авксентьевский отстраняется от должности, на его место вступает т. Лазаревич. Растет и ореол славы вокруг имени Чапаева, которому по существу подчиняются все главные силы 4-й армии: 25-я дивизия, 1-я бригада 50-й дивизии, и 2-я бригада 74-й стрелковой дивизии. К этому времени у Чапаева созревает твердое решение перейти в наступление на всем фронте с тем, чтобы занять г. Лбищенск и Джамбейтинскую ставку. И вот через 15 суток преодолев все препятствия на своем пути, терпя жажду и лишения, ощущая недостаток в огнеприпасах, чапаевцы занимают не только г. Лбищенск, но и ст. Сахарную, пройдя путь свыше чем в 200 километров, и какой путь...

Шапово / 126
 (Камбрич 2/74) г. Зубареву.
 220 июля месяца 9 час. - мин.
 Кардивч 25 Гараевъ
 Тсикхи 138 с. Фийя

Приказываю немедленно
 одним полком занять
 Еремьевцево, второго оказать
 поддержку 1-й бригаде
 (в Еремьевцево стана 208 ая
 а другим полком во что
 бы то ни стало удерживать
 крепость Чаракентий, и др.
 иждиве Абдоимидовича Гиниев,
 ни малу не отступать.
 Разбегай в Конфакде с Ку-
 бажковом, поддерживайде
 один другого крепче
 Кардивч Тсикхи
 Вахити Ишбулат

Белоуральская казачья армия покатила на юг, це-
 пляясь за каждую станицу, за каждый хутор. Белогвар-
 дейцы еще не потеряли надежду остановить наступле-
 ние победоносных красных полков. Белые генералы со-
 здают планы „массовых конных атак“, а затем разверты-
 вают энергичную подготовку налета на Абищенск. Вот

что пишет об этой подготовке начальник штаба белоярской армии:

„В течение второй половины июля и первой половины августа уральская армия, теснимая частями 25-й дивизии, обороняя каждый поселок и почти каждый хутор, расположенные к западу от линии Уральск—Гурьев, отошла в район Калмыковская—Каленый. Почти все жители оставляемых казаками станиц отходили на юг со всем своим скарбом и скотом. Это было бедствием для армии, ибо в южных станицах отсутствовал хлеб и переполнение беженцами грозило голодом. А огромные стада скота, угоняемые в тыл, уничтожали по пути все запасы сена и травы. Кроме того, беженцы располагались биваком в ближайшем тылу армии, мешали маневрированию войск. Стоило частям армии остановиться, как останавливались и беженцы, приказание об отходе в глубокий тыл ими не выполнялись.

Район к северу от Калмыковской через 2—3 дня после отхода армии к поселку Каленому обратился буквально в голую степь, даже ветви на деревьях были съедены.

Армия была лишена местных фуражных средств, а доставка сена с Бухарской стороны, за отсутствием мостов через р. Урал и недостатком лодок, была крайне затруднительна. Конский состав начал быстро ухудшаться. Вместо заболевшего генерала Савельева в командование Уральским корпусом вступил генерал Титруев, который предполагал встретить наступление красных чапаевских частей на поселок Каленый массовой конной атакой. Для этого вся конница армии занималась репетициями.

К этому времени из района Сломихинской к поселку Каленому была подтянута 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина, а для наблюдения за красными (3 бригады 50-й стрелковой дивизии), занимавшими ст. Сломихинскую, оставлен был 1-й партизанский Чижинский кавполк.

С предполагаемым генералом Титруевым способом действий не были согласны начальники других частей. Они предлагали морально подорванную и понесшую большие потери лошадьми конницу использовать для набега на тыл красных. Командующий армией генерал Толстов согласился с предложением начальников этих частей. Для совершения этого рейда-налета 2 сентября 1919 г. из Каленого выступили 6-я кавалерий-

ская дивизия полковника Бородина и 2-я кавалерийская дивизия Сладкова. Части эти двигались через ст. Кизил-Кубанскую и далее по долине Кушума, чтобы атаковать красные части, занимавшие г. Абищенск.

Таким образом, уральская армия подготавливала налет на Абищенск, где были расположены база и штаб В. И. Чапаева.

Необходимо указать, что по мере движения вглубь уральских степей положение 25 й дивизии с каждым днем ухудшалось. Это объясняется тем, что, во-первых, — войска Чапаева были оторваны более, чем на 200 километров от своей базы — Уральска.

Трудность подвоза вызывала постоянные перебои в снабжении частей огнеприпасами и продовольствием. Бригады иногда по нескольку суток не видали хлеба. Между тем армия генерала Толстова при отходе на юг — к берегам Каспийского моря — сумела получить от англичан не только обмундирование, снаряжение и огнеприпасы, но даже артиллерию, самолеты и бронеавтомобили.

Белая уральская армия обладала и другими преимуществами. К их числу относился прежде всего характер самой местности. Необъятные степные равнины позволяли конным казачьим массам успешно маневрировать. Вследствие прерывистости фронта красных, белоказаки имели возможность совершать внезапные рейды-набеги на тылы Чапаева. Чапаев почти не мог противодействовать этому, так как безводные степи были непреодолимы для пехоты.

Но самый главный наш недостаток в то время заключался в невыгодной группировке войск Чапаева. В частности, линия фронта, занимаемая группой т. Аксенова, отстояла на 100 километров от общей линии фронта. Это ставило все пути, связывающие базу и штаб Чапаева, расположенные в Абищенске, под удары казаков с Бухарской стороны. И, действительно, когда 5 сентября 1919 года группа войск т. Аксенова не смогла занять Джамбейтинскую ставку, В. И. Чапаев был вынужден бросить из ст. Мергеневской на Бухарскую сторону свой последний резерв — группу т. Бубенца в составе двух стрелковых полков и двух кавалерийских дивизионов.

Чапаев остался без резервов, а командующий большими войсками без резервов не может уже управлять

боем, влиять на него. В таких случаях обычно события сами управляют им.

Когда резервная группа т. Бубенца переправилась на левый берег Урала и двинулась на Джамбейтинскую ставку, стратегическое положение войск Чапаева еще более ухудшилось. Тут против главных сил армии генерала Толстова в районе ст. Сахарной и Коршинского осталась лишь одна группа Кутякова в составе восьми стрелковых полков, двух кав. дивизионов и дивизионной тяжелой артиллерии.

Эта группа занимала пространство до 15 километров в глубину и 10 километров по фронту. Кав. дивизионы вели разведку к западу от ст. Сахарной на протяжении 40 километров. А между тем огромная территория между реками Волгой и Уралом не освещалась с нашей стороны. Таким образом, белые получили возможность беспрепятственно маневрировать своими конными массами в пределах этого пространства.

При таком положении не исключена была возможность занятия силами белых даже Уральска, в котором, кстати сказать, в то время находились одни тыловые учреждения и совсем не было войск. Тогда частям 4-й Красной армии пришлось бы отойти, вероятно, еще дальше на север. Но этого, по счастью, генерал Толстов не предусмотрел.

В таком же тяжелом положении находились войска Чапаева и на Бухарской стороне. Группа т. Бубенца, двигавшаяся от Урала на Джамбейтинскую ставку по пустынной местности, и группа войск т. Аксенова, расположенная на шестидесятикилометровом фронте к северо-востоку от оз. Челькар, не имевшие связи ни с группой Кутякова, ни между собою, легко могли быть разбиты конным корпусом генерала Акутина. К тому же между всеми тремя группами войск Чапаева в отдельных случаях образовывались промежутки шириною до 100 километров. И эти разрывы по фронту не только ничем не прикрывались, но здесь даже не производилась простая разведка.

Войска Чапаева во время движения на юг понесли немалые потери (особенно при взятии ст. ст. Мергеневской и Сахарной). В этих боях шесть стрелковых полков выстраивались цепями в затылок друг другу. Боевой

порядок справа прикрывался частями 1-й бригады — 50-й стрелковой дивизии, а слева — р. Уралом. Волнообразные красные цепи шести чапаевских полков штыковым ударом заняли эти пункты, но потеряли убитыми и ранеными до 3 тысяч бойцов.

Сильно поредевшая группа Кутякова нуждалась в пополнении, а главное, она не имела патронов и хлеба. Поэтому Чапаев вынужден был отказаться от наступления на ф. Каленый и атак главных сил противника и приказал группе Кутякова закрепиться на месте и оборонять районы ст. Сахарной и Коршинского.

Наступил сентябрь 1919 г. Стояла особенно жаркая погода. По широкой степной долине, в обросших вековым камышом и мелким кустарником берегах медленно катил свои волны Урал.

На фронте — затишье. На Бухарской стороне, среди нескончаемых желтых песков и сыпучих дюн издалека видны зеленые рощи. По крутым холмам Урала раскинулись во все стороны богатые казачьи станицы и хутора. Теперь в них царит полное безлюдье. Только изредка на широких улицах промелькнут сгорбленные в три погибели старики. Все боеспособное население давно угнано белыми, а женщины и дети кочуют вблизи своих мужей и отцов по тылу фронта.

Порывистые ветры, дующие с Каспийского моря, вздымают по утрам целые тучи пыли. Вот уже скоро третий месяц, как не выпадало дождей.

Части 25-й дивизии уже десятый день стоят на месте, на отдыхе. 4 сентября В. И. Чапаев с военкомом Батуриным посетил в станице Сахарной 1-ю бригаду 50-й стрелковой дивизии, которая уже трое суток не получала хлеба. Бойцы были созваны на митинг; им объяснили причину задержки. Для оказания действительной помощи особенно ослабевшим от недоедания товарищам разрешено отобрать от каждого бойца остальных двух бригад по полфунта хлеба. После этого В. И. Чапаев с Батуриным, несмотря на предложение остаться на ночлег в форпосте Коршинском, отправились на автомобиле в г. Лбищенск.

Тем временем 2-й конный корпус казаков в составе двух кав. дивизий под командованием генерала Сладкова и полковника Бородина беспрепятственно двигался по

Кушумской долине. Достигнув района урочища Кузда-Гора, отстоящего в 25 километрах к западу от г. Лбищенска, белоказаки укрылись в густых камышах, покрывавших долину.

О движении 2-го корпуса генерала Сладкого на Лбищенск Чапаев не знал. С самолетов 25-й дивизии, несших разведывательную службу, ничего не было обнаружено. Но 4 сентября около 23 часов в штаб дивизии прискакали обозники, посланные в степь за сеном, и сообщили о том, что в 20 километрах от Лбищенска на них напали казаки и отбили около 20 повозок. Как раз в это время из ст. Сахарной вернулись тт. Чапаев и Батурин. Они были тотчас же оповещены о случившемся. Однако, Василий Иванович не придавал особого значения этому сообщению, так как подобные случаи происходили в этом районе довольно часто. Он потребовал, чтобы ему доложили о результатах разведывательных полетов, совершаемых самолетами в направлении ст. ст. Сломихинской и Кизил-Убинской. Начальник штаба т. Новиков сообщил, что в течение последних шести суток авиотряд в этом направлении конницы казаков не замечал.

Тов. Новиков, бывший офицер, работавший около года с Василием Ивановичем, пользовался его неограниченным доверием. Это был скромный дельный работник, преданный советской власти. Его недостатком было то, что он хотел все делать сам. Поэтому у него не оставалось свободного времени на изучение как своего аппарата, так и непосредственно подчиненных ему частей, в частности вновь прибывшего из штаба армии 4-го авиационного отряда.

Между тем летный отряд, обслуживавший войска Чапаева, своим действием вызывал обоснованные подозрения. Совершая в течение шести суток утренние и вечерние полеты над открытой местностью, летчики непременно должны были заметить врага.

Если даже 2-й кав. корпус казаков трудно было обнаружить на марше, так как он передвигался исключительно ночью, но зато днем он стоял всего в 25 километрах от аэродрома в камышах, в которых не могли укрыться все 5000 сабель.

Предательская роль личного состава этого авиоотряда, обманувшего Красную армию и советскую власть,

яснее всего видна из того, что в момент захвата Лбищенска 2-м корпусом казаков, 5 сентября в 10 часов все четыре самолета пролетели в расположение казаков в г. Калмыковск.

* * *

К ночи в штабе Чапаева жизнь замерла. Охрану г. Лбищенска с момента его занятия нами несла дивизионная школа т. Чекова в составе 600 человек. Следует отметить, что штаб дивизии не имел продуманного плана обороны г. Лбищенска на случай внезапного налета противника. Ночью на окраине города выставались только заставы — обычно в составе одного взвода пехоты каждая, отстоявшие друг от друга на расстоянии до 2 километров. Телефонной связи между заставами не было, и если на одной из них открывалась стрельба, то, чтобы узнать причину, туда нужно было направлять пеших посыльных.

Внутри города охрану несли отдельные пешие патрули. В случае тревоги, разбросанные по всему городу по квартирам курсанты дивизионной школы должны были собираться на соборную площадь города. Что же касается военнослужащих штаба, отдела снабжения, ревтрибунала, ревкома, обоза и др. учреждений, то они даже не знали, где находиться во время боя и куда отходить в случае неудачи.

6 сентября 1919 г., около часу ночи, 20-й кав. корпус генерала Сладкова подошел к самому г. Лбищенску. 6-я кав. дивизия полковника Бородина наносила удар с запада и севера, а 2-я кав. дивизия — с юга.

Совершенно недостаточная охрана города дала возможность казакам пройти незаметно отдельными сотнями в Лбищенск, расположение улиц которого было им, повидимому, отлично известно (в особенности Лбищенскому кав. полку противника). Казаки, пробравшись в город, одновременно атаковали красные заставы, находившиеся на окраине города, открыли бешеный оружейно-пулеметный огонь по обозу и начали бросать гранаты в квартиры командиров. Бой сразу охватил весь город.

При первых же выстрелах защитники города бросились к штабу на соборную площадь. Стараясь укрыться от огня противника, они занимали отдельные строения,

дома. Ночная темень не позволяла разобраться в создавшейся обстановке; ни бойцы, ни командиры не могли понять, откуда наносится главный удар противника.

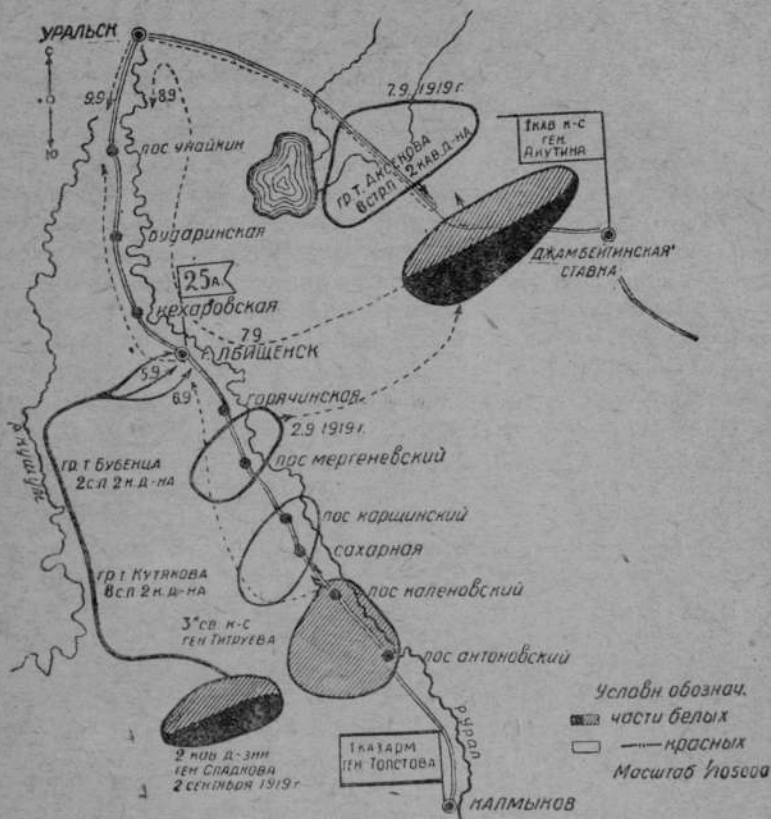
Часть курсантов дивизионной школы и сотрудников политотдела дивизии объединилась под командованием тт. Крайнюкова и Суворова и с боем пробилась к своему штабу. В это время Василий Иванович, окруженный кучкой личного конвоя, вел жестокий бой с казаками.

Чапаев был уже ранен в руку, но все же оставался в строю и руководил огнем. Видя приближающихся на подмогу курсантов и работников политотдела, Чапаев и Батурин бросаются в контратаку на противника и штыками очищают соборную площадь от белых. Однако силы были неравны, и под натиском численно превосходившего противника герои-защитники вынуждены были отойти. Начались пожары.

С рассветом казаки пустили в ход артиллерию. Исход сражения стал ясен. Через час Лбищенск был уже в руках казаков. С восходом солнца чапаевцы небольшими разрозненными группами стали пробиваться к реке Уралу, чтобы вплавь перебраться на другой берег. Но белые парализовали эту попытку, подтянув к реке пулеметы и артиллерию. Чапаевцы стали бросаться в реку, но в волнах их ожидала смерть казачьих пуль.

Сам В. И. Чапаев, истекая кровью, почти терял сознание. Тогда ординарцы штаба во главе с порученцем Петром Исаевым потащили Чапаева с соборной площади к берегу Урала. К этому времени на площади оставалось не более ста чапаевцев. Командир дивизионной школы т. Чеков вместе со своим старшим сыном геройски погибли в последней штыковой атаке. Был убит и военком дивизии т. Батурин. Зарублен у пулемета старейший комиссар-чапаевец Крайнюков. В штыковой атаке погиб начальник политотдела дивизиона т. Суворов. Тяжело ранен в ногу и начальник штаба дивизии т. Новиков.

Казаки со всех сторон окружили соборную площадь. Путь отступления красным защитникам к реке был отрезан. Видя безвыходность положения, начальник снабжения 73-й бригады т. Козлов, бывший офицер, стреляет в наседавших на него казаков из нагана и последнюю пулю выпускает себе в висок. Но находившимся при-

Обстановка, при которой погиб В. И. Чапаев.

т. Козлове его помощникам т. Белобородову, Пантелееву, Зайцеву, а также казначею 218-го Степана Разина полка т. Додонову удалось с помощью штыков пробиться на южную окраину города. Отсюда они уже вплавь переправились через Урал.

Василия Ивановича под убийственным огнем белых опустили в бурную реку. В это время года Урал со своими быстро несущимися студеными водами представляет собой трудно преодолимое препятствие. Истекающий кровью Чапаев, под ливнем вражеских пуль, находит все же силы добраться до середины реки. Но тут

шальная пуля наносит ему второе ранение в голову и останавливает жизнь замечательного человека и одного из лучших и храбрейших бойцов и командиров Красной армии.

* * *

В то время, когда Василий Иванович боролся еще с волнами реки, его порученец Петя Исаев, находясь на берегу, отстреливался от врага, отводя его удары от Чапаева. Исаев надеялся, что Василий Иванович доплывет до другого берега, но, видя гибель любимого командира и сам не имея возможности спастись, он пустил себе пулю в висок со словами: „Чапаевцы умирают, но в плен не сдаются!..“

* * *

Город Лбищенск перешел в руки врага. Озверевшие белоказаки приступили к расправе с пленными обозниками и ранеными чапаевцами. Обезоруженных, беспомощных людей выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Но защитники Лбищенска и в этот час дорого продавали свою жизнь.

Вот перед нами теряющий силы, раненый врагами старик-обозник. Он знает, что его ожидает, и он не хочет сдаться в плен; перед смертью старик проявляет изумительную находчивость и храбрость. Этот эпизод воспроизведен в фильме „Чапаев“ в сцене гибели полковника Бородина. Расскажем же о нем читателю.

* * *

Начальник 6-й Чихинской кавдивизии полковник Бородин, один из самых ярых врагов советской власти, ворвавшийся со своими частями в город, въехал во двор одного дома. В этот момент раненый старик-обозник лежал на повозке и, укрывшись в сене от казачьего расстрела, ожидал подхода чапаевских частей. Убедившись, что помощи ждать неоткуда, он решил умереть смертью революционера. Увидя въехавшего во двор полковника, старик поднялся на повозке и выстрелом из винтовки, направленной почти в упор в грудь врага, расплачивается за гибель любимого вождя.

Ординарды Бородина кинулись на героя-чапаевца и изрубили его на куски.

* * *

В дальнейшем боевые события протекали следующим порядком.

5 сентября, на рассвете, командир группы Кутяков был срочно вызван к телефону т. Кутузовым—заведующим хозяйством полка Степана Разина. Вызывающий находился в форпосте Горячинском при обозах шести стрелковых полков, в 15 километрах от г. Лбищенска.

Тов. Кутузов сообщил по телефону, что в г. Лбищенске слышится не только ружейно-пулеметная стрельба но даже артиллерийская канонада, происходившая уже в течение 2 часов. Причем из Лбищенска на форпост Горячинский двигается около двух конных казачьих полков, вероятно для захвата наших обозов. Тов. Кутузов просил разрешения начать отход на ст. Сахарную.

Тов. Кутузову было приказано остаться с обозом на месте, забаррикадировать повозками улицы ф. Горячинского и продержаться до полдня. К этому времени должна была подойти поддержка—73-й кав. дивизион, а затем к 14 часам—вся 73-я бригада т. Рязанцева.

Около 5 часов того же дня бригада т. Рязанцева была поднята по тревоге и на подводах брошена из ф. Коршинского на помощь Чапаеву в г. Лбищенск.

Пройдя нелегкий 70-километровый путь, бригада уже к вечеру атаковала г. Лбищенск. Но 2-й конный корпус генерала Сладкова отбросил ее в исходное положение к ф. Горячинскому. Части всей сахарновской группы оказались отрезанными от Уральска. Это вынудило комгруппы принять командование над всей 25-й Чапаевской дивизией и дать приказ на отход к г. Уральску, т. е. на прорыв белого казачьего кольца.

В ночь на 6 сентября—перед самым отходом главных сил группы из ст. Сахарной—командир 2-й бригады т. Сокол передал по телефону Кутякову, что в каменном соборе станицы обнаружено несколько десятков тысяч снарядов, спрятанных казаками. Взять их чапаевские части не могли, так как транспорт (обозы) был захвачен в Лбищенске казаками.

Командир группы Кутяков ответил, что нужно взорвать снаряды, если мы не хотим, чтобы они попали в руки казаков. Но чтобы взрыв не послужил сигналом для генерала Толстова, Кутяков приказал взорвать собор лишь тогда, когда 74-я кав. дивизия т. Петрова,

оставленная в виде прикрытия, покинет ст. Сахарную. По расчету красного командования, взрыв должен был сигнализировать нашим войскам о том, что ст. Сахарная занята казаками.

6 сентября, около 14 часов, снаряды были взорваны. Собор взлетел на воздух. Взрыв был настолько силен, что волны Урала разнесли этот гул на сотни километров. От взрывов снарядов загорелась ст. Сахарная, в домах и надводных постройках которой казаками были спрятаны патроны и ручные гранаты.

Огонь быстро охватил станицу. Слышался рев животных и крики птиц. Сквозь дым и море огня скакали красные чапаевские дозоры. Неожиданно поднялась буря. Пламя стало перебрасываться на соседние станицы. На всем пути своим отходящие к Уральску части видели зарево пожаров.

В тот же день 6 сентября, около 17 часов, бригаде т. Рязанцева удалось захватить г. Абищенск. 2-й конный корпус генерала Сладкова стал отходить к Уральску. Группа т. Бубенца приказанием Кутякова была подтянута от Джамбейтинской ставки к г. Абищенску и стала на левом берегу Урала.

Что представлял собой г. Абищенск после гибели Чапаева — нетрудно угадать. Дома были изрешетены пулями и разрушены снарядами. В городе еще бушевал пожар. Улицы заволокло дымом. Земля была усеяна трупами убитых красноармейцев и обозников — мобилизованных крестьян. Особенно много трупов было обнаружено в западной части города, в районе ветряных мельниц, где казаки расстреливали пленных и раненых партиями по 100—200 человек. Здесь находили тысячи предсмертных записок, нацарапанных на клочках газетной и курительной бумаги. Порывистый ветер разносил далеко по степи посмертные призывы расстреливаемых:

- „Тов. чапаевцы, нас ведут на расстрел“.
- „Да здравствует Советская власть“.
- „Отомстите белым гадам за нашу смерть“.
- „Да здравствует партия большевиков“.
- „Да здравствует коммунизм“.

Усталые, голодные, не имея патронов и снарядов, доблестные красные части остановились на несколько

часов в городе для того только, чтобы подобрать раненых и отыскать труп Чапаева. Но все поиски были безрезультатны. Только в бане под полом был найден тяжело раненый начальник штаба т. Новиков, у которого вследствие загрязнения раны получилось заражение крови.

* * *

Наступила темнота. Освещаемые заревом пожара части выступили дальше на Уральск. 8 сентября фронт красных по линии ст. Чижинская, Скворкин, Барбастау и Федоровский был восстановлен, при этом наши красные части отбили у казаков 3 орудия и 2 бронемашин.

Начальник штаба белоуральской казачьей армии так описывал гибель Чапаева и отход красных частей на Уральск:

„Лбищенск взят 5 сентября с упорным боем, который длился 6 часов. В результате были уничтожены и взяты в плен ¹ штаб 25-й дивизии, инструкторская школа, дивизионные учреждения. Захвачено 4 аэроплана, 5 автомобилей и прочая военная добыча.

После ночлега в Лбищенске наш отряд, в составе 2 кавалерийских дивизий, оставив в тылу у себя сахарновскую группу красных, двинулся на север и, только дойдя до форпоста Янайского, встретил противника. (Это была 75-я бригада т. Аксенова, которая двигалась на подводах через Уральск для соединения с основными силами дивизии. И. К.)

Наша конница свернула из ф. Багатинский в степи — на хутора, лежавшие к западу от этого поселка. Между тем оставшиеся на ф. Каленом пешие и конные части нашей уральской армии, не учтя особенности обстановки, которая была сообщена им с аэропланов из Лбищенска, и ожидая разложения отрезанной сахарновской группы красных, только вечером 6/IX перешли в наступление.

К этому времени сахарновская группа красных зажгла станицу и поселки и начала отходить на север к Уральску. Наша казачья армия преследование вела крайне не энергично, и противник, зажигая все поселки

¹ Сдались казакам летчики, бывшие офицеры, сотрудники штаба и безоружные мобилизованные обозники-крестьяне.

до ст. Бударинская... и мельницы в Коловертном и Прорвинском, без потерь отошел к Янайску.

Следовавшие за ними главные силы казачьей армии атаковали отступающие войска красных. Но они атаку отбили и ночью отошли к ф. Скворкину, где приостановили свой отход и восстановили фронт по линии ст. Шипово, Скворкин, Барбастау“.

ЧАПАЕВ ПОГИБ, НО 25-я ЧАПАЕВСКАЯ ОСТАЛАСЬ ЖИВА

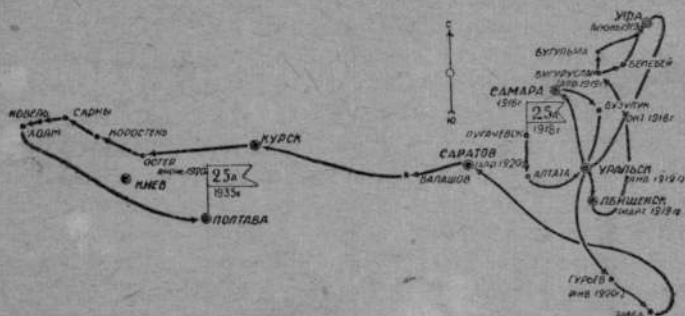
Весть о гибели Василия Ивановича Чапаева быстро разнеслась по всей Волге и Уралу. Враг торжествовал победу. Генерал Толстов приказал даже отслужить по поводу гибели В. И. Чапаева благодарственные молебны во всех церквях Урала. Однако, белогвардейщина торжествовала победу слишком рано. Чапаев погиб, но его дивизия осталась жива.

Спустя два месяца после гибели В. И. Чапаева 25-я дивизия (Реввоенсовет Туркфронта во главе с М. В. Фрунзе и Куйбышевым присваивает ей имя Чапаева) перешла в ноябре 1919 г. в решительное наступление. В бою под ф. Янайским чапаевцы нанесли армии генерала Толстова сокрушительный удар, взяли в плен Гурьевский и Калмыковский пехотные полки и захватили 12 орудий, 50 пулеметов, 3 бронемашины и прочее военное имущество.

Белоуральская армия генерала Толстова покатилась к берегам Каспия, оказывая все же упорное сопротивление.

Зима 1919 г. была особенно тяжелой для бойцов Чапаевской дивизии, которым пришлось не только вести бои с противником, но и бороться с суровыми морозами и тифом. Можно без преувеличения сказать, что за всю трехлетнюю гражданскую войну от сабель и огня белоказаков не погибло столько чапаевцев, сколько их погибло за время движения от г. Уральска к берегам Каспийского моря. Из 60 тысяч бойцов осталось не более 25 тысяч. Причем и эти люди перенесли различного вида тиф и другие болезни. И тем не менее 5 января 1920 г., после 600 км марша и ряда упорных боев, 25-я Чапаевская дивизия заняла последний оплот и базу белого казачества — г. Гурьев.

С этого времени Уральский фронт перестал существовать. Уральская казачья армия была совершенно разбита. Нами было взято в плен 70 тысяч солдат и офицеров и захвачено 600 пулеметов, 250 орудий, 12 бронемашин, 100 тысяч винтовок, масса снарядов, патронов и снаряжения, 6 аэропланов, 12 миллионов тонн нефти и 2 миллиона тонн бензина, в чем тогда наша страна очень нуждалась. Сам генерал Толстов с группой своей банды бежал в Персию.

Боевой путь 25-й Чапаевской дивизии 1918—1920 гг.

В. И. Ленин прислал на имя начальника 25-й Чапаевской дивизии Кутякова телеграмму, в которой благодарил бойцов за героическую трехлетнюю борьбу и ликвидацию уральского фронта.

После этого 25-я Чапаевская дивизия была отведена в район Новоузенска и ст. Урбах, где она поступила в резервы Главкома.

В первой половине 1920 г. на трудящихся Советской страны напал новый враг — польская буржуазия. Армия Пилсудского вышла к берегам Днепра и в середине мая 1920 г. захватила Киев.

25-я Чапаевская дивизия из района Саратова перебрасывается под Киев. 30 мая 1920 г. ее авангардные части прибывают к р. Днепру. Здесь 25-я Чапаевская дивизия получила задачу выйти в тыл всей 3-й польской армии генерала Рыдз-Смиглы, занимающей г. Киев.

1 июня 1923 г. 73-я бригада переправилась через р. Днепр в районе д. Печки, что в 70 километрах к северу от Киева, и 2 июня, разбив польскую кавалерийскую бригаду

ген. Романовского, заняла м. Горностайполь. Тогда для разгрома Чапаевской дивизии поляки бросили на Горностайполь ударную 1-ю дивизию легионеров и 9-ю пехотную дивизию. Под Горностайполем развернулись ожесточенные бои, длившиеся вплоть до 8 июня 1920 г. Чапаевская дивизия, несмотря на огромные потери, вынудила польские части к отходу.

10 июня 73-я и 75-я бригады 25-й Чапаевской дивизии вышли на 80 километров в тыл 3-й польской армии в районе ст. Бородеянка и Тетерев. К этому времени наша 1-я Конная армия прорвала польский фронт в районе м. Сквиря и заняла район Житомира. В результате 3-я польская армия генерала Рыдз-Смиглы, занимавшая весь Киевский район, оказалась в стратегическом окружении. Это вынудило маршала Пилсудского отдать приказ на отход от реки Днепра к западу, назад в Польшу.

3-я польская армия, — вероятно, из-за боязни конницы Буденного, — начала отход не по Житомирскому шоссе, а по жел. дороге на Коростень, т. е. через позиции, занятые 25-й Чапаевской дивизией. Здесь полки Чапаевской дивизии вступили в упорные бои со всей 3-й польской армией. Ст. Бородеянка переходила несколько раз из рук в руки. И все же чапаевцы отбросили штыками поляков в направлении к Киеву, не дав им возможности отойти на запад. В бою под Бородеянкой погиб почти весь начсостав полков 73-й бригады чапаевской гвардии. Но бойцы не отступали.

Наконец, ценой огромных потерь поляки заняли м. Бородеянку. Чапаевцы, отойдя на 5 км к северу от ст. Бородеянка в район м. Берестянка, несколько раз переходили в контратаку, заставив тем самым польскую армию быстрее очистить Советскую Украину.

Поляки предполагали, что с прорывом на р. Свидж дорога для них будет открыта. Но польские паны ошиблись в своих надеждах. Дорогу им преградила 75-я бригада 25-й Чапаевской дивизии, хорошо укрепившаяся на р. Тетерева. Несмотря на то, что бригада столкнулась со всей 3-й польской армией, она не отступила и приняла неравный бой.

Чапаевцы беспрерывно атаковывали поляков в течение трех суток—13, 14 и 15 июня 1920 г., вынудив их 16 июня отойти за р. Уж.

20 июня под г. Овручем чапаевцы разбили наголову группу полковника Рыбака в составе пяти пехотных полков, захватив в плен до 1000 солдат и 8 тяжелых орудий и вынудив 3-ю польскую армию отойти за р. Уборть. С 23 по 25 июня в районе г. Олевска происходило сражение между 25-й Чапаевской дивизией и поляками, которые были отброшены за р. Уборть и далее на г. Сарны. Теснимая нами 3-я польская армия отошла впоследствии к берегам Вислы. Чапаевцы взяли г. Сарны, г. Ковель и подступили к стенам г. Холма.

По окончании советско-польской войны 25-я Чапаевская дивизия расположилась в г. Полтаве. Молодые бойцы не забыли славные боевые традиции своих старших братьев—бойцов Чапаевской дивизии. За отличную боевую и политическую учебу в условиях мирного времени 25-я дивизия была награждена ЦИК СССР орденом Ленина.

* * *

Чапаев погиб, но созданная им дивизия, победоносно прошедшая весь героический путь гражданской войны, живет и ныне. Живет в сердцах трудящихся и память о неустрашимом, отважном герое В. И. Чапаеве. Именем героя Чапаева названы совхозы, колхозы и фабрики, улицы, площади и сады. Почетное имя Чапаева носит быв. Иващенск, ныне город Чапаевск. В. И. Чапаеву посвящено много песен, стихов и книг.

Т. Д. ОВЧИННИКОВ
(КРАСНОЗНАМЕНЕЦ-ЧАПАЕВЕЦ)

БОЕЦ И ДРУГ

Из нашей семьи в отрядах В. И. Чапаева и под его командованием участвовало четверо: мой отец Дмитрий Фокеевич (убитый бандой Серова), брат Алексей (убитый во время второго нашего наступления на Уральск), дядя Степан Фокеевич (убитый при налете казаков на Уральск) и я, из всей нашей семьи один оставшийся в живых.

Первый раз я встретился с Чапаевым в селе Селезнихе в доме отца. Мой отец и брат с самого начала революции вступили в партию большевиков и еще до моего возвращения в село с германской войны проводили работу по организации бедноты и по борьбе с земством. Брат был уже в отряде Красной гвардии, куда собирался вступить и отец. По приезде я тотчас же вступил в партию, а также и в отряд т. Баулина.

Сидели мы как-то вечером — отец, мать и я, пили чай. Отец говорил матери:

— Ну, старуха, собирай и меня. Два сына у меня в Красной гвардии, а я что тебя что ли буду караулить. Пойду и я воевать. — Мать ударилась в слезы, но в этот момент к нам приехали Чапаев с женой Пелагеей, Плясунков и Потанов.

Первым вошел Чапаев и поздоровался. За ним вошли и остальные.

Завязалась беседа. Я все время смотрел на Чапаева. В это время о подвигах его уже гремела слава, и каждому

хотелось попасть в его отряд. Был Чапаев среднего роста, глаза у него светлосиние, немигающие, пронизывающие насквозь человека. Лицо свежее, без единой морщинки, подбородок тщательно выбрит, пышные усы. В минуты гнева Чапаев дергал себя за усы, и тогда светлосиние глаза его делались почти черными. Одет он был в военную тужурку, на нем были синие брюки, высокие фасонистые сапоги. Обратил я внимание на его шапку, она была с красным околышем. И был он и его соратники — Плясунков и Потапов — вооруженные, как говорится, до зубов. У каждого была винтовка, шашка, по паре револьверов.

Отец говорил Чапаеву:

— Два сына есть у меня. Один у тебя в отряде, другой у Баулина. И сам я собираюсь вступить в отряд, только вот не знаю в какой.

Чапаев тут похлопал моего отца по плечу и сказал, улыбаясь:

— Ты, старик, ко мне вступай. У меня самый боевой отряд. Мы промаха не знаем. Когда бывает нехватка оружия у нас, так мы зубами...

Мы все рассмеялись, а Чапаев вскочил и сказал:

— А теперь, айда в сельсовет. Проведем собрание бедноты...

СЛУЧАЙ С „МОРТИРКОЙ“

Это было в июне 1918 года, накануне боя под Орловкой, которую тогда занимали чехо-словаки. Вечером прибыл в наше расположение Чапаев и собрал командиров полков и с ними вместе наметил план наступления на Орловку. Чапаев, водя карандашом по бумаге, говорил Плясункову:

— Ты пойдешь с своим полком на Богорода, а с Богорода на Горбачев хутор, а оттуда в развернутом порядке двинешься на Орловку. 3-му полку приказываю ударить в лоб. 4-й полк должен ударить чехов от Озерок и отрезать им путь к отступлению. Вот так возьмем мы их в кольцо и ни одного не выпустим.

Наступление началось на рассвете. Наша батарея заняла удобную позицию в лесу, около хутора Горбачева. Целью батареи являлось не дать чехам возможности уйти из Орловки по большой дороге. Накануне наша

батарея, состоявшая из трехдюймовок, пополнилась отбитой у неприятеля мортирой. или „мортиркой“, как мы ее называли. Из трехдюймовок мы стрелять научились не плохо, а вот из „мортирки“ еще не умели.

Бой начался.

Чехи, как и предполагало командование, хлынули по дороге из Орловки. Заработала наша батарея. Трехдюймовки стреляли исправно, — видно было, как от их снарядов редеют ряды неприятеля. Но все же „мортирка“ была крайне необходима, с ее помощью мы сумели бы нанести чехам решительный удар. Но она стояла бесполезная и только „злила“ артиллеристов.

В самый разгар боя около нас появился Василий Иванович. Он закричал нам:

— Почему у вас не стреляет мортира?

Мы признались в своем неумении. Тогда Чапаев быстро подбежал к „мортирке“ и скомандовал наводчику:

— Канаш! Убавь прицел.

Сделал выстрел — снаряд разорвался где-то далеко, за уходящими чехами. Несколько минут Чапаев провозился с мортирой, но она, словно заколдованная, не подчинялась.

Вскоре прискакал Петр Исаев. За ним подъехал старый, ободранный грузовой автомобиль; на нем стояли два пулемета. Увидев автомобиль, Чапаев крикнул:

— Петька, давай пулеметы!

Машина развернулась. Чапаев подскочил к одному из пулеметов и начал стрелять. Его меткая стрельба внесла панику в ряды противника. Чехо-словаки, потеряв строй, в беспорядке бежали, и их настигал огонь пулемета.

Вскоре Орловка была наша. После боя Чапаев подошел к нам и сказал:

— Эх, вы, артиллеристы! Не сумели во-время мортиру наладить.

Стыдно нам было. Но зато после „мортирка“ работала у нас исправно, больше она нас не подводила.

РАЗВЕДКА ПОД ст. САХАРНОЙ

В августе 1919 года происходили бои и стычки с казачками под станицей Сахарной. Как-то вечером прискакал к нам на батарею Чапаев и, обратясь ко мне, как командиру связи батареи, сказал:

— Пошли кого-либо потолковее на наблюдательный пункт узнать, откуда казаки сосредоточивают удар на нашу часть. Дело это важное, смотри, чтоб оно было выполнено, а не то... знаешь меня...

Я сказал ему:

— Мне надо поехать самому.

— Нет, лучше пошли кого-нибудь. Ты мне еще годишься, а там тебя могут убить.

— А если убить, то тем более мне надо самому ехать... Сам, Василий Иванович, говоришь, что дело важное... Ну, так и не задерживай меня!

Он согласился, и я поехал в разведку. Провел всю ночь вблизи позиции противника и на рассвете выведать, что нужно, и поехал обратно. Казаки заметили меня и открыли стрельбу. Пуля попала мне в зубы и застряла.

Возвращаюсь к Чапаеву.

— Ну, как?— спрашивает он меня.— Выведал, узнал?

А я с пулей в зубах никак говорить не могу. Накинулся тут он на меня:

— Зря она тебе, дураку, в лоб не попала. Говорил я тебе не ездить. Ну, айда в околоток там тебе ее вытасят.

Побежал я в околоток. Там никак не могли вытащить пулю ланцетом. Тогда я поскакал к своей батарее, решив с помощью товарищей чем-нибудь вытащить пулю. А Чапаев уже ждет меня у батареи, ругается и торопит:

— Ну, говори же скорее, чортова башка!

Тут я начал сам руками выдирать пулю, покрутил, покрутил ее и вытащил.

— Вот она, проклятая!

Чапаев посмотрел на пулю и сказал мне:

— Ты, Тишка, береги ее на память. Ну, теперь рассказывай.

Кровь хлестала у меня изо рта, но я уже мог говорить. Рассказал ему, что казаки, судя по сосредоточению их частей, главный удар готовят на наш правый фланг.

Чапаев тут же дал распоряжение сконцентрировать артиллерию и пулеметы на правом фланге.

Вскоре казаки начали наступление. Огромной лавой они бросились на наш правый фланг.

Командир батареи Леша Иванов сосредоточил по ним артиллерийский огонь. Заработали и наши пулеметы. Казаки раза четыре бросали в нас в атаку и каждый раз отбивались нами с большим для них уроном.

Дело доходило до рукопашного. Во время боя совсем близко к нам подошел их броневик. Мы бросили бомбу под него, а в колесо воткнули штыки. Всех находящихся на броневике перебили. При заходе солнца бой прекратился. Казаки, потеряв много убитыми и ранеными, отступили.

Во время этого боя Чапаев ураганом летал по фронту. Где только горячая схватка, там был и он. После боя Чапаев подъехал ко мне и сказал:

— Ну, спасибо тебе, Тишка, не ошибся ты, правильно провел разведку. И хотя у тебя небольшое ранение, но за такое дело я тебе даю отпуск недели на две. Отдохни, если хошь, в родное село съезди. Погляди, как и что там.

— Ну, что ж,—говорю,—поеду, заеду перед отъездом к тебе в Бударино.

— Заезжай, заезжай.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Через два дня я собрался в дорогу и поехал в Бударино, где находился штаб дивизии, проститься с Чапавым. Приезжаю в Бударино и встречаю коменданта штаба дивизии Ваню Глазкова.

— Ты куда собрался?—спросил он меня.

— Домой.

— Сдавай свое оружие!

— Как сдавай оружие?—удивился я.

— Ты приказ читал?

— Нет, не читал,

— Ну, так вот слушай. Все едущие домой должны сдавать оружие.

— Я свое не сдам. Оружие мне может пригодиться и в дороге и дома.

— Не отдашь оружия, так иди объясняться к Чапаеву.

— Ну что ж, пойду к Чапаеву, к нему я и приехал.

Нужно сказать, что своим оружием я очень дорожил. В одном бою я взял у убитого мною офицера планшет,

шашку и наган. Планшет, в котором были документы, отдал Чапаеву, а шашку и наган оставил себе.

Чапаев на это дал мне свое согласие, сказав:

— Ну, ладно. Оружие досталось тебе в бою, так храни его.

Прихожу я к Чапаеву. Спрашиваю его, должен ли я выполнить приказ и сдать оружие.

Он вспыхнул:

— Обязательно!!!

Тут мы с ним заспорили. Чапаев рассвирепел. Дергает свои усы, в глазах злой огонь. Как и всегда с ним бывало, сначала он накричит, накричит, а потом и остывает. Так случилось и тут. Остыл он и заговорил спокойно:

— Ну, ладно, уж разрешу я тебе ехать с оружием. Ты того... не сердись уж, ладно, погорячился я немножко. Поезжай, отдохни! За последний бой ты должен получить еще награду.

— Какую? — спросил я его.

— У меня от Реввоенсовета есть часы. Вот ты и возьми их.

— Не надо мне никакой награды.

— Ну, как же ты не возьмешь? Пойми, ведь часы от Реввоенсовета. Возьми, возьми! Ну, как у тебя пуля-то цела?

— Цела, говорю.

— Ты вот что, Тишка, вылей ее и повесь на часах вместо брелка. Вот ловко будет! Ну, а теперь катись.

Мы с ним простились. Он стал собираться в Лбищенск, а я поехал в Уральск.

Я еще не доехал до Уральска, как услышал разговор о налете казаков на Лбищенск, а в Уральске узнал о гибели Чапаева и всего штаба дивизии. Мне стало тяжело и больно. Я не поехал домой, а сейчас же вернулся в свою часть.

М. Н. ПАТРИКЕЕВ

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ
ДЕЙСТВИЯ

С Василием Ивановичем Чапаевым я встретился впервые в Николаевске (Пугачевск), когда приехал из Березова, после подавления там вторичного кулацкого восстания. Чапаев в это время был комиссаром Красной гвардии. Мы встретились с ним в штабе (при Бурсе). На нем был еще старый мундир, на котором были заметны на груди места, где раньше висели георгиевские кресты и медали. Со мной еще были командиры отрядов Чапаева Потапов и Рязанцев. Все мы просили Чапаева снабдить нас оружием и боеприпасами. Чапаев сказал нам:

— Оружия я вам много не дам, оружие есть при вас. Надо рвать зубами кулаков-кровопийцев и белобандитов. Пощады им не давать!

Тут он обернулся к одному из своих — в папахе, с красными усами — и сказал:

— Дай им, Пашка, оружие и боеприпасов, да только быстро, не задерживай и сейчас же отправляй на места!

Пашка (Павел Пахомов) повел нас в оружейный склад. Нагрузили мы две подводы оружием и доставили в село Мало Перекопное, где находился наш отряд, состоявший из кавалерии и пехоты.

В мае 1918 года, когда Чапаев сосредоточивал силы для похода на Уральск, наш отряд под командой т. Топоркова также был отправлен в помощь Чапаеву. Я остался

в Мало-Перекопном и взялся вместе с Алексеем Фаддеевым за организацию нового отряда. В короткое время мы организовали отряд в 280 штыков и 40 сабель. Командиром этого отряда был сначала т. Фаддеев, а я его помощником, а через некоторое время я стал командиром отряда. В это время везде были кулацкие и белогвардейские восстания. В Сухом Отроге против нас выступило кулачество с вилами, топорами и обрезам. Под станцией Пылковской у нас был сильный бой с белогвардейцами, где мы захватили в плен двух офицеров, 85 белогвардейцев и немало оружия, которым хорошо вооружились.

БОРЬБА С ЧЕХАМИ

В двадцатых числах июня, по распоряжению Чапаева, наш отряд был перекинут под Таволожку, где я принял под свое командование объединенный отряд, впоследствии переименованный в 3-й Советский полк. Из Пугачевска прибыл в мой отряд т. Киселев Александр со своей обозной командой и др. мелкие отряды. Тут пошла борьба с чехами. Чапаев в это время командовал тремя полками: 1-м Пугачевским, полком им. Степана Разина и Интернациональным, составленным из мадьяр, китайцев и киргизов. Наш 3-й Советский полк стал по счету четвертым у него. Кроме того, поступили под его командование 4-й Советский полк т. Новикова и кавалерийский полк т. Сурова.

Все шесть полков составляли 2 бригады. Я находился во второй бригаде и командовал 3-м Советским полком. Нужно сказать, что все наши полки были недостаточно укомплектованы и составляли всего 1500 человек пехоты и 500 человек кавалерии (Суровский кавалерийский полк). Таким образом, у нас всего было 2000 человек, составлявших Чапаевскую дивизию. А против нас была хорошо вооруженная армия чехо-словаков, численностью свыше 10 000 человек.

Числа 13—14 августа я получаю приказ от Чапаева задержать перед Большой Таволожкой наступление чехов,двигающихся на Пугачевск. Я расставил свои силы и приготовился к отражению чехов. К вечеру чехи огромной лавиной пошли на нас в наступление. Бой длился

всю ночь. Шесть раз чехи бросались на нас в атаку и каждый раз мы их отбивали и делали контратаки, а потом стали отступать по Иргизу, для соединения с другими полками Чапаевской дивизии.

БОЙ ЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ МОСТ

На пути к Пугачевску я получил от Чапаева приказ: „Занять южную сторону г. Пугачевска и охранять железнодорожный мост. Не удержишь мост — расстреляю. Чапаев“.

Чехи, заняв Пугачевск, ринулись на нас к железнодорожному мосту. Я принял все меры к тому, чтобы не дать железнодорожного моста. Чехи направили против нас большие силы, стараясь овладеть мостом, и сосредоточили на нас артиллерийский огонь. Мы стояли в воде с винтовками и бомбами в руках, охраняя подступы к мосту. Командир пулеметной команды т. Красулин расставил около моста 4 пулемета и приказал пулеметчику Михаилу Живаеву:

— Умри у пулемета, но не допускай ни одного чеха!

И Живаев вместе с другими пулеметчиками отразил все атаки чехов. В этом бою чехи потеряли не менее 1000 человек. Когда чехи отступили от моста, я подошел к Живаеву и не мог оторвать его рук от рукоятки пулемета.

Чапаев в это время шел к Пугачевску с восточной и северо-восточной стороны. Чехи, потерпев огромный урон у моста и узнав о наступлении Чапаева, быстро отступили от Пугачевска.

Чехи отступили по направлению к Орловке, где они сосредоточили главные силы, а штаб их дивизии занял Липовку.

23 августа я получил приказ от Чапаева повести наступление на чехов через сс. Дороговиновка и Подшибаловка. В этом приказе предлагалось мне выяснить пункты расположения противника, главные силы и слабые места подступов к нему.

Я занял указанные мне села без боя и выяснил, что в Орловке сосредоточены самые крупные силы чехов, не менее 5000—6000 человек, причем Орловка представляла собою такую позицию, к которой трудно было подойти.

ЧАПАЕВ НА РАЗВЕДКЕ

25 августа в расположение моего полка прибыл Чапаев с ординарцем Петей Исаевым и, подойдя ко мне, сказал:

— А ну-ка, товарищ командир, пойдём посмотрим местность, которой ты ведаешь.

Мы сели на коней. Я пригласил с собой начальника конной разведки и 10 кавалеристов, и мы выехали в разведку.

Ехали мы оврагами и изучали местность. Не доезжая пяти километров до Орловки встретили конный разъезд чехов в количестве 40 человек. Они выезжали из оврага на нашу сторону. Чапаев скомандовал:

— В атаку!

С гиком мы бросились в атаку. Чехи круто повернулись, некоторые из них полетели с обрыва, но вскоре оправились и выскочили из оврага прямо на нас. Началась рубка. Один наш конный разведчик налетел на конного чеха и выстрелил в него, но попал в левую руку; чех размахнулся на него шашкой, но в этот момент я ударил чеха по правой руке и взял его в плен, но когда я обернулся, то увидел, что человек двенадцать чехов окружили Чапаева и двух наших конников. Я крикнул своему коннику, державшему пленного чеха:

— Васька, за мной, Чапаев окружен!

У меня в боях в одной руке всегда была шашка, в другой наган. Когда мы подъехали с Васькой на помощь Чапаеву, я одного чеха ударил шашкой, в другого выстрелил. Чапаев одобрительно крикнул: „Вот так и нужно!“

Васька врезался в ряды чехов и начал рубить направо и налево. Тут мне пришлось увидеть, как дрался Чапаев. Его шашка свистела в воздухе, и при каждом ударе он издавал звук, напоминающий звук дровосека.

В результате боя было убито 11 чехов, 5 ранено, 7 человек взято в плен; у нас не было ни одного убитого, ни одного раненого.

Чапаев торжествовал и, усмехаясь, говорил:

— А ещё хотели взять Чапаева! Где им, сволочам. В носу не кругло.

Тут я заметил у Чапаева кровь на губе и спросил его:

— Василий Иванович, ты ранен, у тебя на губе кровь.

— Это кровь не моя, а чехов—сказал Чапаев.—Вон, гляди, как Чапаев рубит! И он показал мне на убитого чеха, у которого голова до туловища была рассечена на две половины.

Едем обратно с трофеями—пленными чехами и забранным у них оружием. Чапаев говорит нам с большим самодовольством:

— Вот видали, как ездить с Чапаевым? У нас совсем нет потерь, а у них убитые и раненые. И мы еще в плен ведем. Вот так всегда надо бить врагов.

Вскоре прибыли из штаба ординарцы за Чапаевым, и он уехал с ними.

БОЙ ПОД ОРЛОВКОЙ

26 августа получаю приказ от Чапаева о наступлении на Орловку. В приказе дается предписание выбить противника из Орловки. В помощь нашему полку было дано два батальона 1-го Советского полка в количестве 400 штыков.

На другой день в 3 часа утра мы выступили и на рассвете уже были в пяти километрах от Орловки. Стали нащупывать противника из орудий. Нашупали. В свою очередь противник открыл ураганный огонь из орудий и пулеметов. Местность перед Орловкой была ровная, что давало возможность противнику видеть наше расположение. Наблюдательные пункты у противника находились на церкви и на мельнице. Против нас действовало до 18 орудий и до 5000—6000 человек пехоты. Наши же силы исчислялись в 1200 штыков и 60 сабель.

Весь день 27 августа и в ночь на 28 августа мы делали атаки, но выбить противника не удалось. Он занимал возвышенный вал, спускающийся в долину. Мы не видели противника за бугром, а ему с колокольни и возвышенности видны были наши части как на ладони. Безуспешна была наша попытка взять Орловку и утром 28 августа. В ночь на 29 августа прибыл к нам Чапаев вместе с батальоном пехоты полка им. Степана Разина и двумя эскадронами кавалерии. Чапаев сказал мне:

— Ну, товарищ командир, я привел к тебе бойцов, с которыми ты возьмешь Орловку.

Он вместе со мной и др. командирами разработал план наступления и дал такой приказ: „9 августа, ровно в 12 час., быть в Орловке“. „Не возьмешь Орловку,—добавил он, обращаясь ко мне,—пеняй на себя—расстреляю“.

Вместе со мной Чапаев прошел по всему фронту, интересовался расположением частей, давал советы и указания. В одном месте он заметил дремавшего красноармейца, облокотившегося на винтовку.

Чапаев, показывая на него, заметил мне:

— Товарищ командир, это что у вас спят люди?

Красноармеец был смущен и стал просить у Чапаева извинения:

— Василий Иванович, ты прости меня, больше я дремать не буду.

— Ну, ладно, ладно, прощаю,—сказал Чапаев, и обернувшись ко мне, добавил:—ты, командир, доложи мне о нем, будет он исправный, или нет.

В ночь я двинул части в наступление. Один батальон подошел к оврагу в 2 километрах от Орловки. У противника в овраге, около пруда, находился пост. Пост нас не заметил. Наш батальон снял пост без выстрела и, подойдя совсем близко к противнику, открыл пулеметный и ружейный огонь. Командир нашей батареи т. Сорокин также сосредоточил меткий и убийственный огонь по противнику и вскоре выбил у него три орудия из строя. Мы бросились в атаку. Начался рукопашный бой. Во время боя я заметил, что наш правый фланг зашатался и дрогнул под натиском противника. Я бросил на помощь ему две роты. Эта помощь помогла правому флангу выдержать натиск и взять инициативу в свои руки. Я же с тремя ротами и двумя эскадронами кавалерии под прикрытием 4 пулеметов зашел в тыл противника и ударом в затылок захватил 4 орудия, несколько пулеметов и обоз с боеприпасами. Противник сейчас же обернул свой правый фланг и вступил с нами в рукопашную, намереваясь окружить нас и взять в кольцо. Но тут на помощь нам пришел Миша Живаев, направив ураганный пулеметный огонь по противнику. В результате мы окружили противника и беспощадно уничтожили. Рукопашный бой длился 4—5 часов. Во время резни мы перемешались с чехами. Получилась настоящая бойня. Чехи падали под нашими ударами, молили о пощаде.

У чехов были две офицерских белогвардейских роты. Они пробились и стали удирать из нашего кольца по оврагу. Пулеметчик Миша Живаев заметил их, перенес пулемет на горку и взял весь овраг под обстрел, преградив путь отступления офицерам. Шесть офицеров бросились к нему. У пулемета он был один, но он все же не растерялся. Четырех офицеров расстрелял, двоих забрал в плен и обезоружил. Тут же наша кавалерия бросилась наперерез офицерам и всех до одного уничтожила.

Живаев подошел ко мне весь черный и грязный и сказал:

— Товарищ командир, так что я отбил противника и представляю свои трофеи. Вот два офицера!

Я похвалил и обнял его.

В этом бою принимали участие все наши обозные части. Когда был особенно сильный напор чехов на наш правый фланг, то брошены были все нестроевые части, которые оказали большую помощь. Особенно проявил себя в бою начальник обоза т. Киселев Александр, который своим энтузиазмом и криком: „За мной!“ увлек всех обозников за собой в атаку.

В результате этого боя чехи потеряли около 4000 человек убитыми и ранеными. Мы же потеряли всего 25 убитыми и около 50 человек ранеными. Взяли богатые трофеи. Много оружия и боеприпасов.

Под вечер приезжает к нам Чапаев, поздравляет нас с победой, предлагает показать ему наши трофеи и сколько мы наколотили чехов.

Подъезжаем к позиции т. Плясункова, командовавшего двумя батальонами. Чапаев обращается к нему:

— А ну, Плясунков, покажи-ка нам чехов.

Плясунков показал рукой на бугор, весь покрытый трупами.

— Вот смотри, Василий Иванович, сколько!

Чапаев одобрительно кивнул головой.

— О, хорошо. Теперь чехи не полезут на нас, а прямо сбегут в свою Чехию.

— В Чехо-Словакию, Василий Иванович—поправил Плясунков.

— Како там в Чехо-Словакию, дальше сбегут, говорю, прямо—в Чехию.

Все рассмеялись.

Едем мы дальше с Чапаевым по месту сражения. Он все время восхищался и говорил:

— Вот так навалили! Вот так навалили! Так им и нужно, продажным шкурам!

Осмотрев поле битвы, Чапаев обернулся ко мне:

— А у тебя, товарищ командир, много в полку убитых?

— Пустяки—отвечаю. Очень мало. На счет можно сказать.

— А кто убит-то?—интересуется Чапаев.

Я называю фамилии убитых и раненых красноармейцев.

— А командиры есть убитые?

— Ни одного. Убит политрук т. Спицын. Его окружили человек 15 чехов. Он человек шесть уложил, а четверо подняли его на штыки.

— Жаль, жаль,—покачал головой Чапаев,—славный был товарищ и боец. Как же это ему не оказали поддержку?

— Наши кавалеристы бросились на выручку, да было уже поздно. Не успели спасти его, но чехов всех зарубили.

Чапаев тут же приказал продолжать наступление до полного уничтожения чехов. На другой день мы взяли Липовку и преследовали чехов. Чехи в панике отступали, бросая на пути орудия, пулеметы и разное снаряжение. В короткое время весь десяти тысячный отряд чехов был уничтожен.

Чапаевская дивизия заняла фронт от главного тракта Пугачевск—Самара и до Волги. Дивизия получила назначение взять Самару и перехватить отступающие из Сызрани и Пензы эшелоны белых.

ЧАПАЕВ УЕЗЖАЕТ В ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ

Когда мы были от Самары в 40 километрах, около Кинеля, пришло распоряжение Чапаеву выехать в Москву в военную академию. Наш полк подходил к селу Гвардейцы, когда нас на автомобиле догнал Чапаев. Обращаясь ко мне, он сказал:

— Приехал прощаться. Высшее начальство требует Чапаева учиться. Они там наверху полагают, что мы плохие вояки. Ну, что ж, поеду, посмотрю...

— Ты, верно, Василий Иванович, с неохотой едешь? — спросил я его.

— Ну, какая охота, сам понимаешь. Время ли теперь учиться? Враг еще не разбит и не добит. Но надо подчиняться приказам свыше.

Он побыл с нами недолго. Попрощался со всеми и уехал обратно.

Вскоре после отъезда Чапаева, от нового командира дивизии Захарова был получен приказ: 2-й бригаде, в которую входил мой полк, перейти на Уральской фронт и взять Илецкую Защиту, а 1-й бригаде дан приказ идти на Уральск.

И. П. ВАЖИН
(Краснознаменец-чапавец)

БОДРЫЙ ОТРЯД

Мое родное село Красная Речка, Пугачевского уезда, где я родился в 1898 году, дало немало бойцов в партизанские отряды, из которых впоследствии составила́сь Чапаевская дивизия. Из этого села вышел такой знаменитый командир, лучший соратник Чапаева, как И. С. Кутяков, ныне полкомандующего Приво, такие бойцы, как орденносец Киселев Карп, начальник батареи Сорокин, Кусаков и др.

С Кутяковым мы были товарищами детства, вместе играли, вместе пасли овец и свиней.

Во время империалистической войны я был на австрийском фронте, откуда прибыл в родное село в начале 1918 года. Вслед за мной вернулся в Красную Речку и Кутяков, в качестве комиссара полка. Мы его избрали председателем сельсовета. Под его руководством стали мы отбирать у кулаков лошадей, коров, излишки хлеба и раздавать беднякам. Под руководством Кутякова мы организовали боевую дружину. Кутяков из Пугачевска привез 8 винтовок и небольшое количество боеприпасов. Вскоре к нам прибыл отряд Красной гвардии под командой т. Степанова. В этот отряд из нашего села записалось свыше 40 человек, в том числе Кусаков, я и наш односельчанин прапорщик Сорокин, хороший артиллерист, который впоследствии играл большую роль, как командир батареи. Командир отряда т. Степанов повел

нас по направлению Пугачевска для подавления кулацких восстаний в селах Любицком и Семанине. В пути, далеко от этих сел наша разведка сообщила о том, что противник близко. Степанов скомаандовал: „в цепь!“

Мы рассыпались и открыли стрельбу.

Вдруг кто-то закричал нам:

— Товарищи, да это свои. Это отряд Чапаева.

Мы прекратили стрельбу и вскоре встретились с отрядом Чапаева. Здесь я впервые увидел Василия Ивановича. Мы и раньше слышали об его подвигах и жаждали увидеть его.

Он подъехал на белом коне, вооруженный с ног до головы, и сказал:

— Я Чапаев!

Все мы окружили его и разглядывали. Чапаев спросил нас:

— Вы, ребята, идете воевать за кого? — А ну, кто ответит?

Тут раздались голоса:

— Бить кулаков!

Чапаев сказал:

— Не только, товарищи, кулаков надо бить, а всех врагов советской власти, всех белобандитов, всех, кто пойдет против нас, рабочих и батраков. Надо только бить врага вернее, без промаха. И нужно не щадить врага! Уничтожим врагов и завоюем хорошую жизнь.

Сели мы на подводы и поехали дальше. Ночевали в пустующем помещичьем хуторе. Огромный помещичий дом был нетронутым. Стояла мебель на местах, зеркала, всякие безделушки. За домом—сад, кладовки, конюшни, в которых стояли упитанные рысаки.

Чапаев говорил нам:

— Вы, ребята, здесь не бейте и не колите ничего, это все наше, завоеванное. Берите только то, что нужно для войны.

Мы отобрали лошадей, всякую конскую сбрую, а также телеги и фургоны для своего обоза. На другой день утром наш отряд под командой т. Степанова двинулся на Любицк, а отряд Чапаева по другому направлению.

Приезжаем в Любицк. Навстречу нам высыпала беднота. Мы узнали, что до нас в селе были казацкие

и кулацкие банды. Многих из бедноты посажали, а человек двадцать расстреляли и зарыли в землю. Командир отряда т. Степанов приказал кулакам отрыть яму, извлечь трупы и обмыть их. Мы сделали гробы и торжественно похоронили погибших товарищей. Над кулаками мы устроили суд и всех виновных в смерти наших товарищей расстреляли.

Вскоре после этого наш отряд был переименован в 3-й Советский полк, из него большинство бойцов перешло к Чапаеву — в полк имени Степана Разина. В числе других перешел к Чапаеву и я. В отряде Чапаева было исключительно бодро. Наш отряд не знал поражений. Громили мы и кулачье и казаков. А после боя отдыхали с песнями и плясками. Особенно любил петь и плясать сам Василий Иванович. Бывало соберемся у него в штабе или на квартире. Чапаев обычно говорил, обращаясь к Петру Исаеву:

— А ну, Петька, споем! Ребята, присоединяйтесь!

Запевалой был Петька Исаев или сам Чапаев. Пели обычно песни: про Ермака, „Сижу за решеткой в темнице сырой“, „По морям, по волнам“ и другие.

Когда надоело петь песни, Чапаев вскакивал и говорил:

— А ну, ребята, спляшем!

Тут на сцену выступал гармонист и песенник Андриан Попонов, который залихватски, растягивая гармонь запевал дикую цыганскую песню, мы все подхватывали припев, а Чапаев пускался в пляску. Плясал Чапаев хорошо, легко, ударяясь в присядку. Конкурентом ему по пляске был один Беляков Антон. Только его не мог переплясать Василий Иванович. Но случалось, что Беляков уступал ему и раньше времени кончал пляску. В этих случаях Чапаев оставался доволен: „Что, Антошка, сдрейфил? Ну, где тебе переплясать Чапаева“.

После взятия Уральска наша Чапаевская дивизия была переброшена на Восточный фронт. Мне пришлось принимать участие в боях под Каменным Бродом, ст. Воскресенской и Самарой. После разгрома самарской „учредилки“, мы двинулись на Уфу. Бои под Уфой длились в течение 7 дней. Помню, на 4-й день боев мы лежали в густой высокой ржи. В это время я захотел повидаться с своим земляком, командиром бригады

Кутяковым. Узнав, где он находится, я отправился к нему. Подхожу, вижу лежит во ржи Кутяков, а с ним рядом командующий армией т. Фрунзе, и два ординарца Кутякова — Рахматурин и Шитьков. Вижу т. Фрунзе пишет приказ Чапаеву о наступлении по всему фронту.

Фрунзе запечатал приказ в конверт и отдал Рахматурину со словами:

— Вези к Чапаеву! Чапаев сейчас находится в Пугачевском полку.

Рахматурин сел на коня и ускакал. Посидели с полчаса. Покурили. Фрунзе поднялся и сказал Кутякову:

— Ну, Иван Семенович, давайте в атаку, пора!

Поблизости был расположен Иваново-вознесенский полк, справа наш 219-й Домашинский полк, рядом с нашим, полк Степана Разина. Кутяков дал приказ этим полкам идти в наступление. Загremели наши батареи. Тут я увидел, как т. Фрунзе остановился перед Иваново-вознесенским полком и закричал:

— Иваново-вознесенцы! Я вас организовал, я вас поведу и в этот бой! Вперед за мной!

Выстрелил из карабина и быстро пошел впереди полка. Весь полк стройной цепью двинулся за ним.

Наступление началось по всему фронту. В это время, как я потом узнал, Чапаев уже успел со своим Пугачевским полком зайти в тыл противника. Наступление наше успешно развивалось. Противник стал отступать к реке Белой и стал перебираться по мосту на ту сторону. Мы громили его из орудий и пулеметов. Все же противник успел перебраться и взорвать мост. На 7-й день мы перешли через реку Белую и заняли Уфу. В Уфе нам дали недельный отдых, а затем нашу Чапаевскую дивизию отправили на Уральский фронт на выручку Уральска, осажденного казаками.

На станции Богатой я получил от комбрига Кутякова отпуск и уехал в свою деревню. Когда я вернулся из отпуска, Уральск был уже взят. Некоторые части Чапаевской дивизии стояли на Бухарской стороне, а наша 73-я бригада, под командой т. Кутякова, готовилась к наступлению на станцию Сахарную.

Это было в августе. День был жаркий. Бой начался в самый полдень. Мы шли цепью к станции Сахарной.

Противник молчал. Мы думали, что он уже отступил, но когда подошли совсем близко, противник открыл пулеметный огонь. Мы быстро залегли и начали отстреливаться. Правый фланг нашего полка ударился было в панику, но командир полка т. Михайлов закричал:

— Товарищи, ни с места! Сейчас к нам прибудет 18 пулеметов под командой Бубенца.

Действительно вскоре прибыли пулеметы к нам на помощь. Раздалась команда т. Михайлова:

— Товарищи, в атаку! Ура!

С криками „ура!“ мы бросились в атаку. Казаки стали отступать. Видим, в станице загорелся сарай. Тут красноармейцы закричали:

— Братцы, это казаки пленников зажгли! Тут мы все разъярились и бросились на отступающих казаков. Когда мы заняли станицу Сахарную, сарай уже догорал и обвалился. Когда заглянули в сарай, то на нас пахнуло запахом жареного мяса. И мы увидели груды обгоревших трупов. Собрали останки наших товарищей и похоронили.

Наш полк стоял в станице Сахарной с неделю. В ночь на 5 сентября я ночевал в штабе бригады Кутякова. В 4 часа утра была поднята тревога. Тов. Кутяков сообщил нам, что ему только что передали по телефону, что казаки сделали налет на Лбищенск, на штаб Чапаева, что там идет бой и резня. Мы выбежали и стали готовиться итти на Лбищенск. В это время загремели выстрелы, и казаки пошли против нас в наступление. Первые атаки их были отбиты. Комбриг Кутяков дал приказ всем полкам отступать по направлению к Уральску, через Лбищенск. После того, как мы оставили станицу Сахарную, последние наши части взорвали собор, где были запрятаны казаками снаряды. От взрыва снарядов загорелась ст. Сахарная, поднялся ветер, и языки пламени стали перебрасываться на другие станицы. Мы отступали при зареве пожаров, казаки были позади и впереди нас. Нам приходилось пробиваться через их цепь. День и ночь мы отстреливались от казаков и пробивались к Лбищенску. С Бухарской стороны прибыла нам на помощь кавалерия под командой т. Аксенова, которая отогнала казаков. Когда мы приблизились к Лбищенску, то он уже был занят бригадой тов. Рязанцева.

В самом Лбищенске мы застали еще на улицах много трупов; в особенности их много было на площади, где был штаб Чапаева, на берегу Урала и за городом в районе ветряных мельниц, где казаки расстреливали пленных красноармейцев и обозников.

Мы пробыли в Лбищенске два дня. Хоронили своих погибших товарищей. Долго искали в реке труп Чапаева, запускали невода, шарили по дну реки железными боронами, но Чапаева так и не нашли.

Командование Чапаевской дивизией принял на себя т. Кутяков. Чапаева с нами не стало, но жили его сподвижники-чапаевцы. Под командой т. Кутякова вскоре мы разгромили полчища казаков и успешно гнали их до самого Гурьева.

И. П. ШАЧНЕВ

МУЖЕСТВО И ОТВАГА

Когда я приехал в Пугачевск в декабре 1917 года, там уже была довольно сильная большевистская организация во главе с товарищами Ермощенко, Михайловым и Бочкаревым. Я тотчас же вступил в члены большевистской организации и был ею направлен в с. Ломовку для проведения агитации за свержение земства и для организации бедноты. По приезде на место я организовал первый красногвардейский отряд в количестве 165 человек. При помощи этого отряда мы ликвидировали земство во всех близлежащих селах. Тут уже начались кулацкие выступления и кулацкие восстания. До февраля 1918 года мы восстановили в волостях советы, а затем я со своим отрядом вошел в Чапаевский отряд, действовавший в районе Пугачевск—Семениха.

В Чапаевском отряде была организована комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Я был избран председателем этой комиссии. Точно так же при отряде организовалась ячейка большевиков, в которой я также был председателем. Мы проводили в отряде массовую работу и контроль. С Чапаевым в это время я встречался довольно часто. Перед наступлением он приглашал командиров и меня, и мы совместно составляли и обсуждали планы наступления.

Как-то после одного из небольших боев, мы расположились в небольшом селении на отдых. Пили чай в квартире Чапаева и вели беседу по вопросам программы нашей партии.

Я говорил Чапаеву:

— Тебе, Василий Иванович, надо бы получше разобраться в политических вопросах. Тактика и стратегия большевиков тесно связаны с военной стратегией. Не уясняя и не связывая эти два вопроса, можно впасть в ошибки и притти к поражению.

Чапаев усмехнулся и сказал:

— Что мне ваша политика. Я знаю свое военное дело. Мне вот приказано разбить неприятеля, и я разобью и обеспечу победу.

— Без знания большевистской тактики и стратегии нельзя одержать и обеспечить полную победу над нашими врагами.

Чапаев упорствовал:

— Не нужно мне этого. Я и так сумею бить врага. Я нутром все понимаю и готов грызть зубами врагов. А вы мне говорите учиться. Надо воевать, а учиться будем, когда окончательно добьем врага...

Вспоминаю такой эпизод, характеризующий Чапаева как командира и человека. Стояли мы в ноябре 1918 года в селе Озинках. В наши руки попали белогвардейские листовки, в которых они призывали крестьян перейти в белую „народную“ армию и выдать Чапаева живым или мертвым. Прочитав эти листовки, Чапаев был сильно раздражен. „Ах, сволочи! — воскликнул он. — Я им покажу, узнают они Чапаева!“

Он тут же поручил мне подобрать ему из отряда человек 70—80 самых боевых на разведку.

Я подобрал. Когда бойцы были на конях, Чапаев сказал:

— Едем биться на смерть... Кто из вас трусит, то лучше не езжайте сейчас!

Все закричали:

— Едем! Нет между нами трусов!

Поехали. Я ехал вместе с Чапаевым, стараясь вывести его из мрачного состояния. Всю ночь мы проездили, искали штаб казаков и не нашли. Утром на рассвете возвращались обратно, усталые и разозленные

бесплодными поисками. Вдруг неожиданно увидели кавалерийский отряд, человек 90—100. В первое время мы не знали, чей отряд — белых или свой.

Тогда стали делать переключку.

— Какой полк? — спрашиваем мы.

Те, не отвечая на вопрос, в свою очередь спрашивали:

— А вы какого полка?

Перебранка длилась несколько минут.

Чапаеву надоела канитель и он скомандовал нам рассыпаться в цепь и быть наготове, а сам поскакал на встречу неизвестному отряду и, когда приблизился, то увидел, что перед ним были казаки с несколькими золотопогонниками. Чапаев выхватил наган, блеснул шашкой и крикнул:

— Я — Чапаев! Бросай оружие!

Наш отряд немедленно кинулся ему на помощь. Белоказаки были так поражены смелостью Чапаева, что потеряли способность сопротивляться и сдались без боя.

В числе пленных оказались полковник и два капитана. Когда их привели в штаб отряда, Чапаев настолько развеселился, что пустился в пляску.

— А что взяли? — остановился он перед офицерами. — Сами небось писали листовки-то? Хотели меня забрать в плен, а сами попались.

Обращаясь к полковнику, Чапаев сказал:

— Ну, говори все начистоту, где ваш штаб, какое количество войск, какое вооружение! Скажешь, оставляю живым. Не скажешь — расстреляю!

Полковник молчал. Молчали и другие пленные офицеры. На третий день, не добившись от них ничего, мы их расстреляли.

Последний раз я встретился с Чапаевым на Восточном фронте в селе Землянке в штабе снабжения. Начальник снабжения не хотел отпускать Чапаевской дивизии достаточного количества огнеприпасов, в особенности фугасных гранат. Неожиданно явился Чапаев и, узнав в чем дело, приказал своим красноармейцам-обозникам:

— Берите, что вам нужно. Я, Чапаев, отвечаю за все!

Начальник снабжения хотел что-то возразить, но Чапаев выхватил наган и повторил:

— Берите, ребята, берите! Я буду за все в ответе...

МИХАИЛ ЖИВАЕВ
(Краснознаменец-чапаевец)

МОИ ВСТРЕЧИ

не было всего 17 лет, когда я сменил дизель „Людвиг Нобель“ на пулемет „Максим“.

К моменту выезда на Уральский фронт я уже стал пулеметчиком-наводчиком.

Отряд т. Димидкина, куда я вступил в 1918 году, влился под общую команду В. И. Чапаева, и вот на

Уральском фронте, во время первого моего боевого крещения — наступления на ст. Шипово, я увидел Василия Ивановича Чапаева, как и всегда, ехал верхом на лошади и с ним не менее человек 20—25 конных всадников, — это его лучшие командиры и ординарцы (Кутяков, Плясунков, Горбачев, Петька Исаев, Петька Волков и другие).

Стрельба на нашем участке была беспорядочная, стреляли не дружно, а порой и впустую. У многих красногвардейцев являлось желание просто пострелять. В. И. Чапаев, проезжая по фронту, крепко нас ругал за это.

Его приказ о прекращении стрельбы был немедленно выполняем. Чувствовалась какая-то сила в этом человеке.

При взятии Шипова он носился с одного участка на другой и все время лично руководил боем, подбадривая красногвардейцев и командиров.

Шипово — эту первую станицу контрреволюционного Уральского казачества — брали несколько раз, так как

Фронт в это время был не постоянен. При вступлении в Шипово Чапаев предупреждал нас всех:

— Я вам, товарищи, в строю командир, и вы должны меня слушаться. Смотрите, не кидайтесь на пищу, казаки народ хитрый, могут отравить, а главное, — продолжал Чапаев, — это не брать ничего из имущества, кто будет „барахлить“, буду сам лично расстреливать...

Предупреждения В. И. Чапаева оказались верны.

Из ст. Шипово население почти поголовно бежало в другие станицы и хутора, ибо было запугано всевозможными небылицами о красногвардейцах. Часть из бежавших в своих погребах оставили отравленные съестные продукты. Некоторые из красногвардейцев, не послушав наказа т. Чапаева, умерли скоро после принятия этой пищи.

После взятия Шипова был устроен красногвардейский митинг, на котором выступил В. И. Чапаев. Говорил он мало, но дельно, и авторитет его был велик.

— Мы, — говорил Василий Иванович, — должны немедленно занять Уральск и во что бы то ни стало раздавить врага. Вы видите сами, среди нас офицеров и генералов нет, я ведь тоже не офицер, а вот командую какими силами. Надо выбирать командиров из своих братьев.

Чапаеву долго аплодировали, и красногвардейцы тут же начали поротно, повзводно выбирать командиров. Выбирали всех от командира отделения до командира отряда. На всех выборах голосовали за Чапаева. Он стал главным командиром.

Командирами выдвинули таких, как Кутяков, Плясунков, Новиков, Топорков, Суров, Димидкин, Горбачев и др., т. е. людей из батраков, всем своим нутром ненавидящих буржуазию и ее прихлебателей.

Вслед за Шиповым вскоре взяли Деркул и хутор Синенькие. Так двигались по пути к Уральску. Казаки сильно сопротивлялись, не желая добровольно расстаться с своим уральским привольем.

Сюда на уральский фронт, кроме отрядов Чапаева, были стянуты красногвардейские отряды из Новоузенска, Саратова. В. И. Чапаев быстро завоевал авторитет среди всех этих отрядов.

Мы Чапаева стали чтить, как героя, как отважного полководца, а командование Уральского казачества в

своих белогвардейских газетах старалось перед своей армией показать Чапаева чуть ли не палачом. Уральское казачество через свои печатные органы объявило за голову Чапаева большую сумму денег.

К Уральску наши части подошли плотную, и видно было, как казаки уже эвакуировали часть имущества из города. Остальные хотя и продолжали с нами биться, но были готовы к сдаче Уральска. Снаряды, патроны и питание у нас было на исходе. С часу на час ожидали, что подвезут, но подвод не было. Стрелять стали редко. Жажда и голод одолевали бойцов.

По фронту поползли разные слухи. Кто уверял, что в тылу измена, а кто роптал на командиров, что, мол, неопытные они в военном деле.

К вечеру Чапаев проезжал по фронту хмурый и по обыкновению дергал усы.

Многие из нас слышали, когда Чапаев в беседе со своими верными командирами говорил:

— Изменники, сволочи, так и знал офицерье подведет, а я ведь не одно писал донесение, а более десятка. Уральск вот и в руках будто, но не наш.

Чапаев сделал умный маневр перед казаками. Зажег костры, нарыл ложных окопов и впереди воткнул несколько винтовок, сделав чучела, выставляя все это казакам в виде постов.

Казаки долгое время не могли догадаться, почему красные не стреляют? Когда все оформление было закончено, мы начали отступать. Отступали ночь и следующий день. Между ст. Семиглавый Мар и Шипово казаки догнали наши части. Узнав от взятых ими в плен красноармейцев, что красные отступают из-за отсутствия снарядов и патронов, белое казачество с хоругвями, иконами двинулось на нас лавиной.

Бронеавтомобиль, принадлежащий казакам, прорвал нашу цепь и двинулся к главным силам.

Наша артиллерия ударила оставшимися от боя снарядами, и броневик был сбит.

Чапаев сумел дать казакам отпор и спас красногвардейские отряды. Казаки позорно отступили. Первый поход на Уральск был неудачен.

Приезжали к нам из центра и Саратова следственные комиссии по разбору причин отступления от Уральска,

но вина была не наша, придаться было не к чему и комиссии уезжали молча. А среди красногвардейской массы и состава циркулировали даже слухи, что была измена со стороны отдела снабжения армии.

Надвигалась новая гроза. По Волге шли чехословаки, а в наших селах: Семенихе, Березове, Липовке, Брыковке, Балакове и др. восстало кулачество, которое начало восстанавливать земство. Главной опасностью было то, что восставшее кулачество свергло советы и начало вырезывать семьи ушедших в Красную гвардию. В Саратове в это время восстали из богатых семей фронтовики. С Уральского фронта мы двинулись подавлять восставших кулаков.

В. И. Чапаев собрал сводный отряд и двинулся лично на Березово, а потом на Балаково для расправы с кулаками. Другая часть отрядов пошла подавлять восстания в Семенихе, Липовке, Брыковке, Бортеневке и др.

По приезде в Балаково, крепко расправился В. И. Чапаев за убитого контрреволюционерами своего брата Григория Чапаева. Военная операция наших отрядов в Березове, Семенихе, Балакове, Липовке и др. селах дала знать кулачеству силу Красной гвардии. Чапаев при подавлении восстаний в селах быв. Пугачевского уезда лично руководил отрядами и никогда не терял связи с парторганизацией уезда. Пощады кулачеству не было.

Чапаев стал грозой не только для белоказаков, но и для кулачества, а также и чехословаков.

Командование чехов не случайно говорило: „Если бы не Чапаев, восставшее кулачество помогло очистить нам беспрепятственно всю Волгу до Саратова“.

В городе Пугачевске (ранее Николаевск) быстро начали формировать полки и готовиться к встрече чехов. Мне пришлось идти в полк т. Патрикеева.

В период формирования полков я близко познакомился с В. И. Чапаевым и его семьей.

Около плотины через р. Иргиз был выставлен караул, а караульное помещение было в кухне дома, где жила семья В. И. Чапаева.

Мне около 2 месяцев пришлось быть в этом помещении. И вот я здесь хорошо познакомился с Чапаевым. Он имел характер вспыльчивый, но, когда требовало дело, шел на уступки. Разговаривал он с нами по вече-

рам о германской войне и вспоминал прошедшие бои с белоказаками. Чапаев в это время командовал особой группой николаевских, т. е. пугачевских полков. Когда Чапаев приезжал с фронта, то с ним всегда было не менее 25 человек конных всадников. Здесь был его любимый ординарец Петька Исаев и др.

В семейной жизни Чапаев был очень прост. Поля, его жена, к нам относилась с особым уважением. Клавдия, Александр и Аркадий — дети Чапаева, были еще совсем юные. Чапаев очень любил своих детей. Ребята в основу игры брали войну и воображали себя взрослыми чапаевцами. Бывало по вечерам разговариваем, разговариваем, затем Василий Иванович хлопнет ладонью по колену. Мы все сидящие встанем, прислушиваемся, что будет дальше.

— Вот что, ребята, а не лучше бы нам спеть какую-нибудь песенку.

А мы все знали, что любимые песни Василия Ивановича были про Степана Разина, про Чуркина и Ермака Тимофеевича. Долго поем, и все хочется петь, а потом встанет Чапаев и говорит:

— Ну, пора, товарищи, спать. Завтра едем на фронт. Чехи на нас идут.

— Ну что же? Дадим отпор.

Не в первый раз в бою-то быть.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Последний раз с Чапаевым я встретился в бою под с. Орловкой. Это был решающий бой, после которого чехословаки начали отступать до Самары и дальше. Село Орловка, Пугачевского района, расположено на возвышенном месте. Следовательно командные высоты были в руках чехов. Нам наступать было очень трудно. Наш 3-й Советский полк пробовал два раза наступать, но оба раза мы отступали. В с. Орловке были сконцентрированы все главнейшие силы противника.

Чапаев разработал подробный план этого наступления на с. Орловку, и мы, все 4 полка, ночью двинулись по разным направлениям.

Утром завязался бой.

Мы не могли подступить к цепи противника, так как противник открыл ураганный, артиллерийский и пулеметный огонь. Противник не жалел ни снарядов, ни патронов.

Во время наступления выяснилось, что 4-й Советский полк выступил раньше срока в бой, в результате чего понес поражение, поэтому потребовалась перегруппировка сил и выравнивание флангов. Завязался снова бой. Мы, несмотря на ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, с боем продвигались вперед.

Вот уже близки окопы, но чехи упорно отбиваются, но, когда с тыла повел наступление сам Чапаев, чехи бросились в панику. Сам Чапаев с группой кавалеристов и командиров кинулся в атаку на отступающих чехов. Под напором т. Чапаева, артиллерия перестала бить по нас, и мы выгнали чехов из окопов.

Чапаев метался с одного фланга на другой. Орловку заняли мы, но чехи продолжали вести атаки.

Под с. Левинкой, в одном из оврагов, залегла большая группа чехов и упорно не сдавалась. Тогда наш командир 3-го Советского полка т. Патрикеев отдает приказ в атаку. Мы кинулись на чехов, те перешли в контратаку.

Здесь случилось маленькое замешательство, но когда подъехали Патрикеев и с ним Чапаев, мы перешли в атаку. Мне много приходилось быть до этого боя в других боях, но я не видел, как сходятся в атаку штыками.

Наши части, при поддержке командиров Патрикеева и Чапаева, одержали победу. Чехи не устояли от наших штыков и редкий кто из них скрылся от красноармейского глаза. В другом участке тоже завязалась штыковая атака. Чапаев дает распоряжение мне, как пулеметчику, в присутствии командира полка т. Патрикеева — выехать на гору и с тылу обстрелять противника.

С этой задачей я блестяще справился.

Как только открылся пулеметный огонь, чехи начали отступать, а наши красноармейские части перешли в наступление на убегающих чехов.

В этом бою все наши части не раз перемешивались друг с другом, но видно было и чехам, что они проиграли бой и главное оставили не одну тысячу убитых на Орловских и Левинских полях.

В конце этого боя, во время преследования чехов я был контужен, но в госпиталь ехать отказался.

Чапаев, когда ехал, сказал:

— Ты бы от пулемета сам подальше лежал — глядишь и снарядом не контузило.

После орловского боя т. Чапаева я не видел, так как он вскоре был переброшен на другой участок, а потом — в академию.

О гибели Чапаева мы узнали на южном фронте, когда нашу бригаду влили для пополнения 20-й дивизии. Весть о гибели Чапаева была для нас скорбью великой, но мы, закаленные в боях с Чапаевым, еще сильнее, лучше стали бить врагов. И вот теперь, когда я встретил младшего сына В. И. Чапаева, Аркадия Васильевича Чапаева во время 1-го краевого съезда советов, он попросил меня написать воспоминания об отце.

Чапаева партия и правительство чтит, как героя, и не случайно, что теперь в районах Заволжья десятки колхозов, совхозов носят имя Чапаева и в г. Куйбышеве открыт ему памятник.

Даже в Сибири и на Украине колхозы и села стали называться именем Чапаева. Это говорит за то, что вся страна Советов, рабочие, колхозники и трудящиеся так же любят своего героя.

К. Г. КИСЕЛЕВ
(Краснознаменец-чапаевец)

РАССТАНОВКА СИЛ

Прошло уже много лет со времени славных боев под командой нашего неустрашимого командира Василия Ивановича Чапаева, но воспоминания о них еще свежи, и сам Чапаев, как живой, встает в моей памяти. Впервые я увидел Василия Ивановича в селе Клопихе, где я из отряда т. Степанова перешел в его отряд. Из Клопихи мы шли под командой Чапаева на Николаевку. В пути Чапаев послал меня с командой пеших разведчиков вперед километра за три, чтобы установить расположение неприятеля. В количестве 60 человек мы отправились на подводах и вскоре натолкнулись на кавалерийский чешский отряд. „Ну, думаем, дело плохо, погибнем“. Вдруг видим мчится к нам Чапаев. Он, видимо, спохватился, что сделал промах, послав нас в сторону противника, который в любую минуту нас мог отрезать своей кавалерией. Подскакал к нам и скомандовал:

— Киселев, рассыпай в цепь и в атаку на кавалерию!

Я сейчас же подал команду: „Вправо, влево в цепь на противника. Ура!“. Чапаев был впереди и всех нас воодушевлял. Противник дрогнул под нашим натиском и начал отступать. Гнались мы за ним километра три и многих белых перебили. После этого мы взяли Николаевку, отбили у чехов автомашину, 4 пудемета и 2 орудия. Оттуда наш полк им. Степана Разина прошел в Гусиху, а Чапаев в это время действовал под Пугачевском,

где разбил в пух и прах казаков. Под Гусихой наш полк наткнулся на значительные силы чехов, принял бой, но потерпел поражение. Этот эпизод воспроизведен в кинофильме „Чапаев“. Чехи отрезали нам пути отступления, и нам пришлось, бросая оружие и обмундирование, переплывать через реку Ирғиз. Чехи в это время многих из наших перестреляли.

Когда мы, переплыв через Ирғиз, бежали нагишом по полю, перед собой заметили возвращавшегося Чапаева. Он ехал впереди отряда на тарантасе, по бокам ехали верхом его ординарцы. Сзади за ним скакал отряд кавалерии. При виде нас Чапаев приказал всем нам идти в атаку на чехов. Мы бросились за ним. Чехи, при виде Чапаева, поспешно отступили по направлению к Пугачевску. Нам же пришлось задержаться. Зашли мы в Гусиху, где получили обмундирование и вооружение. Чапаев обращаясь к красноармейцам без оружия, спрашивал:

— Где у тебя винтовка?

— В Ирғизе, товарищ Чапаев.

— Достань!

— А как ее достанешь, там глубоко.

— Ныряй, а достань!

Многие ныряли в воду, но очень немногим посчастливилось достать со дна реки оружие.

Как только наш полк был восстановлен, мы двинулись в наступление на Пугачевск, который в это время уже заняли чехи. Ночью мы дошли до села Новичков-Успенка. Остановились в балке (в долу). Тут от одного перебежчика мы узнали, что чехи ожидают из Самары большой обоз с боеприпасами и снаряжением и посылают из Пугачевска для встречи этого обоза небольшой отряд на нескольких подводах. Чапаев приказал мне как командиру пеших разведчиков расставить засады на пугачевской дороге и дал мне такой наказ: „Зажать в кольцо чехов и покончить с ними без выстрела“. „Коли будет офицер — наказывал Чапаев, — так не рубите его, а доставьте мне живьем“.

Я расставил свою команду и стал ждать чехов со стороны Пугачевска. Вскоре действительно показались подводы. Их было шесть. Когда они поравнялись с нами, мы выскочили и взяли их в шашки и штыки. На передней подводе ехал офицер, который выхватил наган и целился

в меня. Я сейчас же своим клинком отрубил ему руку, а другим ударом раскроил голову. Покончили со „встречей“ без выстрела, но все же было досадно, что погорячился я и не выполнил приказа Чапаева о доставке ему офицера живьем. Тут я сказал своим ребятам: „Делать нечего, живьем не удалось, так доставим его мертвым“.

Так и было сделано.

Оставалось встретить чешский обоз из Самары. Уже слышался в отдалении скрип телег. Обоз приближался. Командир батальона т. Бубенец надел на себя погоны с убитого мной офицера и выехал с несколькими кавалеристами для встречи обоза. Двум же батальонам нашего полка было приказано по первому знаку т. Бубенца окружить обоз и взять его в штыки. Бубенец встретил обоз и разыграл перед чешским полковником, едущим на первой подводе, роль белого офицера. Бубенец попросил полковника пообождать, пока он доложит о прибытии обоза своему генералу, а тем временем наши батальоны, под прикрытием темноты, взяли обоз в кольцо и по знаку Бубенца открыли по обозу пулеметный огонь. Заодно с обозниками было побито и много лошадей. Чапаев этим был недоволен и не мало ругал командиров батальонов. Он говорил, что „можно было обойтись без стрельбы, а то чехи в Пугачевске могли услышать стрельбу и теперь их захватить врасплох не придется“.

Так оно и случилось. Чехи до нашего прибытия успели покинуть Пугачевск. После взятия нами Пугачевска я получил от Чапаева назначение быть при Ново-Захаркинском волисполкоме председателем Ревкома. Чапаев мне наказывал, чтобы я поддерживал революционный порядок и не допускал никаких насилий над крестьянами. Помимо этого я должен был ловить дезертиров и доставлять их в части. Дал мне Чапаев соответствующий мандат и 8 кавалеристов для охраны. Приехал я в Ново-Захаркино в самое тревожное время. Кругом оперируют банды, того и гляди налетят и превратят в мясо. Днем проводил работу в Волисполкоме и Ревкоме, а как наступала ночь, шел со своими ребятами-кавалеристами ночевать за околицу села — в поле. В селе ночевать было опасно. Не мало было случаев, когда белобандиты нападали на квартиры ответственных работников и красноармейцев и учиняли над ними расправу. Пробыл я в Ново-Захаркине 20 суток

и получил от т. Кутякова с Самарского фронта телеграмму: „Немедленно прибыть в часть“. Сейчас же мы выехали и прибыли в Самару на другой день после взятия ее нашими войсками.

В Самаре я был Чапаевым назначен командиром особой роты штаба 1-й бригады. Приняв командование над ротой, я получил приказ выехать вперед километров за сорок, изучить местность, разбить ее на участки и ждать прибытия полков Чапаевской дивизии. Я отправился по назначению. В моем распоряжении было 60 кавалеристов и 5 связистов. Поручение мною было выполнено. Вскоре после этого началось наше наступление на Уфу. Во время переправы через реку Белую Чапаев был ранен в голову, но остался в строю. Переправлялись мы довольно примитивно. Ломали заборы, ворота и из них сооружали плоты. Под огнем противника переправились на другой берег. После переправы взяли Уфу, где нам предоставили трехдневный отдых. Вскоре по приказу командарма т. Фрунзе полки нашей Чапаевской дивизии были двинуты из Уфы в район Бузулука для освобождения блокированного казаками Уральска.

С В. И. Чапаевым я больше не встречался.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Д. Фурманов.</i> —ЧАПАЕВ	5
<i>И. С. Кутяков.</i> — ПУТЬ ЧАПАЕВА	59
Детство Чапаева	61
Годы зрелости	65
Чапаев—организатор Красной гвардии	66
Первый поход на Уральск	77
Создание Пугачевской бригады	81
Второй поход на Уральск	83
Борьба Чапаева с чехо-словаками	86
Разгром армии самарской „учредилочки“	94
Бой под Таловой	100
Чапаев в Академии Генштаба	105
Против Колчака	109
Чапаев освобождает Уральск	116
Гибель В. И. Чапаева	121
Чапаев погиб, но 25-я Чапаевская осталась жива	136

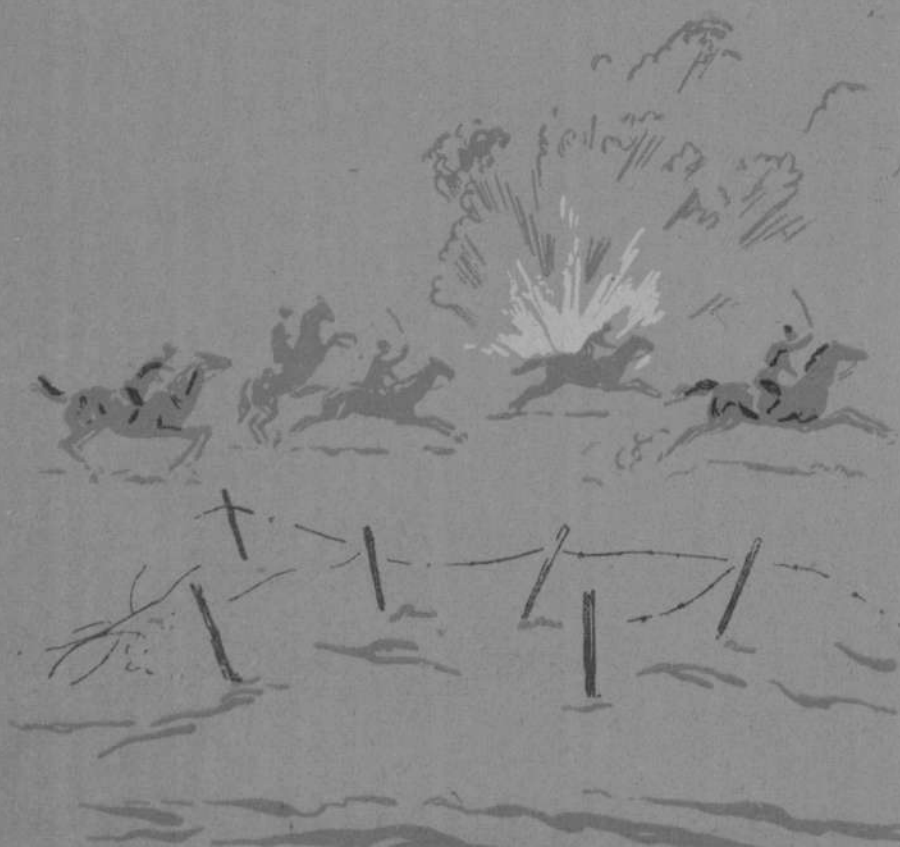
ВОСПОМИНАНИЯ ЧАПАЕВЦЕВ ПЕЧАТАЮТСЯ ВПЕРВЫЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБРАБОТКЕ Д. БОРИСОВА

<i>Г. Д. Овчинников.</i> —БОЕЦ и ДРУГ	141
Случай с „мортиркой“	144
Разведка под ст. Сахарной	145
Последняя встреча	147
<i>П. Н. Патрикеев.</i> —РЕШИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ	149
Борьба с чехами	152
Бой за железнодорожный мост	153
Чапаев на разведке	154
Бой под Орловкой	155
Чапаев уезжает в Военную Академию	158
<i>И. П. Важин.</i> —БОДРЫЙ ОТРЯД	161
<i>И. П. Шачнев.</i> —МУЖЕСТВО И ОТВАГА	169
<i>Михаил Живаев.</i> —МОИ ВСТРЕЧИ	175
Последняя встреча	181
<i>К. Г. Киселев.</i> —РАССТАНОВКА СИЛ	185

Редактор изд-ства *И. Гупалов*.
Техническ. редактор *И. Лебедев*.
Корректор *В. Соколов*.
Обложка, форзац и супер-
обложка *Б. Миловидова*.

Сдано в производ. 13/III-36 г.
Подписано к печати 9/V-36 г.
Тираж 25000 (1—10500). Бумага
82×110^{1/32}. Печатных листов 12.
Бум. лист. 6. Знаков в печатном
листе 34.944. Учетн.-автор. 9,2.
Индекс X-6в. Издат. № 24.
Заказ № 1772. Крайлит А/158.
Цена 2 р. 75 к. Перепл. 1 р. 25 к.

Типография № 1 Саратовского
Крайместпрома.

4 руб.

